

ОМЛ 13-230

Т. Н. Мудюгин

**РАССЛЕДОВАНИЕ
УБИЙСТВ,
ЗАМАСКИРОВАННЫХ
ИНСЦЕНИРОВКАМИ**

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН
И РАЗРАБОТКЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ

БИБЛИОТЕКА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Для служебного пользования

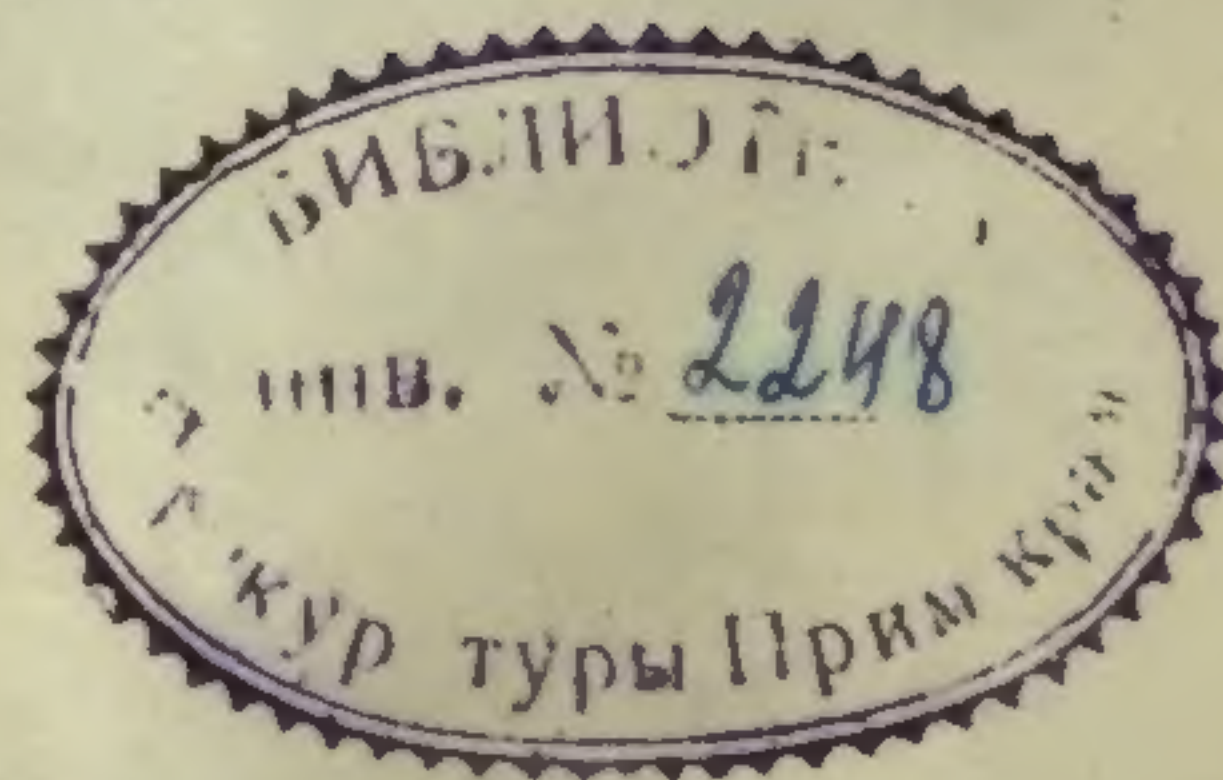
Экз. №

002517

Г. Н. МУДЬЮГИН

РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ,
ЗАМАСКИРОВАННЫХ
ИНСЦЕНИРОВКАМИ

МОСКВА — 1973

СПЕЦИФИКАЦИЯ ЗАМАСКИРОВАННОСТИ

§ 1. ИНСЦЕНИРОВКА

а) «Сомнительно»

При обнаружении сомнений в том, что характер, локализация, местоположение трупов, взятые обыски.

В то же время, учитывая, чем вызвано убийство или несчастный случай. В частности, выясняются (или, в случаях смерти, также выясняются) возможные, а также человек попросился в трудное.

Сложные случаи от падения, также от смерти могла постигнуть, а также легко устался.

Изучение, а также возникновение, либо стечение

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава I. Специфика дел об убийствах, замаскированных инсценировками	3
§ 1. Инсценировка как способ сокрытия убийства	3
а) «Сомнительные» случаи смерти и их причины	3
б) Инсценировка как способ сокрытия убийства и факторы, определяющие выбор этого способа преступником	6
в) Две разновидности версий преступника об обстоятельствах смерти потерпевшего	10
г) Схема поведения виновного, выдвинувшего версию о смерти потерпевшего в его присутствии	11
д) Схема поведения виновного, выдвинувшего версию о смерти потерпевшего в его отсутствие	12
§ 2. Основные особенности расследования убийств, замаскированных инсценировками	16
а) Выяснение причины и рода смерти потерпевшего — основное направление первоначальной стадии следствия	16
б) Выдвижение нескольких версий о роде смерти потерпевшего; обязательность версии об убийстве	17
в) Проверка версии об убийстве и версии подозреваемого, подтверждаемой инсценировкой, при проведении первоначальных следственных действий	18
г) Признаки инсценировки и особая роль негативных обстоятельств при ее разоблачении	19
д) Разоблачение инсценировки и ее автора — кратчайший путь к выявлению виновного	27
Глава II. Возбуждение уголовного дела и первоначальные следственные действия	32
§ 1. Особенности возбуждения уголовного дела	32
а) Возбуждение уголовного дела в сомнительных случаях смерти	32
б) Возбуждение уголовного дела при обнаружении трупа в обстановке, указывающей на возможность самоубийства	33

	Стр.
в) Возбуждение уголовного дела при обнаружении трупов в водоемах	34
г) Возбуждение уголовного дела в случае скоропостижной смерти и при иных обстоятельствах, указывающих на возможность отравления	35
§ 2. Первоначальные следственные действия	36
а) Задачи осмотра места происшествия и особенности тактики его проведения	36
б) Специфика осмотра трупа на месте происшествия	39
в) Обыск по месту предполагаемого убийства	42
г) Общие вопросы судебно-медицинской экспертизы	45
д) Допрос свидетелей, выявленных на месте происшествия	49
Глава III. Общие задачи и приемы расследования убийств, замаскированных инсценировками	53
§ 1. Выявление подозреваемого	53
§ 2. Проверка виновности подозреваемого	60
Глава IV. Особенности расследования при инсценировке самоубийства	68
§ 1. Причины преимущественного выбора преступником данного вида инсценировки	68
§ 2. Общие вопросы	71
§ 3. Особенности расследования инсценировок самоубийства при различных способах лишения жизни	80
а) Инсценировка самоповешения	81
б) Инсценировка при утоплении	85
в) Инсценировка самоубийства, совершенного путем выстрела из огнестрельного оружия	91
г) Инсценировка самоубийства, совершенного острым оружием	99
Глава V. Особенности расследования при инсценировках других видов смерти	104
§ 1. Расследование при инсценировках несчастного случая	104
а) Общие вопросы	104
б) Инсценировки несчастных случаев бытового характера	105
в) Инсценировки несчастного случая на транспорте	117
§ 2. Расследование при инсценировке обстановки убийства, совершенного третьим лицом	123
а) Общие вопросы	123
б) Проверка версии подозреваемого	126
в) Роль экспертиз в проверке версии подозреваемого	131

	Стр .
г) Роль улик поведения	134
§ 3. Расследование при инсценировках ненасильственной смерти	136
а) Общие вопросы	136
б) Признаки смерти от отравления	138
в) Установление смерти от отравления и определение вызвавшего отравление вещества	139
г) Выявление обстоятельств и виновника отравления	140
д) Задушение мягким предметом	143
§ 4. Расследование инсценировок убийств, совершенных якобы по неосторожности или в состоянии необходимой обороны	144
а) Выбор преступниками данных разновидностей инсценировок и выдвижение ими соответствующих версий	144
б) Особенности расследования убийств, совершенных якобы по неосторожности	146
в) Особенности расследования умышленных убийств, совершенных якобы в состоянии необходимой обороны	151

ГЛАВА I

СПЕЦИФИКА ДЕЛ ОБ УБИЙСТВАХ, ЗАМАСКИРОВАННЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ

§ 1. ИНСЦЕНИРОВКА КАК СПОСОБ СОКРЫТИЯ УБИЙСТВА

а) «Сомнительные» случаи смерти и их причины

При обнаружении трупа убитого чаще всего нет никаких сомнений в том, что смерть вызвана именно убийством: характер, локализация, а иногда и количество повреждений, местоположение трупа, окружающая обстановка — все это вместе взятое обычно дает ясное представление о происшедшем.

В то же время встречается немало случаев, когда установить, чем вызвана смерть погибшего — убийством, самоубийством или несчастным случаем, оказывается сложной задачей. В частности, следователю приходится сталкиваться с неясными (или, как их обычно называют, «сомнительными») случаями смерти при обнаружении трупа в водоемах, когда даже выяснить, наступила ли смерть от утопления, не всегда возможно, а если это и удастся, то решить вопрос: утонул ли человек по неосторожности, был ли он утоплен или сам бросился в воду с целью самоубийства, бывает крайне трудно.

Сложные ситуации возникают и при установлении смерти от падения с высоты, от действия высокой температуры, а также от огнестрельного ранения. Во всех этих ситуациях смерть могла явиться последствием собственной неосторожности погибшего, самоубийства, а равно и убийства. Не всегда легко установить и то, был человек удушен или повешен.

Изучение следственной практики показывает, что причиной возникающих в таких случаях сомнений оказываются либо стечение объективных обстоятельств, либо умышленные

действия преступника. Среди первых чаще встречается далеко зашедшее разложение трупа, чему способствует длительное нахождение трупа в воде или влажной и теплой среде, а иногда и просто обнаружение трупа в безлюдной, глухой местности спустя много времени после наступления смерти. В подобных условиях, даже если состояние трупа позволяет установить причину и насильственный характер смерти, определить ее род оказывается иногда нелегкой задачей. Наибольшие затруднения возникают, если долго не удастся установить личность погибшего, а повреждения на трупе могли быть нанесены как посторонним человеком, так и самим погибшим.

Особенно сложно установить, что произошло, в случаях, когда обстановка на месте происшествия умышленно изменена преступником. В зависимости от содержания выдвигаемой убийцей версии о «нейтральной» для него¹ причине и обстоятельствах смерти потерпевшего преступник уничтожает или маскирует одни следы, в то же время создавая другие, а также удаляет те или иные предметы и изменяет местоположение трупа. Таким путем преступник достигает того, что созданная им на месте преступления обстановка приходит в соответствие с картиной будто бы происшедшего события, которое он описывает в своих показаниях, например с картиной самоубийства. В таких случаях говорят об инсценировке. Под последней в криминалистике понимается создание преступником ряда искусственных доказательств, в своей совокупности образующих обстановку, характерную для определенного события. Цель инсценировки — подтвердить ложную версию преступника, нейтрально для него объясняющую причину, характер и обстоятельства расследуемого события.

Применительно к делам об умышленном убийстве преступники, в зависимости от обстоятельств, инсценируют обстановку: а) самоубийства, б) несчастного случая, в) убийства, совершенного другим лицом (лицами), г) ненасильственной смерти и д) при бесспорной их причастности к убийству — совершение его в состоянии необходимой обороны или по неосторожности. Как правило, убийца одновременно выдвигает и соответствующую версию для окружающих и следственных органов.

На практике встречаются и такие ситуации, когда пре-

¹ То есть не влекущей ответственности.

ступник, инсценируя определенную обстановку смерти потерпевшего, не дает никаких объяснений этому событию. В подобных случаях он рассчитывает на то, что следователь сам сделает вывод из обнаруженной им на месте происшествия обстановки, причем, естественно, именно тот, ради которого преступником и была проведена инсценировка. При этом все объяснения, даваемые преступником об обстоятельствах, предшествовавших смерти потерпевшего и последовавших за нею, оказываются, разумеется, согласованными с тем родом смерти, который был инсценирован. Так, если речь идет о самоубийстве, то преступник, например, утверждает, что потерпевший не раз высказывал желание покончить с собой, имел к тому веские мотивы и т. д.

Вместе с тем далеко не во всех случаях, выдвигая версию о «нейтральных» причинах и обстоятельствах смерти, убийцы прибегают к инсценировке. Если, по мнению виновного, в обстановке места происшествия нет ничего, что противоречило бы его версии и указывало на убийство, он ограничивается соответствующими объяснениями, не внося изменений в обстановку места происшествия¹.

Сталкиваясь на месте происшествия с неясной обстановкой, когда, судя по первому впечатлению, смерть погибшего могла наступить, например, от несчастного случая, но, возможно, произошла и при иных обстоятельствах, следователь должен всегда иметь в виду, что погибший мог быть убит. В подобных ситуациях обстановка на месте происшествия, местоположение и поза трупа, а также характер повреждений на нем могли либо случайно оказаться сходными с наблюдаемыми при несчастном случае, либо быть специально созданными (инсценированными) убийцей с целью ввести следователя в заблуждение.

Отсюда ясно, насколько важно для следователя уметь распознавать признаки, характерные для различных родов насильственной смерти при том или ином способе лишения жизни.

Именно поэтому в настоящем пособии будут детально освещены комплексы этих признаков, встречающиеся в практике. Знание их поможет распознавать умышленное убийство в сомнительных случаях. Основное внимание уделяется анализу различных видов инсценировок, а также методам их

---

¹ Такое поведение преступника наблюдалось по 23% дел анализируемой категории, изученных автором.

разоблачения и последующего изобличения преступника, пытавшегося с их помощью замаскировать совершенное убийство. Вместе с тем надо иметь в виду, что расследование по делам, возбуждаемым при одинаковых исходных данных, т. е. в связи с обнаружением трупа в обстановке, указывающей на возможность как убийства, так и другого рода насильственной смерти, может привести к различным результатам. Наряду с тем, что следствие может установить факт убийства, замаскированного инсценировкой, может выясниться, что инсценировки не было, а сходство обстановки убийства с обстоятельствами другого рода насильственной смерти было вызвано случайным стечением объективных обстоятельств. Наконец, может оказаться, что погибший вообще не был убит, а умер в результате несчастного случая или самоубийства и т. п.

В этом свете понятно, что круг вопросов, освещаемых в пособии, неизбежно должен быть несколько шире, чем указано в его названии. Пособие, по существу, представляет собой методику расследования сомнительных случаев смерти, возможно вызванной умышленным убийством, в частности убийством, замаскированным той или иной инсценировкой.

б) Инсценировка как способ сокрытия убийства и факторы, определяющие выбор этого способа преступником

Способы сокрытия преступлений, как известно, имеют различную направленность. Они могут преследовать разные цели, а именно: а) скрыть само событие преступления; б) скрыть его преступный характер; в) скрыть участие в нем преступника¹. Так, убийца, тщательно спрятавший труп потерпевшего и объясняющий исчезновение последнего отъездом, стремится скрыть сам факт смерти потерпевшего. Убийца, применяющий во время совершения преступления перчатки и чужую обувь, засыпающий место происшествия табаком и т. д., пытается этим скрыть лишь свое участие в убийстве. Инсценируя же, например, самоубийство потерпевшего, преступник, не пытаясь этим скрыть сам факт смерти, стремится скрыть преступный характер события, объяснить последнее той или иной нейтральной причиной, не влекущей для него ответственности.

¹ См. «Планирование расследования преступлений», М., 1957, стр. 67—69.

Как в тех случаях, когда преступник инсценирует соответствующую обстановку, так и тогда, когда он в своих показаниях лишь описывает картину якобы происшедшего события, смысл его действий заключается в том, чтобы объяснить последствия совершенного им преступления другой, нейтральной для него причиной. Такой причиной может быть, в частности, и преступление, но совершенное будто бы третьими лицами, как правило, ему неизвестными, но изредка и прямо им называемыми. Так, женоубийца может выдвинуть версию о том, что убийство совершили неизвестные ему лица, напавшие на него с женой в лесу, но может также утверждать, что жена убита каким-либо определенным лицом, подкрепив это обвинение искусственно созданными доказательствами.

Говоря об инсценировке как о способе сокрытия убийства, очень важно выяснить, кто и почему прибегает именно к этому способу сокрытия преступления.

Из следственной практики известно, что инсценировки по делам об убийстве встречаются не так уж часто¹. Это и не удивительно: проведение инсценировки связано с рядом иногда весьма сложных манипуляций, требует определенных условий, в частности достаточного времени, а также защищенного от взоров окружающих помещения или пространства и т. д. Но все же главная причина сравнительно малой распространенности инсценировок по делам об убийствах заключается в том, что у преступника обычно просто отсутствует надобность в проведении инсценировки. Так, ни хулигану, убившему на улице случайного встречного, ни преступнику, совершившему убийство при разбойном нападении на дому у незнакомого ему лица, незачем заниматься инсценировкой несчастного случая или самоубийства. Совершая убийство, преступники в таких ситуациях рассчитывают, что подозрение вообще не падет на них и им, следовательно, не придется объяснять, отчего и как наступила смерть потерпевшего. А раз так, то, естественно, нет и нужды в инсценировке, назначение которой по делу об убийстве — подтвердить объяснение преступника о причине и обстоятельствах смерти потерпевшего.

---

¹ Среди статистических показателей отсутствуют данные о способах совершения и сокрытия преступлений, поэтому привести соответствующий показатель об удельном весе дел об убийствах, замаскированных инсценировками, невозможно.

Инсценировка как способ сокрытия убийства использует- ся преступником лишь в том случае, когда он знает или предполагает, что ему придется объяснять, почему и как погиб убитый им человек. Давать же такие объяснения приходится только убийцам, более или менее близко связанным с потерпевшим. Как уже указывалось в литературе¹, для близкой связи характерны такие отношения между двумя лицами, при которых практически исключена возможность того, что в случае смерти одного из них другой не знал бы о ее причине и обстоятельствах. Наиболее типичны для данной связи отношения совместно проживающих лиц, в первую очередь членов одной семьи, а также соседей по квартире, квартирохозяев и жильцов и т. д. Но иногда столь же близко оказываются связанными и раздельно проживающие лица, например любовники.

Отсюда следует, что основным, исходным фактором, определяющим выбор убийцей такого сложного способа сокрытия, как инсценировка, служит наличие связи между ним и потерпевшим; непосредственным же последствием такой связи оказывается необходимость для преступника объяснить, как и почему погиб близкий ему человек.

Однако далеко не всегда преступник, убивший близкого ему человека (так называемый «свой» преступник), пытается объяснить причину смерти потерпевшего, подтверждая иногда свое объяснение инсценировкой. В ряде случаев он решает уклониться от такого рода объяснений и скрывает сам факт смерти потерпевшего, уничтожая, а чаще тщательно скрывая его труп (или части расчлененного трупа), чтобы воспрепятствовать идентификации личности потерпевшего. В таких случаях, как известно, дело об убийстве обычно возбуждается в связи с исчезновением потерпевшего (разумеется, если его труп или части трупа не оказываются случайно вскоре же обнаруженными)².

Каковы же факторы, обуславливающие выбор «своим» преступником такого способа сокрытия, как инсценировка?

К таким факторам следует отнести совершение убийства на общей квартире преступника и потерпевшего, поскольку, во-первых, у преступника при этом оказывается достаточно

¹ См. Г. Н. Мудьюгин, Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего, М., 1957, стр. 8.

² См. там же, стр. 9—10.

времени и возможностей, чтобы инсценировать нейтральную причину смерти, не возбуждая подозрений у окружающих, и, во-вторых, соответствующие объяснения убийцы окажутся наиболее правдоподобными. Совершение же убийства на дому у преступника, напротив, делает мало правдоподобной версию о какой-либо нейтральной причине смерти потерпевшего, наступившей будто бы как раз в момент его пребывания в квартире убийцы. Большое значение имеет и способ совершения преступления, обуславливающий характер нанесенных потерпевшему повреждений или их отсутствие. Так, если потерпевший погиб в результате сбрасывания с высоты, то характер повреждений полностью совпадает с получаемыми при аналогичном падении в результате неосторожности или самоубийства. При отравлении отсутствие наружных повреждений позволяет преступнику выдвинуть версию либо о ненасильственной смерти (например скоропостижной), либо, хотя и от отравления, но в результате или самоубийства, или неосторожности погибшего. Существенное значение имеет и возможность преступника как-то подтвердить свою ложную ссылку на алиби или правдоподобно объяснить, почему, находясь вместе с потерпевшим в момент его смерти, он не смог предотвратить ее наступление.

Наряду с названными имеют значение и обстоятельства, не дающие преступнику возможности прибегнуть к другим способам сокрытия, в частности, к таким, которые связаны с удалением трупа из помещения, где было совершено убийство, и с необходимостью затем объяснить причину исчезновения потерпевшего. Например, если убитый был серьезно болен или не мог передвигаться вследствие старости, то попытки убедить окружающих, что он неожиданно навсегда (или надолго) уехал (или ушел) из дома, естественно, ни к чему не приведут. Если убийство было совершено в коммунальной квартире многоэтажного дома, то для незаметного удаления трупа целиком или для его расчленения обычно отсутствуют условия.

Из приведенного здесь описания факторов, позволяющих убийце правдоподобно объяснить нейтральную якобы причину смерти потерпевшего и подтвердить свою версию соответствующей инсценировкой, ясно, что эти условия далеко не всегда оказываются налицо. Именно поэтому данный способ сокрытия убийства не очень часто применяется преступниками даже в случаях совместного проживания с потерпевшим.

в) Две разновидности версий преступника об обстоятельствах смерти потерпевшего

Давая свои объяснения об обстоятельствах смерти потерпевшего, преступник стоит перед выбором: либо он должен утверждать, что отсутствовал в момент наступления смерти, либо ему необходимо ответить на естественный вопрос, почему же он не предотвратил наступление смерти, если в это время находился вместе с потерпевшим.

Анализ следственной практики показывает, что выбор преступником той или иной разновидности оправдательной версии не случаен и определяется, во-первых, местом совершения убийства, во-вторых, характером связи убийцы с потерпевшим и, наконец, родом и видом инсценируемой смерти.

При совершении убийства по местожительству потерпевшего (или по месту его работы), а также в другом месте, не совпадающем с местом жительства (работы) преступника, виновные почти всегда отрицают, что потерпевший умер при них, и ссылаются на алиби. Ниже будет показано, какой именно контингент лиц обычно совершает убийства в такой обстановке и чем объясняется выбор ими данной разновидности оправдательной версии.

В тех же наиболее часто встречающихся случаях, когда убийство совершается там, где совместно проживают и преступник и потерпевший (обычно члены одной семьи), убийцы прибегают как к той, так и к другой версии в зависимости прежде всего от конкретного вида инсценировки. Например при инсценировке самоубийства преступник почти всегда ссылается на алиби и лишь в редких случаях утверждает, что в момент смерти потерпевшего был дома, но находился в другой комнате или спал. Это и понятно. Воспрепятствовать самоубийству близкого человека, находясь вместе с ним в момент попытки к самоубийству, как правило, не столь уж сложно, поэтому мало правдоподобными выглядят бы попытки виновного доказать, что он не мог помешать самоубийству, хотя и присутствовал при этом. Из общего количества изученных дел об убийстве с инсценировкой самоубийства преступники ложно ссылались на алиби в 79% случаев, утверждали, что были дома, в 14% и давали иные объяснения в 7%.

При инсценировке несчастных случаев бытового характера версия о смерти потерпевшего в присутствии преступ-

ника, напротив, выдвигается относительно часто, так как сам характер инсценируемых происшествий делает правдоподобным утверждение что присутствующие не могли предотвратить «несчастье». В то же время инсценировка транспортных происшествий (обычно наездов), как правило, связана с утверждением, что потерпевший при этом был один.

Наконец, при инсценировке «убийства другими лицами» соотношение названных обеих версий примерно такое: изредка (в одном случае из четырех) преступник утверждает, что «убийцы» напали одновременно на него и потерпевшего (на открытой местности или проникнув в их общую с потерпевшим квартиру), но ему (преступнику) «чудом» удалось спастись, однако значительно чаще (в 76%) нападение, по словам преступника, происходило на дому в его отсутствие и, возвратившись домой, он обнаружил потерпевшего уже убитым.

При таких реже встречающихся инсценировках, как «смерть от болезни», преступник почти никогда не отрицает своего присутствия при смерти потерпевшего, а при версии об убийстве «неосторожном» или «вызванном необходимой обороной», естественно, всегда утверждает, что убийство произошло при нем.

г) Схема поведения виновного, выдвинувшего версию о смерти потерпевшего в его присутствии

Если виновный, член семьи потерпевшего, заявляет, что присутствовал при смерти последнего, то, где бы это ни происходило — в помещении ли, на открытой ли местности, он обычно утверждает, что кроме них двоих при этом никого не было (не считая, разумеется, «убийц», если инсценируется убийство посторонними лицами). Объяснения преступника носят иной характер лишь в случаях, когда ему удается подговорить других членов семьи, соседей или иных лиц подтвердить выдвинутую им версию, дав соответствующие ложные показания.

В отдельных, довольно редких случаях лица, дающие такие показания, действительно присутствовали в момент убийства потерпевшего, и тогда они лишь искажают в своих показаниях фактический ход событий. Чаще же преступник уговаривает этих лиц подтвердить его объяснение, хотя смерть потерпевшего наступила в их отсутствие, и в таком случае они просто повторяют подсказанное им убийцей.

Инициатива оказаться наедине с потерпевшим почти всегда принадлежит преступнику, поэтому он или отсылает куда-нибудь остальных лиц под вымышленным, надуманным предлогом, или приходит туда, где потерпевший, заведомо для него, находится один, или уводит потерпевшего в какое-нибудь уединенное место и т. д. Излагая же свою версию о случившемся, убийца, разумеется, стремится скрыть указанное обстоятельство и старается представить дело так, будто наедине с потерпевшим он оказался случайно.

Решив инсценировать тот или иной род смерти потерпевшего, преступник после убийства принимает все необходимые (по его замыслу) меры, чтобы создать обстановку, подтверждающую намеченную им версию, и уничтожить следы убийства. Поэтому он, хотя обычно и стремится сам сообщить окружающим и следственным органам о смерти потерпевшего, делает это не сразу после убийства, а спустя некоторое время. Это время необходимо ему, чтобы подготовить обстановку на месте происшествия, а иногда и для того, чтобы уговорить своих близких подтвердить его показания.

Бывают, однако, случаи, когда виновный никому не сообщает о «случившемся», например, если (согласно его версии) он был связан «убийцами» или потерял сознание от полученных (при «нападении» или во время «несчастливого случая») повреждений, или просто спал, ничего не зная о «происшедшем». В подобных ситуациях преступник ожидает пока кто-либо из окружающих самостоятельно обнаружит труп потерпевшего, затем «освободит» или «приведет в чувство», или «разбудит» его самого и, наконец, заявит о случившемся следственным органам.

д) Схема поведения виновного, выдвинувшего версию о смерти потерпевшего в его отсутствие

Если убийца — член семьи потерпевшего, то, утверждая, что последний погиб в его отсутствие, он чаще всего не отрицает, что последний раз виделся с потерпевшим в день его смерти, находясь с ним наедине. Такое признание для преступника опасно, так как прямо указывает на возможность совершения им убийства именно в этот момент (как обычно и бывает), однако он понимает, что отрицать данное обстоятельство, как правило, бессмысленно, поскольку следствие легко может изобличить его во лжи. Преступник отчетливо сознает, что остальные члены семьи или соседи при

допросе могут сообщить, что последним с потерпевшим оставался именно он.

В то же время преступник обязательно утверждает, что он куда-то уходил, оставив потерпевшего одного. Данное утверждение, характерное для версий такого типа, необходимо убийце по двум причинам: во-первых, чтобы объяснить, почему смерть потерпевшего не могла быть им предотвращена, а, во-вторых, и это главное, чтобы создать себе алиби, поскольку согласно его версии именно в это время и произошла смерть потерпевшего.

В большинстве случаев сразу же после совершения убийства и выполнения задуманной инсценировки преступник действительно куда-нибудь уходит, стараясь при этом, чтобы либо его видели знакомые, либо его пребывание в определенном месте было документально зафиксировано. Однако предлог, избираемый для такого ухода виновным (как он потом объясняет при допросе), нередко оказывается неправдоподобным, явно надуманным и, главное, вовсе не требующим его отсутствия именно в это время. В отдельных же случаях преступник фактически вообще никуда не уходит после убийства, ограничиваясь ложными утверждениями о своем отсутствии вплоть до обнаружения трупа потерпевшего.

Для данного рода версий характерно также следующее. Преступник (речь по-прежнему идет только об убийце — члене семьи потерпевшего), возвратясь, по его словам, домой после временного отсутствия, находит потерпевшего уже мертвым. В тех наиболее распространенных случаях, когда убийство было совершено еще перед уходом преступника, и тот поэтому заранее знает, что, вернувшись домой, обнаружит труп потерпевшего, он часто принимает меры к тому, чтобы это произошло при третьих лицах. В частности, убийца с этой целью нередко делает вид, что не может попасть домой, так как дверь заперта, на стук никто не открывает, а ключей у него нет. Под этим предлогом преступник обращается за помощью к соседям, к управдому или дворнику, а иногда и сразу к работникам милиции, чтобы вскрыть двери и войти в помещение при них.

Присутствие третьих лиц виновный использует для того, чтобы продемонстрировать перед ними свое удивление, отчаяние, жалость и т. п., вызванные якобы «неожиданным» зрелищем и «тяжкой утратой».

И еще одна деталь в поведении преступника: сразу же после обнаружения трупа он либо сам сообщает о случив-

шемся в отделение милиции, либо просит это сделать кого-нибудь из окружающих. Таким своим поведением виновный старается подчеркнуть, что именно он первым поставил следственные органы в известность о происшедшем, причем сделал это без малейшего промедления, и что, следовательно, у него не было никаких оснований скрывать от них смерть потерпевшего или чего-либо опасаться в связи с этим событием.

Все сказанное здесь об особенностях поведения преступника, выдвинувшего версию о смерти потерпевшего в его отсутствие, относится к тем наиболее частым случаям убийства, замаскированным инсценировками, когда преступление совершается в месте совместного проживания убийцы и потерпевшего. Что же касается тех, более редких, случаев, когда убийство совершается на квартире потерпевшего или в ином месте, то поведение преступника в подобных ситуациях существенно меняется. Объясняется это в основном тем, что убийства в указанных местах совершают лица, как правило, менее близко связанные с потерпевшим: родственники, соседи, знакомые, сослуживцы, соученики, т. е. лица, хотя и связанные с потерпевшим, но проживающие отдельно от него. Лишь изредка встречаются по таким делам убийцы — члены семьи или, как исключение, полностью посторонние лица (например шофер, убивший ударами монтировки изнасилованную им незнакомую девочку, положил ее труп на шоссе, чтобы создать видимость наезда на потерпевшую транспортного средства)¹.

Поскольку тесной связи с потерпевшим большинство таких убийц не имеет, то главная их надежда на уклонение от ответственности основана на том, что подозрения, скорее всего, на них вообще не падут. К инсценировке же они прибегают лишь «на всякий случай», если факт их встречи с потерпевшим или пребывания на квартире последнего в день его гибели будет все же установлен и им придется объяснять причину смерти потерпевшего.

Исходя из этого такие преступники, как правило, тщательно скрывают свою встречу с потерпевшим в день убийства и лишь, будучи изобличенными во лжи, вынужденно признают указанное обстоятельство и стараются его объяснить, выдвинув версию о той или иной «нейтральной» причине смерти потерпевшего.

¹ «Следственная практика», вып. 77, М., 1968, стр. 43.

Преступники, проживающие отдельно от потерпевшего, как правило, не «обнаруживают» труп убитого, не сообщают о его смерти следственным органам, а при допросе всегда ссылаются на алиби. Такая их позиция вытекает из стремления уклониться от всяких объяснений о причине смерти потерпевшего в надежде на то, что они вообще останутся не заподозренными в его убийстве.

В заключение приводим краткую схему, характеризующую распространенность обеих оправдательных версий, выдвигаемых преступниками в зависимости от двух факторов: характера их связи с потерпевшим и места совершения убийства.

Характер связи преступника и потерпевшего	Место совершения убийства		
	общая квартира преступника и потерпевшего	квартира потерпевшего	иные места
Преступники — члены семьи потерпевшего	Версия о смерти потерпевшего в присутствии убийцы (45%) Версия со ссылкой на алиби (55%)	—	Версия со ссылкой на алиби (100%)
Преступники — прочие лица	—	Версия со ссылкой на алиби (100%)	Версия со ссылкой на алиби (100%)

Знание следователем того, какие факторы обуславливают выдвижение преступником той или иной оправдательной версии, связанной с инсценировкой, на что рассчитывает преступник, выбирая тот или иной вид инсценировки, и от чего зависит этот его выбор, как вообще ведет себя преступник после убийства в различных ситуациях, — все это крайне важно для анализа поведения обвиняемого (подозреваемого) и проверки вопроса о его виновности. О том, какие задачи при этом ставит перед собой следователь и каковы главные пути их решения, говорится в следующем параграфе.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, ЗАМАСКИРОВАННЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ

а) Выяснение причины и рода смерти потерпевшего — основное направление первоначальной стадии следствия

В тех случаях, когда в стадии возбуждения дела нет полной ясности, — действительно ли совершено убийство или смерть погибшего вызвана иной причиной, например самоубийством, — следователь сталкивается с необходимостью проверить, произошло ли в данном случае:

- самоубийство, похожее (по обстановке) на убийство;
- убийство, случайно напоминающее некоторыми своими признаками картину самоубийства;
- убийство, замаскированное инсценировкой.

Иными словами, следователь прежде всего должен разрешить важнейший для данной категории дел вопрос: от чего и при каких обстоятельствах наступила смерть погибшего, что произошло?

Вопрос этот, входящий, как известно, в предмет доказывания по любому делу об убийстве, для дел анализируемой категории приобретает первостепенное, а зачастую и решающее значение. От его решения зависит весь дальнейший ход следствия. Если, например, выяснится, что погибший сам покончил с собой, то следствие должно установить, не был ли он кем-нибудь доведен до самоубийства. Если же доказано, что налицо убийство, то дальнейшее расследование будет, естественно, устанавливать лицо, его совершившее, форму вины, мотивы преступления и т. д.

Из сказанного ясно, что уже в самой начальной стадии следствия необходимо выяснять, что произошло. Нередко это удается уже при проведении первоначальных следственных действий: осмотра трупа и места его обнаружения, судебно-медицинской экспертизы трупа и допроса выявленных на месте происшествия свидетелей¹.

Естественно, что в первую очередь необходимо установить причину смерти и определить, является ли она насильственной. Ответ на эти вопросы следователь получает от судебно-медицинского эксперта после осмотра и вскрытия трупа. Кроме того, следователь может получить от судебного

¹ Разумеется, вывод, к которому при этом приходит следователь, подвергается проверке в ходе дальнейшего следствия.

медика и другие важные данные¹, используя которые в сочетании с результатами иных первоначальных следственных действий, установить, было ли совершено убийство.

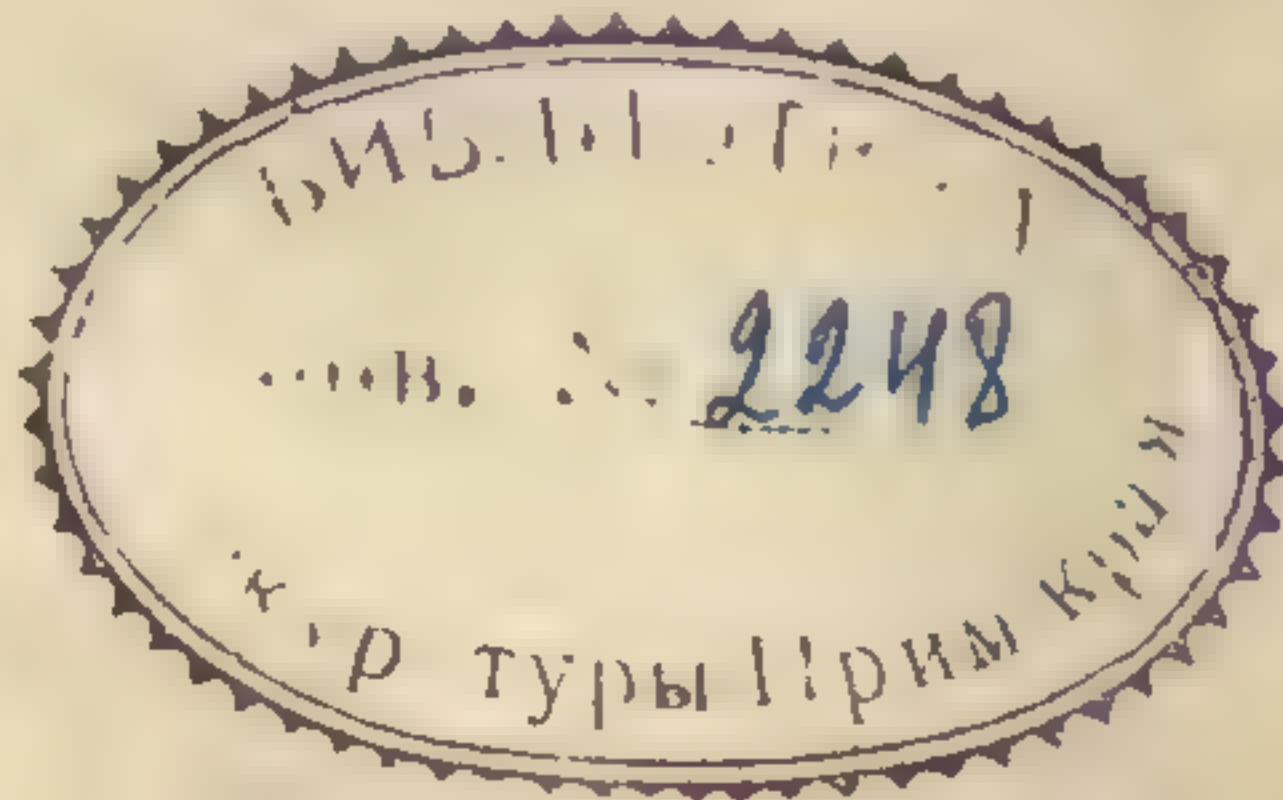
Разрешение этого вопроса недопустимо перепоручать судебно-медицинскому эксперту. Хотя последний и имеет возможность предоставить в распоряжение следователя ряд ценных объективных данных, без которых подчас нельзя определить, произошло ли убийство, самоубийство или имел место несчастный случай, однако этот вопрос носит юридический характер, и решение его должно основываться не только на данных судебно-медицинского характера, но, как уже отмечалось, и на обстоятельствах, установленных первоначальными следственными действиями. Оценить все эти данные в их совокупности и взаимосвязи, правильно определив их доказательственную силу, может и должен только следователь². Иное решение данного вопроса нередко приводило, как это видно из анализа следственной практики, к существенным и иногда тяжелым ошибкам.

б) Выдвижение нескольких версий о роде смерти потерпевшего; обязательность версии об убийстве

Как уже отмечалось, особенность дел анализируемой категории заключается в том, что при возбуждении дела, да обычно и на начальном этапе следствия, еще неясен вопрос о роде, а иногда и о причине смерти погибшего. Если не считать дел с инсценировкой убийства, совершенного якобы третьими лицами, и с версиями виновного о неосторожном характере убийства или о совершении его в состоянии необходимой обороны (когда факт убийства очевиден и никем не отрицается)), во всех остальных ситуациях факт убийства лишь предполагается. Именно это предположение и вызывает необходимость в возбуждении уголовного дела. Отсюда, естественно, вытекает, что по всем делам анализируемой категории с самого начала расследования надо выдвигать версию об убийстве независимо от того, имеются ли данные об убийстве, замаскированном инсценировкой какой-либо нейтральной причины смерти, или признаки инсценировки

¹ О них подробно будет сказано ниже.

² Постановлением Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе» судам дано указание — не ставить экспертам вопросов юридического характера, в частности о том, имело ли место убийство или самоубийство, и т. п.

отсутствуют и налицо просто сомнительный случай смерти, возможно вызванной убийством.

Обязательно включение в план для тщательной проверки и других версий о роде смерти погибшего. Если ни одна из подобных версий не выдвигается ни подозреваемым, ни иными лицами, то следователь, исходя из данных судебно-медицинского исследования трупа и других обстоятельств, установленных первоначальными следственными действиями, должен самостоятельно построить соответствующую версию наряду с версией об убийстве.

Обычно несколько версий приходится выдвигать в случаях смерти от отравления, падения с высоты, огнестрельных повреждений и т. п., когда могли иметь место как убийство, так и самоубийство, и несчастный случай. В отдельных же случаях, например, если погибший перед смертью болел, а затем умер при явлениях, указывающих на возможное отравление, кроме версий о всех трех видах насильственной смерти, необходимо проверить версию и о ненасильственной смерти — от болезни. Однако во всех случаях проверке подлежат: версия, выдвинутая кем-либо из членов семьи, близких или знакомых погибшего, в частности заподозренным в убийстве лицом, и версия об убийстве.

Требование обязательного включения последней версии вовсе не означает, разумеется, что к каждому случаю самоубийства, смерти от несчастного случая и т. д. надлежит подходить как к замаскированному убийству или что версия об убийстве всегда более вероятна и предпочтительна, чем иные. В то же время учитывать возможность убийства всегда необходимо, если только имеются какие-нибудь основания для такого предположения (в противном же случае не было бы и возбуждено уголовное дело об убийстве).

в) Проверка версии об убийстве и версии подозреваемого, подтверждаемой инсценировкой, при проведении первоначальных следственных действий

Обе названные здесь версии должны проверяться уже в процессе проведения первоначальных следственных действий. Так, если по положению трупа и окружающей обстановке можно предположить самоубийство или несчастный случай либо близкие погибшего прямо заявляют, что его смерть последовала от одной из этих причин, то вполне очевидно, что, и производя осмотр места происшествия, и

назначая экспертизы, и допрашивая свидетелей, -следователь будет исходить из этих версий.

Вместе с тем уже при осмотре места происшествия и трупа, при допросе свидетелей следователь обязательно должен стремиться получить ответы на вопросы, вытекающие из версии об убийстве. Соответствующие вопросы следователь ставит и судебно-медицинскому эксперту.

Наконец, в случаях, когда факт убийства очевиден и никем из близких или окружающих потерпевшего не оспаривается, однако совершение преступления либо приписывается ими посторонним лицам, либо объясняется неосторожностью или состоянием необходимой обороны, следователь, наряду с соответствующей версией, проверяет и версию о совершении умышленного, неспровоцированного убийства кем-либо из близких потерпевшего.

Анализ следственной практики показывает, что как предвзятое увлечение лишь одной версией — об убийстве, так и игнорирование этой версии в начальной стадии следствия зачастую заводит следователя в тупик, а в отдельных случаях приводит и к серьезным ошибкам. В лучшем же случае раскрытие преступления надолго оттягивается, требуя от следственных органов затраты лишних сил и времени.

г) Признаки инсценировки и особая роль негативных обстоятельств при ее разоблачении

Независимо от того, прибегает ли убийца к инсценировке смерти потерпевшего от какой-либо нейтральной причины или ограничивается выдвижением соответствующей версии, он в обоих случаях преследует одну цель — обмануть следователя, помешать ему установить истину и изобличить виновного. Предвидя, что следователь в первую очередь будет осматривать труп и окружающую обстановку, преступник оценивает их состояние с позиций своей версии. Если он находит, что местоположение и поза трупа, имеющиеся на нем повреждения, равно как и вся обстановка места происшествия, ничем (на его взгляд) не противоречат намеченному им в свое оправдание объяснению (версии), убийца не прибегает к изменению обстановки. Он при этом рассчитывает на то, что следователь, выслушав его объяснения и сопоставив их с картиной места происшествия, поверит его оправдательной версии.

В частности, преступник поступает так в случае, если, заранее выбрав способ маскировки задуманного убийства, он совершает его таким способом, который не оставляет следов, противоречащих версии о нейтральной причине смерти погибшего. Однако, как известно, случаи заранее обдуманного убийства составляют явное меньшинство, а поэтому и заранее выбранный способ его сокрытия встречается лишь изредка. В большинстве же случаев убийства совершаются по внезапно возникшему умыслу, и думать о сокрытии преступления виновник начинает лишь после того, как преступление уже совершено.

Ставя себя на место следователя, преступник, естественно, и думает за него, в частности старается предугадать, на что следователь обратит внимание, какие следы и признаки на месте происшествия будут между собой сопоставлять и какое значение может им придать. Разумеется, чем предусмотрительнее преступник, тем ближе к действительности окажется его представление о наблюдениях и выводах следователя и тем старательнее он будет устранять из своих объяснений и обстановки на месте происшествия все детали, все факты, указывающие на совершенное преступление или идущие вразрез с выдвинутой им версией о нейтральной причине смерти погибшего. Не довольствуясь этим, убийца нередко создает и новые — искусственные следы и признаки, специально оставляет на месте происшествия те или иные предметы, т. е. инсценирует обстановку нейтральных для него причины и рода смерти.

Практика знает случаи, когда убийце таким путем удавалось обмануть следователя. Такие ошибки следователей происходили, когда они ограничивались фиксированием лишь наиболее очевидных (т. е. искусственно созданных преступником) признаков и не обращали внимания на внешне малозаметные, но важные обстоятельства, указывающие на действительный ход событий или противоречащие версии, подсказанной преступником.

Однако внимательный и, главное, умеющий сопоставлять факты следователь всегда может распознать инсценировку, даже если она выполнена преступником с предельно возможной для него предусмотрительностью. Объясняется это тем, что абсолютно точно воссоздать обстановку инсценируемого происшествия убийца просто не может.

Прежде всего, впервые убивший¹ не имеет опыта в ин-

¹ Повторные убийства составляют лишь 3—4%.

сценировках и, что особенно важно, не знает, каковы особенности и детали обстановки при смерти от той или иной причины, при тех или других обстоятельствах.

Далее, непосредственно после совершения убийства преступник почти всегда находится в возбужденном состоянии, при котором отсутствует надлежащий самоконтроль, а потому физически не может заметить все детали окружающей обстановки и тем более осмыслить значение каждой из них. Убийца, как правило, не может правильно оценить все признаки происшествия с точки зрения их изобличающего или нейтрального характера, а поэтому и не может решить, какие из них требуют уничтожения или изменения, а какие могут быть оставлены на месте происшествия.

Кроме того, далеко не все следы убийства, изобличающий характер которых понятен преступнику, могут быть им полностью уничтожены или замаскированы (например, повреждения на трупе). В равной мере невозможным оказывается и искусственное создание ряда признаков, вытекающих из выдвинутой преступником версии.

Наконец, даже те следы и признаки, которые преступнику удастся искусственно воссоздать, почти всегда не полностью соответствуют естественным следам и признакам, присущим инсценируемому событию. Чаще всего совокупность таких искусственно созданных доказательств носит нарочитый характер. Это и понятно. Создавая их, убийца стремится действовать «наверняка» и уверен, что следователь обязательно их заметит, а заметив, воспримет именно в том значении, которое старался им придать автор инсценировки¹.

Из всего сказанного вытекает, что распознать инсценировку следователь может по следующим признакам:

- случайно не уничтоженным преступником и потому уцелевшим следам и предметам, явившимся признаками — последствиями совершенного им убийства;
- следам уничтожения или маскировки названных признаков — последствий убийства;
- нарочито утрированному, неестественному характеру следов и предметов, подтверждающих версию о нейтральной причине смерти погибшего;
- следам, предметам, признакам и обстоятельствам, противоречащим обстановке при смерти от нейтральной причи-

¹ См. А. Р. Ратнов. Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 157—161, 250—256.

ны, указанной в версии близких погибшего или вытекающей из общей картины места происшествия.

Среди таких негативных¹ обстоятельств чаще всего указывают на инсценировку:

— признаки борьбы, в частности следы самообороны на теле погибшего;

— признаки перемещения трупа с места, где наступила смерть погибшего;

— несоответствие расположения трупных пятен позе трупа;

— характер повреждений на трупе, не вытекающий из способа и обстоятельств лишения жизни, описанных в версии близких погибшего;

— несоответствие указанного в этой версии времени смерти погибшего состоянию трупных явлений, обнаруженных при осмотре.

Как видно из перечисления признаков инсценировки, на первом по значению месте стоят негативные обстоятельства. В связи с этим на них следует остановиться подробнее.

Основное свойство негативных, т. е. отрицательных, обстоятельств заключается в том, что эти факты противоречат какому-либо объяснению, в частности версии о сущности или причине определенного события, или, другими словами, в том, что они отрицают данное объяснение, данную версию². В то же время относительно другой версии те же обстоятельства могут играть прямо противоположную роль, либо ее подтверждая, либо служа основанием для ее выдвижения. Таким образом, один и тот же факт, оказываясь негативным обстоятельством по отношению к одной версии, вместе с тем может подтверждать другую.

Из сказанного легко сделать вывод, что криминалистическое значение негативных обстоятельств особенно велико

¹ От латинского *negation* — отрицание.

² В литературе встречалось и другое определение негативных обстоятельств — как отсутствие того или иного факта, явления, признака, которые должны были быть налицо, если события происходили определенным образом или были вызваны определенной причиной. Эту точку зрения ранее разделял и автор (см. «Расследование убийств», М., 1954, стр. 276). Однако такое определение было неполным и потому неправильным. Противоречить определенному объяснению (версии) может не только отсутствие чего-то, что должно быть, но и, напротив, наличие какого-то факта, признака, которого не должно быть. Поэтому и то, и другое обстоятельство одинаково может оказаться негативным, т. е. «отрицательным», по отношению к определенному объяснению (версии).

в тех ситуациях, когда следователю кем-нибудь предлагается готовая версия о сущности или причине события либо такая версия сама напрашивается из обстановки на месте происшествия. В частности, по делам об убийстве анализируемой категории следователю обычно как бы преподносится готовое объяснение того, почему и при каких обстоятельствах умер потерпевший. Это объяснение либо содержится в показаниях близких погибшего, либо само вытекает из ряда фактов и обстоятельств. Такого рода «позитивные» (по отношению к данной версии) обстоятельства в случаях инсценировки специально создаются преступником в расчете на то, чтобы сразу привлечь внимание следователя и привести его к желаемому для убийцы выводу.

Но наряду с ними нередко встречаются и другие, обычно менее заметные обстоятельства, которые «не вяжутся» с предлагаемой следователю версией о роде смерти потерпевшего, противоречат ей. Такие негативные обстоятельства могут противоречить, разумеется, не только версии, выдвинутой близкими погибшего, но и версии, самостоятельно построенной следователем или подсказанной ему, например, в анонимном письме. Как известно, факты, противоречащие той или иной версии, всегда требуют от следователя тщательной проверки. В первую очередь необходимо проверить достоверность сведений о подобном негативном обстоятельстве. Иногда такая проверка сразу же позволяет убедиться в их ненадежности, недостоверности, а следовательно, отпадает и сам «негативный» факт.

По делу об убийстве Щербиной своей жены серьезной противоупышкой было то обстоятельство, что наружная дверь и окна в доме, где был найден висевший в петле труп погибшей, оказались запертыми изнутри. Об этом дали показания соседи Щербины — люди, безусловно, не заинтересованные в исходе дела. Однако, когда следователь стал выяснять, откуда им это стало известно, оказалось, что никто из них сам не видел, в каком состоянии были двери и окна, а лишь слышал об этом от самого Щербины, который один, без свидетелей, проник в свой дом и там обнаружил труп жены. Так отпало важное негативное обстоятельство, казалось бы опровергающее версию об убийстве, впоследствии полностью подтвердившуюся¹.

Но если негативное обстоятельство действительно и существует, то оно еще не всегда исключает соответствующую версию. Иногда выясняется, что наряду с ним имеется и другой, ранее неизвестный факт, наличие которого сводит на

¹ Здесь и далее без ссылки на источник приводятся примеры по материалам уголовных дел, непосредственно изученных автором.

нет противоречивый характер негативного обстоятельства, объясняет, каким образом оно могло возникнуть и почему версия, несмотря на это обстоятельство, все же остается правильной.

Поэтому для следователя должно быть правилом: если версия, подтверждаемая рядом проверенных фактов, «упирается» в одно негативное обстоятельство, ей противоречащее, то, прежде чем отбросить версию, необходимо, во-первых, всесторонне проверить достоверность данного обстоятельства, во-вторых, еще раз уточнить его значение, поскольку то или иное обстоятельство нередко может иметь различные значения (в частности и нейтральное относительно проверяемой версии), в-третьих, определить, какой факт или какие факты могли бы нейтрализовать противоречивый характер негативного обстоятельства, и, наконец, принять все меры к установлению этого факта (или фактов). И лишь если все эти меры ничего нового не дадут и ничем не изменят значения обстоятельства, опровергающего версию, последнюю можно отбросить. Правильность этого положения ярко подтверждается следующим примером из практики.

Дело, возбужденное в связи со смертью 79-летнего Седова, расследовалось в течение двух с лишним лет. За это время оно четыре раза прекращалось за «отсутствием (или недоказанностью) события преступления». Московская областная прокуратура отменяла постановления о прекращении, как не учитывавшие того обстоятельства, что на лице, руках, туловище и даже во рту обнаруженного висящим в петле Седова были найдены многочисленные телесные повреждения (в виде ссадин, кровоподтеков, синяков и повреждения двух зубов). Все они были нанесены ему непосредственно перед наступлением смерти от асфиксии, вызванной сдавлением шеи петлей. С самого начала следствия подозрение пало на соседа Седова — Головина, купившего у него дом, но по договору купли-продажи предоставившего Седову право пожизненно проживать в этом доме. Главным же и собственно единственно веским основанием для прекращения дела служило одно негативное обстоятельство: как и в упоминавшемся деле Щербины, дверь и окна в доме Седова были заперты изнутри. Однако на этот раз данный факт был твердо установлен, поскольку первыми в дом Седова проникли вызванные Головиным работники милиции, выставившие стекло в одном из окон. Они и обнаружили, что наружная дверь дома была заперта изнутри на железный засов, а все окна заперты на шпингалеты.

Трижды разные следователи производили осмотр места происшествия, была назначена специальная криминалистическая экспертиза для выяснения того, не мог ли преступник, выйдя из дома через дверь, закрыв ее изнутри или уйти из дома каким-либо иным путем (через окно, чердак и т. д.). Однако ничего нового не выяснилось: и производившие осмотр следователи, и эксперт приходили все к одному и тому же отрицательному выводу. И только четвертый — старший следователь

Московской областной прокуратуры Романов, вновь осматривая место происшествия, обнаружил в деревянной стене дома рядом с дверью запертую тряпкой щель, через которую свободно прошла бечевка. Оказалось, что если в кольцо засова продеть бечевку, вывести оба ее конца через дверь наружу, затем дверь закрыть и потянуть за бечевку, то засов легко задвинется. Оставалось лишь вытянуть бечевку за один ее конец — и дверь оказывалась прочно запертой изнутри. Характерно, что одна из понятых, присутствовавших при втором осмотре, затем показала, что она тогда же обращала внимание следователя на эту щель. Однако следователь вместо того, чтобы проверить возможность закрытия двери через эту щель с помощью бечевки, ограничился замечанием: «если бы преступник закрывал таким способом дверь, то на стене остались бы следы этого, а их нет», и даже не упомянул о щели в протоколе осмотра.

Когда Головин наконец признался в совершении убийства Седова, он рассказал, что, уходя из дома после того, как удавил Седова и повесил его труп, он обнаружил щель возле двери и с помощью куска проволоки, просунутого в эту щель, закрыл дверь изнутри.

Необходимо отметить еще один момент в этом деле. Наличие многочисленных повреждений на лице и теле Седова в свою очередь являлось негативным обстоятельством, опровергавшим версию о самоубийстве. Как же следователи, прекращавшие дело, обходили это препятствие? В постановлениях ими высказывалось ни на чем не основанное предположение о том, что Седов «мог упасть с табурета и при падении причинить себе повреждения, захлестнувшись в это время петлей» (!). Между тем труп Седова был найден висящим в петле посреди сеней, поэтому подобное предположение, в особенности учитывая характер и локализацию повреждений, вообще ни на чем не могло быть основано. Таким образом, следователи фактически просто отбрасывали важное негативное обстоятельство, исключавшее самоубийство и в то же время подтверждавшее версию об убийстве.

Приведенный пример весьма поучителен. С одной стороны, он показывает, как осторожно следует оценивать негативное обстоятельство, идущее вразрез со всеми остальными фактами и, казалось бы, безусловно опровергающее версию, обоснованно выдвинутую следователем. Одновременно он подчеркивает необходимость в подобных ситуациях настойчиво искать факты, нейтрализующие такое вызывающее сомнение негативное обстоятельство. С другой стороны, тот же пример наглядно показывает, к чему приводит игнорирование негативных обстоятельств, опровергающих ложную версию о нейтральной причине смерти, инсценированной убийцей.

Выявить негативные обстоятельства часто оказывается довольно сложной задачей; лишь изредка они как бы лежат на поверхности, обычно же заметить их нелегко. Это и понятно. Ведь большинство таких фактов обнаруживается лишь потому, что их ранее не заметил преступник. Он мог их не заметить в прямом смысле, т. е. просто не увидеть, но мог

и видеть, больше того, сам их создать, но не придать им надлежащего значения. Инсценируя, например, убийство, совершенное посторонними лицами, преступник заботится о том, чтобы запоры на входной двери оказались взломанными. Но, взламывая запоры, он может не придать значения тому, что в этот момент находится внутри помещения, не осознавая изобличающего характера данного негативного (относительно его версии) обстоятельства.

Бывают, конечно, и такие негативные обстоятельства, изобличающее значение которых ясно и для преступника, но тот, однако, не имеет возможности их устранить. Как правило, однако, негативные обстоятельства при инсценировке — это результат просчета преступника, его недостаточной предусмотрительности, результат того, что он, по выражению шахматистов, «видит лишь на один ход вперед».

Отсюда ясен и основной подход к обнаружению негативных обстоятельств: следователь должен уметь «видеть на несколько ходов вперед», правильно разгадывать замысел преступника, различать подлинные следы и признаки от искусственно созданных, выявлять противоречия как между содержанием предложенной ему версии и деталями обстановки на месте происшествия, так и между отдельными деталями этой обстановки. При этом следователю не только необходимо в своих наблюдениях быть внимательнее преступника, но и уметь правильно сопоставлять отдельные факты, как бы примерять их к предложенной ему версии.

В частности, обнаружение негативных обстоятельств по делу об убийстве намного облегчается, если следователь мысленно отчетливо себе представит, как происходило бы событие, приведшее к смерти потерпевшего, если предложенная ему кем-либо версия оказалось бы правильной. Пользуясь логическим приемом дедукции, следователю необходимо при этом делать выводы о том, как это событие отразилось бы на окружающей обстановке, на надетой на труп одежде и обуви, наконец, на самом трупе; какие признаки данного события и где должны быть обнаружены, а какие должны отсутствовать. Проверяя свои умозаключения о каждом из таких признаков, следователь может установить отсутствие тех из них, которые должны быть, и наличие тех, которых быть не должно, т. е. обнаружить негативные обстоятельства, противоречащие предложенной ему версии и требующие построения другой, которая им соответствовала бы.

При этом надо иметь в виду, что негативные обстоятель-

ства обнаруживаются не только следователем при проведении осмотра, обыска, следственного эксперимента и допроса, но и экспертами. В частности, уже при первичном осмотре трупа и места происшествия специалисты (судебный медик и криминалист) могут обратить внимание следователя на некоторые из этих обстоятельств. При проведении же судебно-медицинского исследования трупа эксперт сам обстоятельно фиксирует такие обстоятельства и приводит их в заключении в ряду фактов, его обосновывающих.

Именно так поступили эксперты, проводившие повторную экспертизу по упоминавшемуся уже делу Щербины. По словам последнего, он нашел труп жены подвешенным за шею на проводе к кровати в их доме. Первоначальная экспертиза дала заключение о том, что, по-видимому, смерть была вызвана повешением (хотя на шее трупа были две странгуляционные борозды, имелись многочисленные ссадины, царапины и кровоподтеки, а на полу около трупа оказались свежие пятна крови). В своем заключении эксперты, проводившие повторную экспертизу, так мотивировали свой вывод о смерти от удушения с последующим подвешиванием трупа: «совокупность повреждений, обнаруженных на теле Щербины А. Ф., не могла образоваться в процессе самоповешения, и в то же время картина повреждений и странгуляционных борозд вполне укладывается в картину комбинированного задушения Щербины А. Ф. петлей и руками с последующим немедленным подвешиванием тела в затяжной полужесткой петле».

д) Разоблачение инсценировки и ее автора — кратчайший путь к выявлению виновного

Характерно, что негативные обстоятельства в случае инсценировки убийства не только противоречат соответствующей версии, выдвинутой преступником, и как бы ее опровергают, но нередко вместе с тем свидетельствуют о том, что налицо инсценировка, т. е. умышленно, искусственно созданная убийцей обстановка, ряд специально подготовленных признаков в виде ложных следов и других искусственных вещественных доказательств.

Так, в приведенном примере многочисленные повреждения на лице потерпевшей Щербины и вторая странгуляционная борозда на ее шее не только опровергали версию о самоубийстве, но и приводили к выводу, что Щербина была убита, а труп ее затем специально подвешен к кровати убийцей, чтобы создать ложное представление о ее самоубийстве.

Отсюда следует, что обстоятельства, являющиеся негативными относительно версии, выдвинутой кем-либо со стороны о нейтральной причине смерти потерпевшего, одновре-

менно с опровержением этой версии приобретают значение изобличающих автора версии доказательств. Правда, далеко не всегда негативные доказательства прямо изобличают автора версии в убийстве погибшего (как в приведенном примере), но они всегда уличают его во лжи, а часто и в создании искусственных доказательств (в частности инсценировки), способствуя, таким образом, выявлению улик поведения, косвенно изобличающих его в убийстве. Значение же этих улик по делам анализируемой категории особенно велико, поскольку установление здесь факта инсценировки или выдвижения ложной версии существенно способствует выяснению истинной причины смерти потерпевшего, т. е. решению основной задачи начального этапа следствия.

Более того, установить факт убийства, замаскированного инсценировкой, не распознав ее предварительно или не разоблачив ложность версии, выдвинутой преступником, практически невозможно.

Оценивая поведение близких погибшего, заподозренных в убийстве, следователь наряду с уликами поведения не должен упускать из виду и противоулики поведения, т. е. такие его проявления, которые противоречат версии о виновности. Такой противоуликой могут, например, явиться поступки подозреваемого, выразившиеся в вызове врачебной помощи и вообще в приглашении третьих лиц на место происшествия в то время, когда погибший еще был жив. Убийца, опасаясь разоблачения со стороны жертвы, так поступать не стал бы.

Основные методы проверки объяснений близких погибшего о причинах и обстоятельствах его смерти одинаковы как при инсценировке, так и при ее отсутствии. Это весьма важно, поскольку следователь, начиная расследование с одновременной проверки версии об убийстве, совершенном близкими погибшего, и версии, ими выдвинутой, не может заранее знать, была ли обстановка места происшествия инсценирована или в нее не вносилось никаких изменений. Поэтому, расследуя дело анализируемой категории, он уже в процессе проведения первоначальных следственных действий применяет специальные методы, наиболее эффективно помогающие установить, имело ли место убийство или смерть погибшего была вызвана какой-либо иной причиной.

Сущность этих методов выражается в следующем.

1. Сопоставление картины смерти погибшего, данной в

объяснениях его близких, с объективными обстоятельствами, устанавливаемыми первоначальными следственными действиями, в частности осмотром трупа на месте его обнаружения и судебно-медицинской экспертизой.

2. Сопоставление каждого из выявленных объективных обстоятельств с обычной обстановкой при смерти от причины, указанной в объяснениях близких погибшего или вытекающей из обстановки на месте происшествия.

3. Выявление обстоятельств, в частности негативных, указывающих либо на то, что в обстановку внесены умышленные изменения, т. е. произведена инсценировка, либо просто опровергающих версию, выдвинутую близкими погибшего, и указывающих на ее заведомо ложный характер.

4. Выявление обстоятельств, прямо или косвенно указывающих на то, что смерть погибшего вызвана убийством, в частности умышленно совершенным кем-либо из лиц, выдвинувших версию о «нейтральной» причине смерти.

Перечисленные приемы применяются при проведении первоначальных следственных действий не отдельно и один за другим, а взаимосвязанно и одновременно. Из них же исходит следователь, давая задания органам уголовного розыска. При составлении плана следствия, а также планов проведения каждого следственного действия следователем также обязательно учитываются задачи, положенные в основу описанных методов. Это обеспечивает целеустремленность всей деятельности следователя, начиная уже с начальных действий, направленных на установление действительной причины и обстоятельств смерти погибшего.

Как в том случае, когда преступник пытается инсценировкой подтвердить свою версию о причине, обстоятельствах и виновнике смерти потерпевшего, так и в том, когда он ограничивается одними объяснениями по этим вопросам, цель его всегда одна и та же — уклониться от ответственности за убийство. Однако все эти действия преступника, направленные на маскировку содеянного, будучи установлены следствием, превращаются в улики поведения, косвенно его изобличающие. Инсценировка — одна из наиболее веских улик поведения. Доказательственное значение ее особенно велико потому, что преступнику крайне сложно, даже, как правило, невозможно правдоподобно объяснить, зачем ему понадобилось инсценировать обстановку той или иной причины смерти погибшего, если он

не виновен в его убийстве. Именно поэтому разоблачение инсценировки и положенной в ее основу ложной версии обычно служит ключом к установлению факта убийства.

Как правило, после этого не остается сомнений и в том, кто именно инсценировал обстановку на месте происшествия. С этой целью в отношении каждого из близких детально выясняется, когда, где и при каких обстоятельствах он в последний раз видел потерпевшего живым, а также где он находился во время наступления его смерти. Немаловажное значение имеет проверка и последующего поведения допрашиваемых. Ведь именно после совершения убийства преступник вносит все необходимые, с его точки зрения, изменения в обстановку места происшествия, инсценируя смерть потерпевшего от той или иной нейтральной причины. Иногда убийце в этом помогают и другие лица, чаще всего члены семьи или близкие родственники.

Столь же существенным, как и разоблачение инсценировки, оказывается опровержение версии о причинах и обстоятельствах смерти погибшего, выдвинутой причастным к его убийству членом семьи или иным близким потерпевшему лицом без изменения обстановки места происшествия. Если такая версия носит утвердительный характер (т. е. ее автор не предполагает, а утверждает, что смерть погибшего наступила именно от «нейтральной» причины), то опровержение ее изобличает лицо, выдвинувшее такую версию, в заведомой лжи. В свою очередь факт такой лжи свидетельствует о том, что автор вымышленной версии серьезно заинтересован в том, чтобы скрыть от следователя истинную причину смерти погибшего. А это обстоятельство помогает выяснить мотив такой заинтересованности, которым чаще всего оказывается желание преступника уклониться от ответственности за совершенное им убийство¹.

Анализ практики свидетельствует, что в большинстве случаев доказательственное значение опровержения ложной версии и тем более разоблачения инсценировки быстро становится ясным и для преступника. Как правило, сразу же после того, как следователю удастся наглядно опроверг-

¹ Говоря о доказательственном значении установления инсценировки или опровержения ложной версии подозреваемого, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что речь идет о косвенных доказательствах, которые, как известно, могут доказывать виновность подозреваемого лишь в сочетании с другими доказательствами. См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть особенная, М., 1967, стр. 46—51.

нать ложную версию о причинах смерти погибшего или установить факт инсценировки, преступник дает правдивые показания. Так, установление инсценировки скорее всего приводит к изобличению убийцы; нередко добиться этого следователю удается уже в процессе проведения первоначальных следственных действий.

благочестивый обвинитель
и в то
существо
детал
ствах с
е где
оважно
я допра
тва пр
измене
я смер
Иногда
го чле

инсцен
ах и об
и частно
потерпел
существо
р (т.
ть погиб
), то о
о версии
ки свид
серьезн
истинну
помогат
чаще все
от отве

нстве слу
ложно
ыстро ста
сразу ж
опровер

инсценирова
мо вместе
х, которы
лишь в с
ств в сове
—51.

ГЛАВА II

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

§ 1. ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

а) Возбуждение уголовного дела в сомнительных случаях смерти

Как уже отмечалось, характерная особенность дел об убийствах, рассматриваемых в настоящем пособии, — отсутствие ясности о причине и обстоятельствах смерти при возбуждении дела. Лишь всестороннее и глубокое расследование может в подобных случаях установить, в результате чего умер погибший и был ли в этом кто-нибудь виновен. Тем более необходимо расследование в случаях, когда, судя по обстановке места происшествия, возможна инсценировка, например, самоубийства или несчастного случая. Преступники зачастую настолько искусно воспроизводят соответствующую обстановку, что распознать действительный род смерти без применения научно-технических методов следствия, в частности различного рода экспертиз, просто невозможно.

Отсюда следует, что во всех неясных случаях смерти человека, когда она могла быть вызвана преступлением, в первую очередь убийством, а равно доведением до самоубийства или чьими-либо неосторожными действиями, повлекшими за собой несчастный случай со смертельным исходом, необходимо возбуждать уголовное дело и безотлагательно приступить к следствию в полном его объеме. В частности, это безусловно необходимо, когда личность погибшего неизвестна, а причина его смерти, например в связи со значительной ее давностью, не может быть точно установлена.

Лишь в тех случаях, когда уже из самой обстановки на месте происшествия и показаний незаинтересованных лиц, очевидцев смерти погибшего, бесспорно вытекает, что она вызвана либо его собственной неосторожностью, либо действием стихийных сил природы, можно ограничиться проверочными действиями, предусмотренными ст. 109 УПК РСФСР и так называемым контрольным вскрытием трупа¹.

б) Возбуждение уголовного дела при обнаружении трупа в обстановке, указывающей на возможность самоубийства

Иногда обстановка на месте обнаружения трупа и его положение прямо указывают на самоубийство как на единственное, казалось бы, объяснение смерти погибшего. Типичным примером может служить висящий в петле труп. Но даже такая, на первый взгляд, бесспорная картина далеко не всегда правильно отображает действительные обстоятельства и причину смерти. Более того, следует подчеркнуть то существенное обстоятельство, что как раз при инсценировке самоубийства преступники обычно стремятся создать обстановку, наиболее типичную для такого случая, чтобы она не вызвала никаких сомнений у следственных органов. Так, если труп убитого подвешивается, то ноги его не касаются пола, если убийство совершено из пистолета, то оружие вкладывается в правую руку потерпевшего и т. д. В случаях же настоящего самоубийства обстановка часто оказывается не только не типичной, но, казалось бы, прямо исключающей самоубийство погибшего.

Если при обнаружении трупа погибшего в обстановке, характерной для самоубийства, перед следователем возникают, как правило, лишь два объяснения (либо самоубийство, либо убийство, замаскированное инсценировкой самоубийства), то в случаях, когда положение и поза погибшего не типичны для самоубийцы, смерть его могла быть вызвана также и несчастным случаем.

Поскольку (не говоря уже об убийстве) и несчастный случай, приведший к смерти погибшего, и самоубийство могли быть вызваны: первый — преступной неосторожностью третьего лица, а второе — доведением погибшего кем-либо

---

¹ Имеется в виду исследование трупа при скоропостижной смерти, смерти при неустановленном диагнозе заболевания и в некоторых других случаях, производимое без постановления следственного органа.

до самоубийства, возбуждение дела и проведение расследования одинаково необходимы как при типичной, так и при атипичной обстановке, указывающей на возможность самоубийства.

в) Возбуждение уголовного дела при обнаружении трупов в водоемах

Анализ практики свидетельствует, что именно в такой ситуации чаще всего возникает вопрос о целесообразности возбуждения уголовного дела. Объясняются эти сомнения тем, что возможность смерти в результате собственной неосторожности погибшего путем утопления действительно больше, чем в какой-либо иной обстановке. Поэтому иногда необоснованно практикуется отказ в возбуждении уголовного дела в случаях, когда в результате вскрытия трупа выясняется, что причиной смерти было утопление. Между тем, как само собой понятно, человек может утонуть и в результате умышленных действий других лиц (т. е. быть утопленным), и из-за чьей-то преступной небрежности или несвоевременного оказания помощи, и, наконец, в результате самоубийства. Но чтобы установить, при каких обстоятельствах и по чьей вине человек утонул, необходимо провести расследование, причем иногда очень трудоемкое. Исключительно сложной оказывается эта задача, если ее разрешению должна еще предшествовать большая работа по установлению личности погибшего. Нет сомнения, что успешно решить обе эти задачи возможно лишь при условии активного расследования. Путем же ограниченных проверочных действий установить личность погибшего и выяснить обстоятельства его смерти нечего и надеяться.

Кроме того, не следует забывать, что в ряде случаев при вскрытии трупов, обнаруженных в водоемах, выясняется, что смерть погибшего наступила еще до попадания тела в воду и, как правило, носила насильственный характер. В таких условиях чаще всего оказывается, что потерпевший был убит, а труп его брошен в воду. Поэтому при установлении факта насильственной смерти от иных причин, кроме попадания воды в дыхательные пути, немедленное возбуждение уголовного дела и начало расследования тем более обязательны.

г) Возбуждение уголовного дела в случае
скоропостижной смерти и при иных обстоятельствах,
указывающих на возможность отравления

Когда, казалось бы, практически здоровый человек неожиданно для окружающих умирает при отсутствии каких-либо указаний на внешнее насилие, то такая внезапная (так называемая скоропостижная смерть) обычно вызывается скрыто протекавшим заболеванием (чаще всего сердечно-сосудистой системы). Естественно, что если вскрытием трупа установлена скоропостижная смерть, то отсутствует необходимость возбуждать уголовное дело. Если же при вскрытии внезапно умершего человека не будет обнаружено болезненных изменений, объясняющих наступление смерти, то требуется проверить, не имело ли место отравление. С этой целью необходимо провести судебно-химическое исследование внутренних органов умершего. Это важно, в частности, и потому, что многие ядовитые вещества не оставляют изменений в организме.

Наконец, если при вскрытии и обнаруживаются болезненные изменения, которые могут объяснить причину смерти, но имеются и подозрения на отравление, то судебно-химическое исследование внутренних органов следует провести для исключения возможности отравления.

Поскольку отравление может быть и убийством, и самоубийством, и врачебной ошибкой, при подозрении на отравление необходимо предварительное возбуждение уголовного дела и назначение соответствующих экспертиз (судебно-медицинской, судебно-химической, токсикологической и др.).

*

*

*

Из всего сказанного следует, что в каждом случае смерти человека, когда есть основания подозревать, что она могла быть вызвана чьими-нибудь преступными действиями, уголовное дело должно быть сразу же возбуждено, а следователь обязан немедленно приступить к проведению предварительного следствия. Риск оставить неразоблаченным опасного преступника из-за отказа в возбуждении уголовного дела настолько велик и опасен своими возможными последствиями, что идти на него безусловно недопустимо. Тем более нельзя рисковать только из опасения, что, возможно, дело будет прекращено и это будто бы ухудшит показатели качества следственной работы. Как уже давно и хорошо из-

вестно, — установить в результате глубокого расследования факт, что преступление не было совершено подозреваемым, не менее трудно, важно, почетно и полезно, чем изобличить преступника.

Попытка же найти третий выход, т. е. ограничиться проверкой, в подобной ситуации заранее обречена на неудачу. Если проверка будет проводиться в соответствии с требованиями закона, т. е. в течение нескольких дней и без производства следственных действий, то следовательно, ограниченный узким кругом проверочных мер и не имея права даже назначить экспертизу, естественно, не сможет установить истинные обстоятельства и причину смерти человека. Если же следователь попытается, не возбуждая дела, выйти за эти рамки, то проверка фактически превратится в следствие, с той лишь разницей, что оно будет проводиться без законного основания и с нарушением процессуальных требований, а потому неизбежно менее эффективными средствами (например без применения обыска, иногда необходимого для разоблачения инсценировки).

В обоих случаях, таким образом, шансы на установление факта преступления, если оно имело место, будут сведены к минимуму.

§ 2. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Как и по всем делам об убийстве, возбуждаемым в связи с обнаружением трупа, в качестве первоначальных следственных действий по делам анализируемой категории проводятся: осмотр места происшествия и трупа, судебно-медицинская экспертиза и допрос первичных свидетелей. Специфическим же первоначальным следственным действием для дел об убийстве, замаскированной инсценировкой, следует признать обыск. Правда, проводят его в начале следствия не всегда, а лишь когда при осмотре выявляются признаки инсценировки и на кого-либо падает подозрение в убийстве потерпевшего. Однако такие ситуации возникают часто и наиболее характерны для рассматриваемых здесь дел об убийстве.

а) Задачи осмотра места происшествия и особенности тактики его проведения

Задачи осмотра (безотносительно к тому, проводится ли он до или после возбуждения уголовного дела) полностью

подчинены основному направлению начального этапа следствия по делам анализируемой категории. Отсюда возникает первая задача осмотра: проверить, действительно ли все произошло так, как об этом рассказывают близкие погибшего или окружающие его лица¹ либо подсказывает первоначальное впечатление от обстановки на месте происшествия. Одновременно в процессе осмотра должна решаться и вторая его задача: выяснить, нет ли признаков, указывающих на умышленное убийство, замаскированное той или иной инсценировкой. Таким образом, весь ход осмотра носит целеустремленный характер: следователь не просто фиксирует то, что попадает ему на глаза, а сопоставляет все им обнаруженное, все детали обстановки с картиной происшедшего, которую он мысленно себе представляет исходя из содержания полученных объяснений близких погибшего или из общего впечатления, производимого обстановкой на месте происшествия. Однако параллельно с проверкой этой версии следователь ищет признаки инсценировки и следы преступления, присущие тому способу убийства, который мог быть применен судя по обстановке².

Особенности тактики проведения осмотра места происшествия прямо вытекают из задач этого следственного действия: для проверки обеих названных выше версий необходимым рабочим приемом оказывается сопоставление каждой обнаруженной осмотром детали (будь то, например, состояние запоров или расстояние от орудия, причинившего смерть, до трупа и т. д.) с соответствующими подробностями версии близких погибшего, а также с тем значением, которое данный факт может иметь для версии об убийстве.

Как уже отмечалось, одно и то же обстоятельство может одновременно противоречить одной версии и подтверждать другую, т. е. оказываться негативным обстоятельством относительно первой и доказательством второй. Например, обнаружение цепочки пятен крови на пути, ведущем к полотну железной дороги, где обнаружен труп человека, опровергает версию о транспортном наезде на погибшего и в то же время

---

¹ Из сказанного ясно, что, приступая к осмотру места происшествия, следователь должен быть в курсе объяснений названных лиц, которых нужно поэтому предварительно опросить, а если есть возможность, то и допросить.

² Описание этих признаков и следов будет дано в главах IV и V применительно к разным видам инсценировок.

подтверждает предположение о том, что на полотно был при-
несен уже труп.

Поэтому при осмотре следователь, с одной стороны, оце-
нивает каждую мелочь, каждую черточку обстановки с пози-
ций того, может ли она быть объяснена тем ходом событий,
о котором рассказывают близкие погибшего (или который
вытекает из обстановки на месте происшествия), а с дру-
гой — ставит перед собой вопрос: не могла ли эта же деталь
появиться вследствие убийства или действий, направленных
на его маскировку.

Проверять обе версии надо, не только оценивая с их по-
зиций уже обнаруженные факты, но и проводя сам поиск от-
носящихся к делу следов, предметов и обстоятельств исходя
из той или другой версии. Пользуясь логическим приемом
дедукции, следователь рассуждает, например, так: если, по
словам родных погибшего, последнему неизвестными пре-
ступниками были нанесены ранения топором, когда он открыл
им входную дверь, то именно на двери и около нее — на полу,
стенах и даже на потолке следует искать брызги крови.
Обнаружение их там, конечно, не будет еще бесспорно свиде-
тельствовать о том, что убийство совершили посторонние, но
отсутствие таких пятен крови в этой части помещения сразу
поставит под сомнение всю версию близких погибшего.

Соответственно в тех случаях, когда никто не объясняет
следователю, как наступила или хотя бы могла наступить
смерть погибшего, а обстановка на месте происшествия до-
пускает различные объяснения о причинах и обстоятельст-
вах его смерти, следователь исходит при поисках следов и
предметов, относящихся к делу, а также при оценке их зна-
чения из версий, которые он сам выдвигает в качестве воз-
можных объяснений происшедшего.

Приводившееся уже в качестве примера дело об убийстве Седова
показательно и в данном отношении.

При неоднократных осмотрах дома Седова, где был обнаружен его
труп висящим в петле, следователи не обращали внимания на малень-
кую щель в стене рядом с запором на входной двери. И только когда
при последнем осмотре следователь Романов стал тщательно искать та-
кое отверстие, то и нашел его. Тем самым было объяснено и потому от-
пало единственное, но решающее негативное обстоятельство относитель-
но версии об убийстве Седова: закрытые изнутри окна и дверь его дома.

Одна из особенностей осмотра места происшествия по де-
лам об убийстве, замаскированном той или иной инсцениров-
кой, заключается в том, что следователь не может рассчи-
тывать на обнаружение явных следов убийства. Ведь, инсце-

нируя обстановку того или иного вида смерти, преступник старается уничтожить или замаскировать все следы убийства, которые ему удастся заметить. Задачей же следователя, естественно, должно быть обнаружение следов, оставшихся незамеченными или не полностью уничтоженными преступником. Так, сколько-нибудь заметные пятна крови безусловно окажутся уже затертыми, замытыми или покрашенными. Поэтому обнаружить сохранившиеся пятна крови можно рассчитывать лишь в местах, где их мог не заметить преступник (например, на темных предметах или обоях, в щелях между досками или плитками пола, на нижних поверхностях сидений стульев или кресел, на ножках мебели и т. д.).

Поскольку цвет крови вследствие замывания, затиранья и других приемов маскировки мог измениться, следователю надо внимательно осматривать пятна не только красноватого, но и других цветов. Внимание следователя привлекут, естественно, и заново покрашенные или побеленные участки пола, стен или потолка, а также свеженаклеенные куски обоев, под которыми могли сохраниться пятна крови.

б) Специфика осмотра трупа на месте происшествия

Существенное значение имеет установление времени и места наступления смерти погибшего, что иногда играет решающую роль при разоблачении инсценировки. Объясняется это опять-таки тем, что по таким делам следователю часто преподносится готовое более или менее развернутое объяснение о причинах и обстоятельствах смерти погибшего. Естественно, что в объяснении обычно содержатся указания и на то, когда умер погибший, или хотя бы на то, когда он еще был жив. Еще точнее указывается место, где находился погибший в момент наступления смерти или где был обнаружен его труп. Чем категоричнее и определеннее такие указания, тем больше изобличающее значение фактов, их опровергающих. Выявить же такие факты нередко удается уже при первичном осмотре трупа на месте происшествия. О том, насколько важно установить точное время смерти погибшего для проверки версии, выдвинутой преступником, наглядно свидетельствует следующий пример.

Преступник, застреливший накануне вечером жену, утверждал, что утром, когда он уходил на работу, она была жива, а возвратясь домой около 18 часов, он нашел ее мертвой с пистолетом в руке.

При первичном осмотре трупа на нижней части живота были обнаружены признаки начавшегося гниения. Это опровергало версию преступника: если бы утром его жена была жива, то ко времени осмотра трупа признаков гниения на нем, по заключению эксперта, еще не было бы.

Чтобы обеспечить судебно-медицинскому эксперту возможность более точно определить давность смерти, следовательно при осмотре трупа вместе с судебным медиком надлежит самым подробным образом зафиксировать в протоколе осмотра все трупные явления. В частности, определяется степень охлаждения различных частей трупа на ощупь и обязательно измеряется его температура в подмышечных впадинах и прямой кишке. Необходимо также измерять и фиксировать в протоколе осмотра температуру окружающей труп среды (воздуха, воды, земли и т. п.).

Далее определяется наличие или отсутствие окоченения и степень его выраженности в нижней челюсти, верхних и нижних конечностях. Отмечается расположение, степень выраженности и окраска трупных пятен, их побледнение и скорость восстановления окраски при давлении на кожу пальцем.

Подробно описываются и признаки разложения — от зеленоватой окраски кожи до полного отсутствия мягких тканей, наличие жировоска, мумификации и т. п.

Насекомые, обнаруженные на трупе, их яйца и личинки также описываются и собираются (в баночку, коробочку). По ним эксперт-энтомолог определит время их появления на трупе, а отсюда можно получить и представление о давности наступления смерти.

Правильный вывод о времени смерти на основе трупных явлений может быть сделан судебно-медицинским экспертом лишь при обязательном подробном описании их в протоколе осмотра с указанием точного времени фиксации этих явлений. При соблюдении всех перечисленных условий судебно-медицинский эксперт сможет с максимально возможной точностью определить время, прошедшее с момента смерти до осмотра. При этом нельзя забывать, что чем меньше времени прошло с момента смерти до осмотра трупа, тем точнее судебный медик сможет определить это время. Так, если в течение первых суток после наступления смерти возможно определить ее давность с точностью до одного-двух часов, то уже через двое-трое суток трудно точно определить даже количество дней, прошедших с момента смерти.

Отсюда ясно, насколько важно осмотреть труп возможно скорее после наступления смерти¹.

На время смерти могут указывать и другие данные. В первую очередь состояние пятен крови как на самом трупе, так и на окружающей обстановке. По тому, насколько они окажутся влажными, липкими или засохшими, можно определить время, прошедшее с момента нанесения ранений, вызвавших кровотечение. При обнаружении трупа в водоеме дополнительным признаком может служить время нахождения трупа в воде, о котором судебный медик будет судить по степени размягчения и отслоения кожи на кистях рук и ступнях ног.

Выясняя время наступления смерти погибшего, следователь не основывается лишь на заключении эксперта, он должен обязательно учитывать и сопоставлять все обстоятельства, установленные осмотром трупа и места происшествия, а также иными следственными действиями, в частности допросом свидетелей. Именно этим путем можно выяснить, например, время и место последней встречи погибшего с кем-нибудь, время, когда были слышны крики, шум борьбы около места обнаружения трупа, и другие данные.

Очень важно точно определить место, где наступила смерть погибшего, поскольку при инсценировке преступник обычно перемещает труп с места убийства на другое или хотя бы изменяет его положение и позу.

О перемещении или изменении положения трупа можно судить: по следам волочения на самом трупе, надетой на нем одежде, на окружающей обстановке; по пятнам крови, стекавшей с трупа при перемещении, ее брызгам, указывающим место убийства, или отсутствию вокруг трупа значительных пятен крови, несмотря на ранения, которые должны были вызвать обильное кровотечение. Об изменении положения трупа свидетельствует и несоответствие расположения трупных пятен позе трупа. Если на трупе, висящем в петле, трупные пятна окажутся расположенными на передней или задней поверхности тела, это будет означать, что труп какое-то время лежал, а затем был повешен; если же трупные пятна расположены на нижних конечностях, то значит труп оказался в петле в момент или вскоре после наступ-

¹ Подробнее об определении давности смерти исходя из трупных явлений см. Н. И. Гуковская и В. А. Свешников, Судебно-медицинская экспертиза трупа по делам о насильственной смерти, М., 1957.

ления смерти. Направление потоков крови (или сукровицы) на трупе также может указывать, в каком положении находился погибший после начала кровотечения.

В одном случае на лице и шее трупа женщины, обнаруженной висевшей в петле, потеки сукровицы шли горизонтально, в сторону ото рта и носа. Это опровергало версию мужа погибшей о ее самоповешении. Если бы кровотечение возникло в связи с самоповешением, то потеки крови изо рта и носа располагались бы вертикально — сверху вниз.

Следует еще раз подчеркнуть значение тщательного осмотра одежды на трупе. Кроме пятен крови и следов волочения на ней могут быть обнаружены мелкие частицы сыпучих или клейких веществ, краски, почвы, а также семена и другие части растений, приставшая солома, сено и др. Эти посторонние частицы и следы также могут помочь следователю установить место убийства или место, где труп находился до его перемещения.

Все карманы одежды должны быть детально осмотрены, а все обнаруженное в них изъято и приобщено к делу. Иногда в карманах могут оказаться вещи или документы, объясняющие причину и обстоятельства смерти погибшего. Этот момент, казалось бы, очевидный для следователей, все же в отдельных случаях ими игнорируется. Вот наглядный пример.

После поверхностного осмотра трупа молодой девушки — Кати М., обнаруженного с повреждениями головы на земле около вышки ветряного двигателя, следователь направил труп в морг, не осмотрев одежды погибшей. В морге одежду также не осмотрели. Эксперт пришел к заключению, что смерть предварительно изнасилованной девушки была причинена повреждениями, нанесенными ей по голове, острую рубящим предметом. В связи с этим следователь упорно проверял лишь одну версию — об убийстве М. Когда же одежда погибшей, к счастью, сохранившаяся в морге, была, наконец, осмотрена следователем, то в кармане жакета нашли игральную карту, на которой рукой погибшей было написано: «Мама, дорогая, не плачь за мной, до свидания». После эксгумации трупа и повторной судебно-медицинской экспертизы выяснилось, что первое заключение эксперта было ошибочным, так как смерть девушки последовала от падения с большой высоты. В результате расследования было установлено самоубийство М., бросившейся после ее изнасилования с вышки¹.

в) Обыск по месту предполагаемого убийства

В связи с тем, что при инсценировках, производимых с целью скрыть совершенное убийство, преступники обычно

¹ «Следственная практика», вып. 61, М., 1963, стр. 15.

успевают тщательно уничтожить его следы, обнаружить их путем одного лишь осмотра места происшествия, как правило, не удастся. Нередко с этой целью приходится вскрывать полы, распарывать тюфяки, матрацы, обшивку мебели, разыскивать спрятанные предметы с пятнами крови, находящиеся в закрытых помещениях и хранилищах. Все эти и подобные им действия допустимы, разумеется, лишь в условиях надлежаще процессуально оформленного обыска.

Поэтому во всех случаях, когда при осмотре места происшествия и трупа или в результате допроса первичных свидетелей выявляются признаки инсценировки и возникает обоснованное предположение, что погибший был убит кем-либо из близких ему лиц, в данном помещении помимо осмотра необходимо произвести и обыск. Задачи такого обыска не ограничиваются, разумеется, поисками замаскированных следов преступления. Обнаружению подлежат также: орудия убийства, предметы, которые (или части которых) использовались для сокрытия убийства путем инсценировки, а также переписка, дневники и другие документы, могущие пролить свет на характер взаимоотношений потерпевшего с близкими и выявить среди них лицо, заинтересованное в его смерти.

Как же должны разрешаться эти задачи в процессе обыска?

В зависимости от способа лишения жизни погибшего следователю необходимо представить себе, как могло быть совершено его убийство, какие следы при этом должны были образоваться и какие меры преступник мог принять для их сокрытия, в частности, что именно он мог спрятать, что замаскировать и что уничтожить.

В первую очередь следует продумать вопрос о том, чем было совершено убийство, какое оружие или орудие могло быть для этого использовано. Иногда данное обстоятельство сразу становится ясным, например при инсценировке самоубийства из огнестрельного оружия или при убийстве, совершенном топором (будто бы посторонними лицами), когда характер ран прямо указывает на вид орудия, которое следует искать.

Не всегда, однако, при осмотре и даже при вскрытии трупа удается точно определить, какого рода орудием совершено убийство. Так, в случае удавления петлей лишь в отдельных случаях можно сразу же точно определить материал петли, например веревку, ремень. Как правило, спе-

циалист укажет лишь, что материал был мягким или жестким. Это существенно затрудняет поиски предмета, использованного для удавления. Иногда, разумеется, преступник использует и для убийства, и для инсценировки один и тот же предмет, которым сначала совершает удавление, а затем на нем же подвешивает труп.

Очень сложной становится задача обнаружения орудия убийства при подозрении на отравление, особенно пока химической экспертизой еще не установлен вид ядовитого вещества: искать его приходится иногда среди очень большого количества лекарств, просто бутылок с жидкостями и т. п.

В случаях совершения убийства тяжелым тупым орудием приходится разыскивать подходящий предмет среди самых разнообразных вещей хозяйственного назначения. Такая задача несколько облегчается, если по характеру повреждений можно хотя бы приблизительно определить форму и величину орудия. Если убийство сопровождалось кровотечением, то на орудии убийства могли сохраниться пятна крови или хотя бы следы их удаления.

Кроме самого орудия убийства разыскивать надо и все связанные с ним предметы. В первую очередь это относится, конечно, к стреляным пулям и гильзам, а также к патронам, дробу, пороху и т. д. Если же орудием убийства послужил, например, кусок веревки, проволоки и т. п., то очень важно найти остальную часть соответствующего материала.

В одном случае инсценировки самоубийства женщины, задушенной, а затем подвешенной на веревке ее мужем, следователь при обыске нашел в сарае кусок однородной веревки, на которой при тщательном осмотре удалось заметить несколько вырванных с корнем женских волос. Криминалистическая экспертиза установила, что оба куска веревки составляли ранее одно целое. Это обстоятельство послужило веской уликой, тем более что на петле, снятой с трупа, также были обнаружены женские волосы.

Характерно, что, проводя обыск, следователь не обратил внимания на валявшийся в погребе кусок скомканной тряпки. Лишь на другой день мать потерпевшей сама нашла и принесла в прокуратуру этот обрывок, еще влажный от крови и слюны; из ее же слов стало известно, что кусок оторван от полы халата, который был надет на потерпевшей в момент смерти¹.

Просматривая переписку, дневники и другие документы, следователю надо обращать особое внимание на те места в

¹ «Следственная практика», вып. 17, М., 1953, стр. 209—212.

письмах и дневниках, где идет речь о взаимоотношениях потерпевшего с окружающими его и другими лицами.

Так, по упоминавшемуся уже делу об убийстве Щербиной своей жены при обыске были обнаружены документы, относившиеся к рассмотрению жалоб потерпевшей на мужа в товарищеском суде, а также к судебному разбирательству по ее иску к мужу о предоставлении ей части общего дома. Эти документы нагляднее любых свидетельских показаний отражали напряженный характер отношений, существовавших перед гибелью Щербины между нею и мужем.

Кроме того, из переписки можно почерпнуть важные данные и о том, что послужило причиной и мотивом убийства. Так, в переписке можно найти, например, сведения о скрываемой от окружающих связи подозреваемого, которая могла породить желание избавиться от нелюбимого человека.

При обыске в доме жениха, заподозренного в убийстве невесты и ее родителей, замаскированного пожаром, в печке было обнаружено полусгоревшее письмо. Из него удалось узнать, что у жениха есть другая девушка, которой он также обещал жениться. То обстоятельство, что при допросе жених тщательно скрывал это знакомство, возбудило подозрения. Проверкой данной связи и дальнейшим расследованием было установлено, что убийство своей невесты (а заодно и ее родителей) жених совершил, желая освободиться от обязательств по отношению к ней, чтобы жениться на другой, которой он увлекся уже после знакомства с потерпевшей и которая была лучше материально обеспечена.

При личном обыске подозреваемого (о необходимости чего нередко забывают) следует также сосредоточить внимание на таких местах одежды и обуви, где пятна крови могли остаться не замеченными преступником.

В частности, тщательно должны быть осмотрены: полы и подолы верхней одежды, обшлага рукавов и брюк, подкладка (головного убора, пиджака и др.), карманы, носки и чулки, рант обуви, часть подошвы между подметкой и каблуком, передний срез каблука и т. п. Кроме того, необходимо, конечно, принимать меры к обнаружению различных вещей, связанных с совершением преступления и, возможно, спрятанных на себе подозреваемым.

г) Общие вопросы судебно-медицинской экспертизы

По делам анализируемой категории значение судебно-медицинской экспертизы среди первоначальных следственных действий очень велико. Заключение эксперта совершенно необходимо для решения следователем основного вопроса начальной стадии следствия: от чего и при каких обстоятельствах умер погибший. При организации экспертизы следова-

тель обязан полностью использовать все ее возможности. Целесообразно поручать исследование трупа эксперту, участвовавшему в осмотре трупа на месте происшествия. В сложных случаях предпочтительнее назначать экспертную комиссию.

Содержание большинства вопросов, подлежащих разрешению экспертом, определяется способом причинения насильственной смерти и ее возможным родом. Эти вопросы будут приведены в соответствующих главах, где речь пойдет о разновидностях инсценировок. В то же время существуют вопросы общего характера, которые подлежат разрешению по каждому делу анализируемой категории (а некоторые из них даже по любому делу об убийстве)¹.

Первый и основной из таких вопросов — причина смерти и способ ее причинения.

Помимо причины смерти следователю необходимо, разумеется, узнать и каково было вызвавшее смерть внешнее воздействие. Например, при смерти от гипоксии (кислородного голодания) важно выяснить и то, чем она была вызвана: попаданием ли жидкости в дыхательные пути, удушением петлей, задушением руками или мягким предметом.

При наличии на трупе повреждений (ран и др.) обязательно следует поставить эксперту вопрос о причинной связи повреждения со смертью. Если имеется несколько повреждений, то у эксперта следует уточнить, какие из них причинили смерть.

Если судебномедицинское исследование выявит у погибшего серьезное заболевание, то необходимо выяснить, не явилось ли оно причиной смерти или не содействовало ли оно наступлению смерти от повреждений, если они сами по себе не являлись смертельными. Установление причинной связи между болезнью и смертью погибшего приобретает иногда решающее значение, в частности, когда перед смертью погибший серьезно болел, но имеются основания подозревать и его отравление.

При оценке заключения эксперта следователю надлежит убедиться, достаточно ли обоснованно определены причина и способ причинения смерти. Если заключение недоста-

---

¹ Подробнее о вопросах к судебномедицинскому эксперту по делам об убийстве см. Н. И. Гуковская и В. А. Свешников, назв. работа, а также руководства по судебной медицине, в частности М. И. Авдеев, Курс судебной медицины, М., 1959.

точно ясно или обоснованно, эксперта следует дополнительно допросить.

Обязательно должно быть установлено прижизненное или посмертное происхождение повреждений, обнаруженных на трупе. Инсценируя обстановку того или иного вида смерти, преступники наносят жертве посмертные повреждения, рассчитывая, что они будут ошибочно приняты за вызвавшие смерть. Так бывает при помещении трупа убитого на рельсы железной дороги, при его подвешивании и т. п. Распознавать в таких ситуациях инсценировку помогает установление посмертного характера соответствующих повреждений.

В других же случаях наличие на трупе только посмертных повреждений может поставить под сомнение версию об убийстве. Так, при обнаружении трупа в водоеме, если кроме посмертных повреждений (возможно, вызванных ударами трупа о камни и другие твердые предметы в водоеме) других повреждений не окажется, а причиной смерти погибшего будет установлено утопление, то наиболее вероятным объяснением его смерти может быть несчастный случай по собственной неосторожности.

Не менее важно решение вопроса о давности смерти исходя из трупных явлений. Выше уже говорилось о необходимости в связи с этим обеспечивать эксперту возможность наиболее точно определить время смерти. Кроме того, следовательно надо удостовериться в степени точности и достаточной аргументации определения времени наступления смерти.

Помимо трупных явлений, время наступления смерти может быть дополнительно уточнено и временем, истекшим с момента последнего приема пищи погибшим. Определяется это время исходя, с одной стороны, из состава и степени переваренности остатков пищи, обнаруженных в желудке умершего, а с другой — из того, сколько времени требуется (по норме) для полного переваривания соответствующего вида пищи.

Для решения данного вопроса целесообразно назначать комиссионную экспертизу с участием специалиста по физиологии пищеварения. Предварительно следователь при допросе свидетелей выясняет, когда (а если возможно, то и что) в последний раз ел погибший. Сопоставляя эти данные с состоянием содержимого желудка, эксперты могут установить, в котором часу наступила смерть. Данный способ особенно эффективен в случаях, когда по трупным явлениям уже невозможно определить давность смерти в часах.

Для установления факта и степени алкогольного опьянения погибшего, а также времени последнего приема алкогольных напитков требуется исследование крови, а иногда и внутренних органов, позволяющее произвести количественное определение алкоголя.

Определение группы крови погибшего обязательно в каждом случае насильственной смерти, особенно же при наличии повреждений, вызвавших кровотечение. Установление групповой принадлежности крови погибшего позволяет исключить как не относящиеся к факту его смерти пятна крови иной группы. Совпадение же группы крови потерпевшего и крови в пятнах, обнаруженных, например, на одежде подозреваемого, не только не противоречит версии о его причастности к смерти, но и частично ее подтверждает. Особенно же велико значение такого обстоятельства при условии, если кровь подозреваемого относится к другой группе, а, объясняя происхождение пятен на одежде, подозреваемый утверждал, что кровь в них принадлежит ему или другому лицу, также с кровью, отличной от крови погибшего.

Помимо этих обязательных вопросов для дел анализируемой категории специфичен еще один общий вопрос к судебномедицинскому эксперту. Он вытекает из присущего для такого рода дел выдвижения кем-либо из близких погибшего версии о нейтральной причине смерти погибшего. Излагая эту версию, ее автор обычно достаточно подробно описывает либо картину самой смерти погибшего, либо состояние трупа в момент обнаружения, точно указывая его местонахождение, а иногда и время наступления смерти.

Для проверки данной версии следователю необходимо поставить судебному медику и такой крайне важный вопрос: насколько соответствуют объективные данные исследования трупа показаниям таких-то лиц об обстоятельствах смерти погибшего, в частности о способе внешнего воздействия, механизме этого способа, причине смерти, времени и месте ее наступления, о позе погибшего в момент нанесения ему повреждений, а также о положении, в котором после смерти находился его труп.

Если же никто из близких погибшего (или иных лиц) не выдвинул версии о другой, кроме убийства, причине смерти погибшего, но она может и должна быть выдвинута исходя из обстановки на месте происшествия, следователю также надлежит поставить указанный вопрос эксперту лишь в соответствующей измененной редакции.

д) Допрос свидетелей, выявленных на месте происшествия

В начальной стадии расследования в поле зрения следователя оказывается сравнительно узкий круг лиц, могущих дать свидетельские показания по обстоятельствам расследуемого события. Это прежде всего: очевидцы смерти погибшего; лица, первыми обнаружившие труп; лица, находившиеся поблизости от места происшествия, и, наконец, лица, хорошо знавшие погибшего.

Выявление лиц, которым что-либо известно о случившемся (кроме, разумеется, близких погибшего), целесообразно поручить перед началом осмотра места происшествия кому-либо из работников уголовного розыска, выехавших на место вместе со следователем.

Задачи допроса выявленных в начале следствия свидетелей в основном сводятся к освещению трех групп вопросов.

Во-первых, это обстоятельства обнаружения трупа и изменения в обстановке на месте происшествия.

Во-вторых, обстоятельства наступления смерти погибшего и ее причины, а также возможные виновники.

И, в-третьих, взаимоотношения между погибшим и связанными с ним лицами, в частности с его близкими, а также поведение последних непосредственно перед смертью погибшего и сразу после нее.

Лица, не связанные с погибшим, но знающие что-либо о том, при каких обстоятельствах наступила его смерть, могут иногда оказаться особенно ценными свидетелями как по содержанию своих показаний, так и по их объективности. Так, если труп погибшего впервые был обнаружен посторонними лицами, то они могут нарисовать подробную картину того, в каком именно месте и в какой позе находился труп, какие следы и предметы находились около него и т. д. Если кто-либо из этих свидетелей вторично наблюдал место происшествия уже после прибытия туда следственных работников, его нужно обязательно спросить, не заметил ли он каких-либо изменений в положении трупа или окружающей его обстановке.

Посторонние свидетели могут дать важные показания и о том, как вели себя близкие погибшего, не было ли чего-нибудь необычного в их поведении в день его смерти.

Так, по делу об убийстве Седова двое молодых людей К. и Р., проходя вечером 17 апреля по улице мимо его дома, услышали из-за забора сдавленный старческий крик «Караул! Помогите!», а также шум какой-то возни и лай собаки. К. и Р. стали громко стучать в запертые ворота.

На стук сначала никто не отзывался, а затем вышел Головин, сосед Седова, находившийся явно в возбужденном состоянии, и путано объяснил, что собака лаяла на его дочь и ее жениха.

После того как выяснилось, что смерть Седова наступила как раз вечером 17 апреля, показания посторонних лиц об описанных выше обстоятельствах послужили первым основанием, чтобы заподозрить Головина в убийстве Седова.

В других случаях особенно важными оказываются показания посторонних свидетелей о странном поведении близких погибшего. Если поведение последних прямо противоречит выдвинутой ими версии о причине и обстоятельствах смерти погибшего, то оно приобретает изобличающее значение, становится уликой поведения.

По делу об убийстве Корниловой своего 6-летнего сына, которого она бросила в колодец, первые подозрения в отношении преступницы возникли на основе показаний свидетельниц — односельчанок ее матери, к которой Корнилова приехала из Горького, чтобы «навещать сына», постоянно жившего в деревне у бабушки. Свидетельницы, квартирантки ее матери, показали, что Корнилова ушла из дома с сыном, а вернулась одна, объяснив им, что тот пошел в кино. В то же время она настойчиво уговаривала квартиранток в кино не ходить. Те все же пошли в кино, но сына Корниловой там не видели. После того как обнаружили его исчезновение, вместо организации его поисков в деревне Корнилова зачем-то поехала в райцентр и там послала телеграмму в Горький о продлении ей на несколько дней отпуска за свой счет.

Вполне понятно, что когда на другой день в колодце, находившемся в стороне от дороги, нашли труп сына Корниловой, ее неестественное поведение в день его исчезновения сразу же навлекло на нее подозрения в убийстве ребенка.

Крайне важны также показания как посторонних, так и близких погибшего о его взаимоотношениях с членами семьи, родственниками, соседями и другими лицами. Выясняя эти отношения, следователь может установить, кто и из-за чего мог быть заинтересован в смерти погибшего. Решение же этого, всегда важного по делам об убийстве вопроса «*Qui prodest?*», т. е. кому и почему была выгодна или нужна смерть потерпевшего, обычно позволяет выдвинуть версию о личности возможного убийцы.

В случае смерти одного из супругов и возможности подозрения в причастности к этому другого супруга ценные данные об их взаимоотношениях может дать немедленный допрос ближайших родственников умершего (родителей, братьев, сестер, детей от первого брака, если такие имеются), в том числе и живущих в других населенных пунктах. У них необходимо также изъять сохранившиеся письма потерпевшего, которые могут послужить важным доказательством.

Допросы членов семьи и соседей потерпевшего об обстоятельствах, непосредственно предшествовавших его смерти, могут дать существенные сведения даже в том случае, если убийца подговорил свидетелей подтвердить его версию (но, разумеется, лишь при условии, если будет предотвращена возможность общения этих лиц между собой в перерывах между допросами). Вопросы должны быть предельно детализированными и задаваться всем допрашиваемым в одинаковой форме. При такой тактике проведения допросов следователю удастся выявить в показаниях сговорившихся противоречия и, используя их, получить затем правдивые показания.

Иногда такие показания скорее всего можно получить от несовершеннолетних и даже малолетних свидетелей. Это удастся даже в случаях, когда подозрения падают на супруга погибшего, и можно ожидать, что либо дети были соответственно проинструктированы о том, какие давать показания, либо сами не хотят «выдавать» виновного. Обязательными условиями успешного допроса детей в подобной ситуации служат тщательно продуманные тактика и план допроса. При этом следует избегать прямо ставить наиболее существенные вопросы, их надо касаться лишь наряду с выяснением связанных с ними нейтральных обстоятельств и как бы между прочим. В результате допрашиваемый ребенок, невольно ассоциируя между собой побочные обстоятельства с главными и забывая о том, что ему надо скрывать (поскольку речь не идет прямо об этом), сам расскажет правду по наиболее интересным и важным для следствия вопросам¹.

Некоторую специфику представляет собой допрос тех свидетелей, на которых, судя по их взаимоотношениям с погибшим, могут пасть подозрения в причастности к убийству. Главная задача допроса таких лиц — выяснение их позиции, выдвигаемой ими версии о причине и обстоятельствах смерти погибшего. Особенно важны детали, конкретные факты, ссылки на третьих лиц, т. е. все те обстоятельства, которые могут быть затем проверены из других источников. В случае противоречия фактов, приведенных в показаниях допрашиваемого, обстоятельствам, твердо установленным по делу, его версия будет взята под сомнение, а следователю необ-

---

¹ О тактике допроса несовершеннолетних см. «Руководство для следователей», «Юрид. лит.», 1971, стр. 723—724.

ходимо выдвинуть и проверить версию о виновности автора ложной версии в убийстве погибшего.

Вполне очевидно, что обязательное условие допроса данной категории свидетелей — крайняя осторожность в постановке вопросов и даже в тоне, каким они задаются. Допрашиваемому не следует давать понять, что есть какие-то предположения о его причастности к убийству. Любое проявление подозрения или даже недоверия к показаниям такого лица могут его заранее насторожить, если он действительно убийца, или незаслуженно обидеть, если он непричастен к смерти погибшего.

Аналогичной тактики допроса следует придерживаться и при допросе уже заподозренного лица.

УБИ.

В
престу
перед
которы
ющие
ты сле
способ
рые во
случае,
удобств
мого в
нию бу
они об

ГЛАВА III

ОБЩИЕ ЗАДАЧИ И ПРИЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, ЗАМАСКИРОВАННЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ

В зависимости от того, какой вид инсценировки выбрал преступник и каким способом он лишил жизни потерпевшего, перед следователем возникают различные задачи, решение которых во многом носит специфический характер. Последующие главы и будут посвящены анализу особенностей работы следователя при разных видах инсценировок и различных способах совершения убийства. Поскольку, однако, некоторые вопросы следователю приходится разрешать в любом случае, целесообразно сначала рассмотреть именно их. Для удобства изложения вопросы выявления лица, подозреваемого в убийстве, и проверки его причастности к преступлению будут рассмотрены последовательно, хотя на практике они обычно выясняются, переплетаясь между собой.

§ 1. ВЫЯВЛЕНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Как уже отмечалось, к инсценировке для сокрытия убийства прибегают почти исключительно лица, более или менее близко связанные с потерпевшим и потому вынужденные объяснять причину его смерти. Из данной закономерности вытекает необходимость для следователя в первую очередь учитывать возможность совершения убийства кем-то из «своих». И лишь если по обстоятельствам дела¹ такая версия полностью исключается, надлежит предположить, что виновником был посторонний потерпевшему человек. Рассле-

---

¹ Ниже будут описаны наиболее типичные обстоятельства, указывающие на то, что убийство было совершено посторонним лицом.

дование в таких случаях проводится в соответствии с общей методикой расследования убийств¹.

После проведения первоначальных следственных действий в распоряжении следователя обычно оказывается целый ряд отдельных фактов, могущих иметь отношение к делу. Первая задача следователя — проанализировать эту совокупность фактических данных. Наиболее целесообразно распределить все установленные факты по трем группам. В первую группу войдут обстоятельства, подтверждающие версию о причине смерти погибшего, выдвинутую его близкими или другими лицами, присутствовавшими при смерти, либо вытекающую из обстановки, в которой обнаружен труп. Ко второй группе относятся факты, опровергающие названную версию, противоречащие ей, другими словами, негативные по отношению к этой версии обстоятельства. Наконец, в третью группу войдут обстоятельства, непосредственно указывающие на то, что смерть погибшего была вызвана убийством², причем совершенным, по-видимому, кем-либо из «своих».

Наглядной иллюстрацией сказанного может служить дело, возбужденное в связи с обнаружением трупа Ковалевой, висящего в петле в комнате, где она проживала вместе с мужем. Первоначальными следственными действиями было, в частности, установлено, что к моменту обнаружения трупа Ковалевой окна комнаты оказались закрытыми на шпингалеты, а дверь — на внутренний крючок; на столе была найдена записка: «Больше я терпеть не могу. Пора с этим кончать». По заключению экспертизы, записка была написана самой Ковалевой.

Все названные обстоятельства подтверждали версию, вытекавшую из обстановки обнаружения трупа, — о самоубийстве путем самоповешения. Поэтому все эти факты должны быть отнесены к первой группе.

Одновременно были установлены следующие негативные (по отношению к версии о самоубийстве) обстоятельства: глубокая и четкая странгуляционная борозда, образовавшаяся от шнура, на котором висел труп, оказалась посмертного происхождения; следственным экспериментом установлено, что запиравший изнутри дверь комнаты крючок можно было, находясь вне комнаты, опустить в петлю с помощью ножа, просунутого через щель между дверью и ее косяком; кроме того, выяснилось, что бумага, на которой была написана записка, ранее складывалась вчетверо, причем чернильный текст оказался выцветшим, а на линиях перегиба даже вытертым. По заключению криминалистической экспертизы, это указывало на то, что записка была написана задолго до происшествия и находилась в течение продолжительного времени в сло-

¹ См., например, «Расследование убийств», гл. I—IV.

² В тех случаях, когда версия близких сводится к убийству по неосторожности или в состоянии необходимой обороны, в третьей группе окажутся те факты, которые будут свидетельствовать об умышленном убийстве без смягчающих обстоятельств.

женном вчетверо виде. Все эти факты, хотя и не свидетельствовали об убийстве Ковалевой, но зато убедительно опровергали версию о ее самоубийстве.

Наконец, к третьей группе были отнесены следующие два факта: во-первых, на шее трупа оказалась вторая, слабо выраженная горизонтально расположенная странгуляционная борозда прижизненного происхождения, и, во-вторых, на щеке трупа были обнаружены две поверхностные ранки полулунной формы, по-видимому, нанесенные ногтями человека; причем в горизонтальном направлении от ранок шли потеки засохшей крови. Оба эти факта свидетельствовали об убийстве Ковалевой путем удушения после предшествовавшей борьбы.

Из приведенного примера видно, как следует анализировать данные первоначальной стадии следствия, распределяя их по группам. При этом особенно надо подчеркнуть, что факты, подтверждающие версию о нейтральной причине смерти, недопустимо игнорировать и оставлять без объяснения, даже если есть обстоятельства, прямо указывающие на убийство. Лишь после того как будут установлены негативные обстоятельства, опровергающие или обесценивающие доказательственное значение каждого из фактов первой группы, следователь может считать названную версию исключенной. В противном случае эти факты в свою очередь будут служить негативными обстоятельствами относительно версии об убийстве, т. е. будут ее опровергать.

Далее, при анализе обстоятельств второй группы необходимо различать те из них, которые просто опровергают факты первой группы, а с ними и версию о нейтральной причине смерти, и те, которые одновременно с этим устанавливают факт инсценировки.

В приведенном выше в качестве примера деле об убийстве Ковалевой таких негативных обстоятельств было два: посмертный характер странгуляционной борозды, указывавший на то, что на шнуре был подвешен уже труп, и запертая снаружи на внутренний крючок дверь, что мог сделать убийца для создания искусственного «доказательства» самоубийства.

При наличии в деле такого рода обстоятельств следователь придет к выводу, что обстановка смерти погибшего от нейтральной причины была инсценирована умышленно, с целью подтвердить заведомо ложную версию и тем скрыть от следствия истинную причину гибели умершего. Естественно, что наиболее вероятным и веским мотивом такого поведения могло быть совершение автором ложной версии убийства погибшего. Поэтому-то разоблачение инсценировки зачастую и оказывается, как уже отмечалось, кратчай-

шим путем не только к установлению факта преступления, но и к выявлению виновного.

Не меньшее значение имеет опровержение версии о причине и обстоятельствах смерти погибшего, заведомо ложно выдвинутой кем-либо из «своих», даже если в подтверждение ее не было создано никаких искусственных доказательств. Особенно убедительной данная улика поведения становится при условии, если кто-либо из близких погибшего утверждает, что тот погиб от нейтральной причины в его присутствии, а следствием данная версия будет опровергнута как ложная. В этом случае подозрения в убийстве сразу же падут на автора версии.

Понятно поэтому, что во всех случаях, когда близкие потерпевшего предлагают следователю свое законченное объяснение о причине и обстоятельствах смерти погибшего, основное внимание с первых же следственных действий должно быть сосредоточено на проверке данной версии¹. Если ее подтверждают несколько человек, то очень важно выяснить, кто из них выдвинул ее первым, чтобы прежде всего проверить возможную причастность к убийству автора версии. Естественно, что параллельно с этим надлежит выяснять и обстоятельства, прямо указывающие на факт убийства.

Однако далеко не всегда убийца сразу же выдвигает ложную версию, тем самым предоставляя следователю возможность проверить придуманные им конкретные факты и, опровергнув их, изобличить автора версии в явной лжи. Нередко убийца занимает пассивную, выжидательную позицию, воздерживаясь от всяких утверждений. Чаще всего так ведут себя лица, совместно с потерпевшим не проживающие, не являющиеся членами его семьи, а потому по обстоятельствам дела и не вынужденные объяснять следствию, как, когда, почему и при каких обстоятельствах умер погибший. К инсценировке они прибегают гораздо реже «своих» и делают это лишь на тот случай, если подозрения почему-либо все-таки падут на них.

В значительной мере такое поведение этой категории убийц объясняется и местом совершения преступления: почти в трех случаях из пяти — это открытая местность или нежилое помещение; обнаружение там трупа не может, как правило, вызвать подозрений против определенного лица. Кстати, и члены семьи погибшего, совершив убийство в од-

¹ О методах ее проверки см. § 2.

ном из указанных мест, обычно занимают ту же позицию: предоставляют посторонним лицам первыми обнаружить труп убитого, не торопятся заявлять о случившемся, а при допросе ограничиваются ссылками на алиби, отрицая какую-либо осведомленность о причинах и обстоятельствах смерти потерпевшего.

В описанной здесь ситуации направление следствия, разумеется, существенно меняется: вместо проверки версии, выдвинутой кем-либо со стороны, следователю, наряду с выявлением того, произошло ли убийство, надлежит тщательно проверить поведение лиц, связанных с погибшим. Основным показателем того, что убийца, возможно, из этого круга лиц, служит факт инсценировки или хотя бы создание отдельных искусственных доказательств, призванных замаскировать убийство.

Ближайшей задачей следствия в подобной обстановке должно быть выявление связей потерпевшего. Это мероприятие по данной категории дел имеет первостепенное значение. Проводить его необходимо с исчерпывающей подробностью, выявляя без исключения всех лиц, как-то связанных с потерпевшим.

При решении этой задачи используются всякого рода документы, в которых могут упоминаться родственники и знакомые погибшего: письма, записки, дневники, телефонные и записные книжки. По месту работы (ученья) и жительства погибшего устанавливаются все лица, с которыми он поддерживал более или менее близкие отношения. В свою очередь при допросе каждого из выявленных таким путем лиц следователь выясняет, кого еще из приятелей, друзей, знакомых погибшего знает допрашиваемый.

Всех установленных следствием лиц, связанных с потерпевшим, целесообразно занести в список, а затем приступить к проверке того, мог ли кто-нибудь из них оказаться причастным к убийству потерпевшего¹.

Не обязательно всех этих лиц проверять следственным путем. Такой путь может оказаться слишком сложным и длительным. Для ускорения проверки следователь наряду с проведением следственных действий дает соответствующие поручения работникам ОУР. Те, используя свои широкие оперативные возможности и методы негласной работы, могут

---

¹ О проверке близких потерпевшего см. «Каждое убийство может и должно быть раскрыто», М., 1965, стр. 74—75.

быстро провести проверку, не спугнув при этом преступника, если он окажется среди проверяемых. Следовательно же необходимо тщательно, буквально «взяв под лупу», проверять лишь тех немногих лиц, которые своим сомнительным поведением, не подтвердившимися ссылками на алиби или враждебным отношением к потерпевшему возбуждают подозрение ОУР.

Эту задачу следователь решает главным образом путем допросов членов семьи, родственников и соседей потерпевшего и последующей проверки их показаний. При этом он выясняет, кто именно из проверяемых мог быть заинтересован в смерти потерпевшего, кто оставался последним с ним наедине, кто имел физическую возможность совершить убийство и произвести действия, входящие в инсценировку (если она имела место).

Как отмечалось выше, уже в самом начале расследования необходимо решить вопрос, не мог ли совершить убийство посторонний. Основным признаком этого служит, как известно, отсутствие инсценировки, характерной лишь для «своих» убийц. Кроме того, следует учитывать и другие обстоятельства, указывающие на то, что убийцу надо искать среди лиц, мало или вовсе не связанных с потерпевшим.

К числу таких обстоятельств относятся, в частности, следующие:

— труп обнаружен на месте совершения убийства; какие-либо признаки попыток скрыть труп надолго или навсегда отсутствуют; как правило, отсутствует изменение позы трупа¹;

— при отсутствии признаков попыток скрыть факт убийства следы преступника оказываются уничтоженными или замаскированными; могут быть приняты меры, затрудняющие работу служебно-розыскной собаки;

— при совершении убийства в помещении, где жил по-

¹ Здесь, разумеется, не имеется в виду простое оттаскивание трупа с открытого места, например с дороги в кусты, в канаву, глубокий сугроб снега и т. п. Такое временное сокрытие и перемещение трупа, напротив, характерно для постороннего убийцы, стремящегося оттянуть момент обнаружения трупа и тем выиграть время для бегства с места преступления. Перемещение же трупа посторонним преступником на значительное расстояние в сочетании иногда с его сокрытием встречается лишь в тех редких случаях, когда убийство совершено на дому у убийцы и ему необходимо отделаться от решающей улики. Однако в подобных ситуациях при обнаружении трупа не возникает сомнений в том, что смерть погибшего вызвана убийством. Поэтому такого рода случаи не относятся к анализируемой категории дел об убийствах.

терпевший, запоры дверей или окон оказываются взломанными (если, разумеется, нет признаков инсценировки взлома);

— на месте происшествия отсутствуют признаки того, что преступник перед убийством длительное время находился в обществе потерпевшего (например вместе с ним ел, пил, спал и т. д.);

— первым обнаруживает труп лицо, как правило, не имеющее к погибшему никакого отношения или лишь отдаленно с ним связанное, и при обстоятельствах, не вызывающих сомнения в его непричастности к смерти погибшего;

— среди близких погибшего отсутствуют лица, заинтересованные в его смерти или враждебно к нему относящиеся;

— убийству на открытой местности, или в общественном учреждении, или в нежилом помещении нередко предшествует выпивка потерпевшего с малознакомыми или посторонними лицами, а также его участие в ссоре или драке;

— убийство совершено на открытой местности, на дому у преступника или у потерпевшего при наличии признаков ограбления¹.

Приведенные здесь обстоятельства не встречаются все вместе по каждому делу об убийстве, совершенном посторонним лицом. Но и наличия отдельных из этих признаков, наиболее характерных для убийств, совершаемых посторонними лицами, обычно достаточно для выдвижения соответствующей версии.

Общий же ход расследования по делу об убийстве, при возбуждении которого причина смерти погибшего была неясна, а затем появились основания искать убийцу среди посторонних лиц, можно определить так: вначале устанавливается, имело ли место убийство или смерть погибшего была вызвана иными причинами (в этой части задачи и методы расследования полностью совпадают с описанными в настоящем пособии), затем производится выявление возможного подозреваемого среди лиц посторонних или мало знакомых потерпевшему (эта работа проводится в соответствии с общими методами расследования убийств) и, наконец, после появления в поле зрения следователя личности подозреваемого проверяется его причастность к совершенному преступ-

¹ Если, разумеется, обстановка ограбления не была специально инсценирована; признаки такой инсценировки описываются в главе V, § 2.

лению (опять-таки с помощью общих тактических приемов).

Другими словами, все дальнейшее следствие по таким делам после установления события преступления и того обстоятельства, что виновного следует искать среди посторонних, осуществляется в соответствии с общими методами расследования убийств, лежащими за пределами темы настоящего пособия.

§ 2. ПРОВЕРКА ВИНОВНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Основные два вопроса, подлежащие разрешению при проверке версии о виновности подозреваемого, безотносительно к виду инсценировки и способу убийства, следующие:

— каков был характер взаимоотношений подозреваемого с потерпевшим; был ли подозреваемый заинтересован в смерти потерпевшего, почему и в какой степени;

— где находился подозреваемый и каково было его поведение непосредственно перед смертью потерпевшего, в момент ее наступления и сразу после нее; мог ли он оказаться в момент совершения убийства на месте происшествия, а если нет, то не был ли он подстрекателем или пособником совершения преступления.

В зависимости от конкретных обстоятельств дела перед следователем несомненно возникнут и другие вопросы, требующие разрешения, но получить ответы на названные два вопроса обязательно во всех случаях. В ходе их выяснения необходимо самым тщательным образом проверить и оправдательную версию, выдвинутую подозреваемым или вытекающую из обстановки на месте происшествия.

Оправдательная версия подозреваемого обычно охватывает собой не только причину и обстоятельства смерти погибшего, но и его взаимоотношения с последним. Рассказывая о них и понимая, что безмотивное убийство — исключение, преступник из числа «своих», стараясь оправдаться, почти всегда утверждает, что между ним и потерпевшим существовали хорошие, в крайнем случае, нормальные отношения и что у него не было никакой заинтересованности в смерти погибшего, а следовательно, отсутствовали и мотивы к его убийству. Лишь изредка подозреваемый признает, что у него бывали столкновения с потерпевшим, но старается приуменьшить их значение, изображая их как случайные и кратковременные.

При убийстве кого-либо из членов семьи по заранее обдуманному намерению преступники нередко перед реализацией замысла специально изменяют свое поведение, чтобы создать у окружающих впечатление прекрасного отношения к будущей жертве, свсеобразное «психологическое алиби», и тем отвести от себя в дальнейшем возможные подозрения¹.

Иногда преступники таким поведением перед убийством стараются обмануть и будущую жертву, развеять ее подозрения, если они появились. Добивается этого убийца, например, в тех случаях, когда для совершения задуманного преступления ему нужно, чтобы потерпевший согласился вместе с ним поехать или пойти на место, заранее выбранное для совершения убийства.

Когда убийство одним супругом другого совершено на почве интимной связи убийцы с третьим лицом или из ревности к третьему лицу, преступник зачастую старается скрыть либо сам факт существования третьего лица (иногда также причастного к убийству), либо характер отношений с ним.

Неудивительно, что в подобных случаях у следователя вначале может создаться впечатление, что у подозреваемого не было никаких мотивов совершить убийство близкого ему человека, в особенности если материальная заинтересованность в его смерти безусловно отсутствовала.

Поэтому при проверке взаимоотношений подозреваемого и потерпевшего нельзя ограничиваться собиранием сведений, относящихся только к последнему периоду жизни погибшего. Необходимо изучить в полном смысле этого слова всю историю взаимоотношений интересующих следствие лиц. Лишь такое глубокое исследование обеспечит выявление подлинного характера отношений между подозреваемым и погибшим.

Практика показывает, что при расследовании убийства, вначале казавшегося бессмысленным, нередко удавалось установить его мотив, как только проверкой было выявлено третье лицо, тщательно скрываемое подозреваемым. Более того, именно это лицо и оказывалось иногда физическим исполнителем преступления, а вначале заподозренное лицо играло роль подстрекателя. Такие случаи, в частности, бы-

¹ На это обстоятельство указывается и в некоторых работах зарубежных криминалистов. См., например, Hans Henftig, Der Modus operandi beim Verwandtenmord, «Archiv für Kriminologie», 1967, № 5—6, S. 136.

вали, когда первые подозрения падали на женщину из числа близких потерпевшего, чаще всего на его жену.

Наиболее успешными путями к получению сведений о такого рода лицах могут быть:

— обнаружение при обыске и последующий осмотр различных документов, в частности переписки, дневников, страховых свидетельств, квитанций и извещений на денежные переводы, посылки, бандероли и т. п.;

— допросы лиц, близко связанных с потерпевшим, — его родных, родственников, соседей и сослуживцев, а также лиц, знающих подозреваемого¹;

— проверка связей подозреваемого оперативным путем.

Начинать выяснение взаимоотношений потерпевшего и подозреваемого предпочтительнее с допроса последнего, чтобы затем, допрашивая свидетелей, знающих его и потерпевшего, иметь возможность одновременно проверить правильность показаний подозреваемого.

Допрашивая в дальнейшем лиц, хорошо знавших потерпевшего, а также соседей или сослуживцев подозреваемого, следует среди других вопросов ставить и такой: в чьем обществе допрашиваемый часто или хотя бы иногда видал потерпевшего (если предполагается, что мотивом убийства явилась ревность) или подозреваемого (если есть основание считать, что убийство было совершено с целью устранить нелюбимого супруга). Обязательно выясняется также, что и от кого слышал допрашиваемый о какой-либо связи подозреваемого или потерпевшего.

Независимо от проведения обыска, допросов и иных следственных действий, целесообразно поручить работникам уголовного розыска провести негласным путем соответствующие оперативно-розыскные мероприятия, необходимые для установления связей подозреваемого, о которых он мог умолчать при допросе. Это оказывается особенно полезным, если преступник тщательно скрывал ту или иную связь (наприменно интимную) от окружающих и потому попытки узнать о ней от свидетелей оказываются бесплодными. В подобных ситуациях негласная проверка оперативно-розыскными мерами — едва ли не единственный путь к выявлению скрываемой связи.

¹ Здесь не имеются в виду родные и родственники подозреваемого, которые, как правило, стараются облегчить его положение, а поэтому редко дают объективные показания.

В одном случае, когда муж подозревался в убийстве жены, отсутствовали, казалось бы, всякие основания для совершения им данного преступления. Все допросы окружающих оставались бесплодными. Однако негласная проверка вскоре показала, что муж тяготился семейной жизнью и часто посещал веселую компанию молодых девушек. Одна из них, его постоянная партнерша по ходьбе на лыжах, привлекла особое внимание сотрудника, проверявшего связи мужа. Познакомившись с ней, он без особого труда выяснил, что подозреваемый сначала выдавал себя за холостого и девушка уже соглашалась выйти за него замуж. Когда же она узнала, что он женат и имеет детей, то заявила о полном с ним разрыве. В ответ на это тот обещал в ближайшее же время развестись с женой и отправить ее к родным. Почти сразу после этого жена умерла, как выяснилось, в результате отравления ее раствором цианистого препарата, налитым в бутылку из-под лекарства.

Так, негласная проверка выявила истинную причину убийства, казавшегося вначале тем более беспричинным, что мужу в результате пришлось бы одному воспитывать детей.

Если без разрешения вопроса о взаимоотношениях потерпевшего и подозреваемого иногда не могут быть установлены мотивы убийства, то еще более важно установить, имел ли подозреваемый физическую возможность совершить это преступление. Выяснение данного вопроса чаще всего сводится к проверке ссылок подозреваемого на алиби.

В случаях, когда убийство совершено вне дома, где живет подозреваемый (один или вместе с потерпевшим), он обычно ссылается на то, что в момент убийства находился дома. Проверить же такую ссылку иногда крайне трудно, особенно если кроме подозреваемого в это время дома никого не было и нет возможности сопоставить его объяснение с показаниями остальных членов семьи. В подобных ситуациях следует подходить к проверке алиби как бы с другой стороны и искать свидетелей, которые могли видеть подозреваемого вне дома. Так, соседи по квартире, дому, улице, знающие подозреваемого, могут вспомнить, что они видели его уходящим из дома или возвращающимся туда в интересующее следствие время. Необходимо, разумеется, выявлять и таких свидетелей, которые могли видеть подозреваемого по дороге от дома до места совершения преступления или по дороге домой.

Если убийство совершено в помещении, где жили потерпевший и подозреваемый, но последний заявляет, что находился в это время вне дома, решающим способом проверки его показаний служит, как и обычно, метод детализированного допроса самого проверяемого и лиц, названных им для подтверждения правильности его ссылки на алиби. В первую очередь необходимо проверить, был ли подозреваемый дома в течение времени, прошедшего между наступлением смерти

погибшего и обнаружением его трупa. С этой целью допрашиваются остальные члены семьи, соседи по квартире, по подъезду, по дому, а также лица, живущие в соседних домах, если они знают проверяемого и могли его видеть либо дома, либо во дворе или на улице.

Далее необходимо точно выяснить, была ли у подозреваемого необходимость куда-либо выходить из дома.

Так, известен случай, когда убивший жену преступник заявил, что во время ее самоубийства он уходил в обувной магазин купить сыну ботинки. Оказалось, однако, что это был праздничный день, когда все промтоварные магазины были закрыты.

Если будет установлено, что подозреваемый действительно уходил из дома, то крайне важно уточнить, когда именно он ушел и когда вернулся. При этом следует помнить, что в случаях инсценировки преступнику приходится после убийства тратить дополнительное время на то, чтобы привести обстановку на месте происшествия в соответствие с придуманной им версией. Поэтому фактически он уходит позже наступления смерти погибшего. Обратные случаи, т. е. возвращение домой ранее того времени, о котором говорит подозреваемый на допросе, встречаются лишь как исключение. Это и понятно: возвратившись домой, преступник старается сразу же «обнаружить» труп потерпевшего, умершего якобы в его отсутствие. Поэтому заниматься инсценировкой после возвращения домой преступник не рискует, опасаясь, что его могли видеть, когда он входил в дом, и в связи с этим ему пришлось бы потом объяснять, почему он не сразу заявил окружающим о случившемся.

Учитывая эти детали поведения «своего» преступника, следователь может при проверке ссылок подозреваемого на алиби использовать сопоставление времени его ухода из дома с временем смерти погибшего.

Зная точное время смерти потерпевшего, следователь должен принять все меры к выяснению того, кто именно из близких погибшего находился в это время вместе с ним или в непосредственной близости. Этому может помочь то обстоятельство, что «свой» убийца, в соответствии с выдвинутой им версией, нередко относит момент смерти потерпевшего на более позднее время и потому не пытается на допросе отрицать, что в то время, когда в действительности наступила смерть убитого им лица, он находился вместе с ним. Тем самым прес-

тупник фактически себя выдает, еще не зная, что действительное время смерти потерпевшего уже установлено следствием¹.

Именно так и произошло в случае, уже описанном в главе II. Муж, убив ночью жену, заявил следователю, что в последний раз видел ее живой утром следующего дня, когда уходил на работу. По его словам, лишь вернувшись под вечер домой, он обнаружил жену мертвой. Однако судебно-медицинский эксперт установил, что смерть потерпевшей наступила не позднее чем в 22—23 часа накануне, т. е. когда муж, по его же показаниям, был дома вместе с женой. Так была разоблачена ложь мужа, а отсюда сделан естественный вывод о его виновности.

Однако основным моментом проверки ссылок подозреваемого на алиби всегда оказывается выяснение того, был ли он в действительности в указанном им месте в интересующее следствие время. Методика таких проверок уже достаточно разработана², а существенных отличий в этом вопросе по делам об убийстве, замаскированном инсценировкой, обычно не бывает. Поэтому здесь достаточно осветить лишь одно обстоятельство, характерное для случаев убийств одним членом семьи другого, совершенных по месту совместного проживания.

Если при проверке ссылок подозреваемого на алиби выясняется, что несколько свидетелей действительно видели его вне дома в разных местах в указываемые им моменты, следователю надо поставить перед собой дополнительный вопрос: а не мог ли подозреваемый в промежутке между подтвержденными свидетелями моментами успеть зайти домой, совершить там убийство и затем оказаться в новом пункте, где его также видели свидетели. Практика знает случаи такого искусственного создания алиби преступниками. Вот один из характерных примеров.

Трофимов, вернувшись с завода домой около 18 часов, сразу же позвал соседей по квартире, крича: «Жену убили! Вызывайте милицию!» Прибывший немедленно на место вместе со следователем судебно-медицинский эксперт предварительно определил, что смерть Марины Трофимовой наступила примерно в 17 часов.

При осмотре оказалось, что убийство совершено кухонным ножом, который, по словам Трофимова, принадлежал их семье. На убитой было надето пальто, а рядом стоял чемодан. Во дворе, рядом с крыльцом черного хода, на небольшом участке влажной почвы обнаружили четкий

¹ Вполне очевидно поэтому, что на данной стадии следствия недопустимо не только информировать кого бы то ни было из допрашиваемых о точном времени смерти потерпевшего, но и проявлять недоверие к их показаниям по данному вопросу (так же как и по другим вопросам), как бы явно ложны они ни были.

² См., например, «Расследование убийств», стр. 150—154, 184, 185 и «Каждое убийство может и должно быть раскрыто», стр. 42—43, 75.

след мужской обуви, направленный от крыльца в сторону пустыря, находившегося позади дома. Одна из соседок К. показала, что Марина перед обедом выплеснула туда воду из корыта. Со следа был отлит слепок.

Другая соседка Л. сообщила, что за два часа до возвращения Трофимова из его дома вышел некто Борискин, знакомый Трофимовых. Он сразу же сел в свой «Москвич» и уехал.

Трофимов пояснил, что Борискин был влюблен в Марину и не раз уговаривал ее уйти к нему.

Допрошенный в тот же день Борискин не отрицал, что был у Трофимовых в этот день около 16 часов и уговаривал Марину разойтись с мужем, но та сказала, что уезжает к матери и посоветуется с ней.

Соседка Л. дополнительно показала, что Марина днем пожаловалась ей на мужа, который утром побил ее и даже пытался душить. В связи с этим появилась новая версия — о виновности Трофимова. Она вскоре подтвердилась заключением трасологической экспертизы, установившей, что след во дворе оставлен правым полуботинком Трофимова. Это означало, что Трофимов уходил из дома через черный ход уже после того, как Марина стирала. Стало очевидным, что Трофимов скрыл от следователя свое первое посещение дома и уход оттуда.

При допросе он сослался на алиби, заявив, что с завода ушел в 16 час. 35 мин., затем пешком пошел в магазин готового платья, куда пришел примерно в 17 час. 15 мин — 17 час. 20 мин. В магазине долго выбирал, но так и не выбрал себе подходящего костюма, пробыл там приблизительно до 17 час. 45 мин., после чего через 10 минут был уже дома. При проверке по месту работы и в магазине показания Трофимова полностью подтвердились. Однако при этом выяснилось, что от завода до магазина готового платья можно проехать автобусом за 15—17 минут, а от магазина, если идти по тропинке через пустырь, до дома Трофимова можно дойти за 5 минут.

При решающем допросе Трофимова следователь подробно рассказал ему весь ход событий: доехав автобусом до остановки около магазина, Трофимов за 5 минут дошел через пустырь до дома. Увидев, что жена собирается уезжать, он не поверил, что та едет к матери, заподозрил, что она уходит к Борискину (о посещении которого жена, по-видимому, ему сказала), и после ссоры убил ее кухонным ножом. Затем, желая переложить вину на Борискина, он черным ходом вышел во двор, шагнув при этом в полувысохшую лужу, и той же тропинкой пришел в начале 18-го часа к магазину, где более получаса «выбирал костюм», специально создавая себе алиби.

Поняв, что его версия опровергнута, Трофимов признался в убийстве, объяснив, что он не мог допустить, чтобы жена ушла к Борискину.

Из приведенного примера видно, что убийство Трофимовой было фактически раскрыто сразу же, как только следствию удалось доказать, что ее муж скрыл на допросе факт пребывания дома во время наступления смерти потерпевшей. О том, насколько убедительным оказывается такое разоблачение лжи преступника, наглядно свидетельствует и то, что Трофимов, поняв, что его обман разгадан, тут же признался в совершенном преступлении, несмотря на то, что следствием еще не были собраны доказательства, изобличающие в содеянном именно его.

Чаще всего так бывает в тех случаях, когда преступник не ограничивается ложной ссылкой на алиби, но для правдоподобия придумывает ряд дополнительных обстоятельств, частично подтверждаемых созданными им искусственными доказательствами. Однако все эти попытки убийцы замаскировать преступный характер происшедшего и свою причастность к нему в конечном счете приводят при правильном ведении следствия к обратным результатам. Будучи проверенными и опровергнутыми, все придуманные преступником подробности и созданные им «доказательства его невиновности» обращаются против него. Они с очевидностью свидетельствуют об его лжи, становясь таким образом «уликами поведения», которые и приводят следствие к главному выводу — о причастности подозреваемого к убийству. Такой вывод тем более убедителен, чем труднее автору ложной версии нейтрально объяснить причину своих измышлений и фабрикацию подтверждающих их «доказательств».

Так, если преступник создал ряд сложных искусственных доказательств, например, совершения убийства потерпевшей посторонним лицом, то после опровержения этой ложной версии и разоблачения инсценировки у него уже нет возможности объяснить инсценированную им картину как-то иначе. В результате единственным разумным объективным объяснением всех его утверждений и поступков, рассчитанных на обман следствия, оказывается вывод о совершении убийства им самим.

Г Л А В А IV

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИНСЦЕНИРОВКЕ САМОУБИЙСТВА

§ 1. ПРИЧИНЫ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА ПРЕСТУПНИКОМ ДАННОГО ВИДА ИНСЦЕНИРОВКИ

Изучение следственной практики показывает, что для сокрытия убийства преступники прибегают к инсценировке самоубийства чаще, чем к любым другим инсценировкам¹. Объясняется это прежде всего возможностью применения самоубийствами почти всех способов лишения жизни, используемых при убийстве. Поэтому в очень многих случаях смерть от убийства может быть объяснена преступником как результат самоубийства, тем более, если в обстановку места происшествия внесены соответствующие изменения.

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что отсутствие очевидцев смерти погибшего (при иных инсценировках вызывающее подозрение) вполне естественно и легко объяснимо для версии о самоубийстве, которое почти всегда совершается без свидетелей. Для преступника же это обстоятельство крайне важно, так как для совершения убийства ему как раз и необходимо остаться с потерпевшим один на один.

Далее, преступник использует и то обстоятельство, что при данном виде инсценировки ему нет надобности перемещать труп, в частности удалять его из помещения, где совершено убийство².

¹ По данным нашего анализа, в 36,4% случаев всех инсценировок (против 29,8% инсценировок несчастного случая; остальные виды инсценировок встречались значительно реже).

² При инсценировках самоубийства в 85% случаев труп обнаруживался по месту совершения убийства — в жилом помещении.

Наконец, определенную роль играет и то обстоятельство, что самоубийство — это не преступление, а потому следственные органы реагируют на самоубийство совсем иначе, чем на убийство или несчастный случай со смертельным исходом. Проявляется подобное отношение прежде всего в том, что еще далеко не по каждому такому случаю возбуждается уголовное дело и производится расследование.

Естественно, что это существенно затрудняет раскрытие убийств с последующей инсценировкой самоубийства, поскольку отличить такое преступление от действительного самоубийства нередко оказывается нелегкой задачей даже в условиях предварительного следствия. На все это безусловно и рассчитывает преступник, предпочитая данный вид инсценировки другим, когда расследование проводится в обязательном порядке.

Невозможным же выбор инсценировки самоубийства делают лишь немногие обстоятельства. Это в первую очередь малолетний возраст жертвы, сразу возбуждавший бы подозрение окружающих. Затем наличие на теле убитого таких ранений и повреждений, которые он безусловно не мог бы нанести себе сам (например ножевые ранения в области спины, рубленые раны черепа, удары тяжелым тупым предметом по голове, спине и т. д.). И, наконец, невозможность для убийцы доказать свою ссылку на алиби. Если при других видах инсценировок преступник, признав, что смерть потерпевшего наступила в его присутствии, может как-то объяснить, почему он не смог ее предотвратить, то при версии о самоубийстве такое объяснение, как неправдоподобное, никогда не выдвигается преступником. Последний, как правило, ссылается на алиби либо утверждает, что в момент смерти потерпевшего он был в том же доме, иногда даже в той же квартире, но в другой комнате, или крепко спал и потому, мол, не мог помешать самоубийству погибшего. Однако такие объяснения встречаются на практике крайне редко (по нашим данным, меньше чем в 15% случаев).

Поскольку к инсценировке самоубийства прибегают в основном (свыше 70% случаев) убийцы — члены семьи потерпевшего, то обычная схема их действий точно совпадает с описанной выше: преступник, оставшись наедине с будущей жертвой, совершает убийство, вносит в обстановку необходимые изменения для создания видимости самоубийства и уходит из дома (либо потом утверждает, что уходил); затем, возвратившись домой (либо только сделав соответствующий

вид), «обнаруживает» труп и сразу же заявляет о случившемся в следственные органы. Иногда для большего правдоподобия убийца, инсценируя обстановку самоубийства, каким-либо путем закрывает дверь и окна на внутренние затворы и тогда, вернувшись домой, обращается к посторонним лицам с просьбой помочь ему взломать дверь, обеспечивая тем самым свидетелей того, что труп потерпевшего был им обнаружен в обстановке, указывающей на самоубийство.

Что касается других, связанных с потерпевшим, но проживающих отдельно от него лиц, то где бы они ни совершали убийство, замаскированное инсценировкой самоубийства, их позиция несколько иная: труп «самоубийцы» они, как правило, сами не обнаруживают и о случившемся в следственные органы обычно не заявляют. Естественно, что почти всегда они уклоняются от всяких объяснений о том, как и когда погиб потерпевший, а, будучи заподозрены, ссылаются на алиби.

Наконец, лица посторонние, вообще прибегающие для маскировки убийства к инсценировкам лишь в виде исключения (по нашим данным, меньше 3% от общего количества инсценировок), не инсценируют самоубийства совсем¹.

Наряду с инсценировками самоубийства на практике иногда бывают и обратные случаи: обстановка на месте обнаружения трупа человека, фактически покончившего с собой, допускает предположение, что имело место убийство. В исключительных случаях встречаются даже умышленные инсценировки убийства или хотя бы заведомо ложные версии того же содержания. Цель тех и других может быть, например, в том, чтобы, создав искусственные доказательства соучастия убийства определенным лицом, возвести на него из чувства мести ложное обвинение; скрыть факт самоубийства близкого человека, который был доведен до этого поступка автором версии об убийстве. Инсценировка убийства может в отдельных случаях оказаться и делом рук самого самоубийцы.

Портной Н., страдавший эпилепсией, был враждебно настроен к заведующему швейной мастерской Гудю. Н. был обнаружен мертвым со следами выстрела в упор. В кармане пиджака у него нашли записку: «Гудю меня вбив». Однако исследование трупа установило, что после огнестрельного ранения в голову, вызвавшего немедленную смерть Н., последний писать не мог. Алиби Гудя было бесспорно доказано; все это позволило сделать правильный вывод о самоубийстве Н².

¹ Во всяком случае ни при изучении дел, ни при ознакомлении с литературой нам не удалось выявить ни одного такого случая.
² «Следственная практика», М., вып. 41, 1960, стр. 158.

Признаки, отличающие самоубийство от убийства, будут подробно рассмотрены в следующих параграфах. Здесь же достаточно указать лишь на самый общий критерий, которым следует руководствоваться при оценке нередко встречающихся на практике ситуаций.

Если обстановка на месте обнаружения трупа производит несомненное впечатление самоубийства, то налицо может быть как самоубийство, так и его инсценировка. Объясняется это тем, что преступник, искусственно создавая обстановку самоубийства, исходит из того, как она будет воспринята окружающими и следователем. Поэтому во избежание у них каких-либо сомнений убийца стремится в первую очередь придать обстановке черты, наиболее типичные для самоубийства.

При действительных же самоубийствах вполне могут встретиться и совершенно неожиданные, атипические ситуации, при которых труп, в частности, обнаруживают в такой необычной позе, что первое впечатление обманывает даже опытных следственных работников, поскольку вначале просто трудно себе представить, что смерть погибшего была делом его рук.

Разумеется, при инсценировке самоубийства может случайно остаться (в результате просчета преступника) неликвидированным тот или иной признак, характерный для убийства. Такой признак, как уже известно, явится негативным обстоятельством для версии о самоубийстве. Как правило, однако, незамеченными автором инсценировки оказываются мелкие, не бросающиеся в глаза детали или обстоятельства, значение которых ему зачастую просто непонятно (например направление потеков крови, не соответствующее позе, которую убийца придал трупу потерпевшего). Очевидные же признаки убийства преступник при инсценировке самоубийства обычно замечает и стремится устранить.

§ 2. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Решение первоочередного вопроса при версии о самоубийстве — мог ли погибший сам нанести себе повреждения, вызвавшие смерть, во многом, если не полностью, зависит от способа лишения жизни и обстановки на месте происшествия. Но наряду с этим важнейшим вопросом существуют и вопросы общего характера, также всегда подлежащие выяснению для дифференциации самоубийства от убийства.

- Вот их перечень:
- находился ли погибший один в момент нанесения смертельных повреждений;
  - предшествовала ли смерти погибшего борьба между ним и другим лицом;
  - имеются ли на трупе и окружающей его обстановке признаки, характерные для самоубийства или для убийства;
  - что могло побудить погибшего покончить с собой.

Рассмотрим каждый из этих вопросов.

Как известно, самоубийство обычно совершается без свидетелей. Вызывается это опасением самоубийцы, что ему помешают привести свой замысел в исполнение. Бывают, конечно, и исключения. Так, если самоубийца бросается под поезд или с большой высоты и сознает, что его никто уже не успеет удержать, то присутствие других лиц его не останавливает. Но если самоубийство произошло на глазах у незаинтересованных свидетелей, то и не возникает необходимости выяснять, имело ли место убийство или самоубийство. Поэтому следователю приходится иметь дело лишь с такими случаями, когда очевидцев смерти погибшего нет (если не считать, разумеется, возможного убийцы).

Из сказанного ясно, насколько важно установить, был ли погибший в момент наступления смерти один или при этом присутствовал еще кто-нибудь. Если выяснится последнее обстоятельство, то версия об убийстве становится более чем вероятной.

Способом получения сведений по этому вопросу служит осмотр трупа и окружающей его обстановки. Иногда ценные сведения может дать и допрос свидетелей, в первую очередь заявителя, членов семьи погибшего, а также лиц, проживающих неподалеку от места обнаружения трупа или находившихся поблизости непосредственно перед смертью погибшего, во время или сразу после нее.

Первым признаком, указывающим на то, что погибший в момент смерти был один, естественно, считается обнаружение трупа в помещении, все входы в которое заперты на внутренние запоры. Неудивительно поэтому, что наиболее предусмотрительные убийцы стараются, уходя из помещения, где остался труп «самоубийцы», любыми способами запереть снаружи дверь или окно на внутренний запор. С этой целью они используют, например, крючок на двери, который, будучи предварительно приподнят, падает затем в петлю от сильного сотрясения двери, когда ее преступник захлопывает снаружи.

В других случаях применяют доски, которые также при резком захлопывании двери падают и упираются в поперечную перекладину, создавая впечатление, что дверь заперта такой доской изнутри. Нередко используются отверстия или щели в самой двери или около нее, куда просовывается проволока, продетая в петлю запора на внутренней стороне двери. Иногда, чтобы замаскировать такое отверстие, преступник замазывает его воском, пластилином и т. п., а сверху даже закрашивает под цвет двери или стены. В других случаях преступник с помощью щипцов или специального приспособления снаружи поворачивает ключ во внутреннем дверном замке.

Если путем таких ухищрений преступнику удастся снаружи закрыть дверь на внутренний запор, то данное обстоятельство служит веским негативным обстоятельством относительно версии об убийстве:

Достаточно напомнить приводившиеся в качестве примеров дела об убийстве Щербины и Седова, не раз прекращавшиеся производством главным образом на основании именно этой противоулики. Лишь после того как в одном случае было установлено, что свидетели показывали о закрытой изнутри двери со слов самого подозреваемого, а в другом, что в стене около двери имелась щель, через которую проволокой можно было снаружи запереть дверь на внутренний засов, данное негативное обстоятельство оказалось нейтрализованным.

Из сказанного ясно, что следовательно, столкнувшись с таким обстоятельством, как закрытое на внутренние запоры помещение, не должен сразу же считать, что этим фактом окончательно подтверждается версия о самоубийстве. В подобных ситуациях при осмотре места происшествия ему следует обязательно поставить перед собой вопрос: не мог ли внутренний запор какой-либо двери (а если помещение расположено невысоко, то и какого-нибудь окна) фактически оказаться закрытым снаружи. Чтобы решить данный вопрос, надо исследовать механизм действия запоров, их состояние и положение, а также состояние поверхностей дверей, оконных рам, косяков и прилегающих к ним участков стен. Кроме того, путем допроса лиц, проживающих в данном помещении, их соседей, а также лиц, часто их посещающих, следует выяснить, не закрывали ли члены семьи погибшего, и в первую очередь подозреваемый (если он уже выявлен), двери и окна снаружи на внутренние запоры. Если такие случаи будут установлены и выявлено, какой именно внутренний запор при этом использовался (или мог быть использован), то обязательно немедленное проведение следственного эксперимента

для проверки возможности закрыть данный запор снаружи. Для выяснения того, был ли погибший один, следовательно необходимо обратить серьезное внимание на всю обстановку места происшествия. В частности, на присутствие в помещении кроме погибшего еще и другого лица указывает наличие: неубранных со стола двух (и более) комплектов невымытой посуды; пальцевых следов, не совпадающих с отпечатками пальцев погибшего; свежих окурков от табачных изделий разных марок (в частности, от таких, которые не были обнаружены в помещении погибшего); окурков с различными особенностями обращения с сигаретами, папиросами или самокрутками (гашение раздавливанием или слюной, особое сжатие мундштука и т. п.); дополнительной постели, предназначенной для кого-то, кроме проживающих в помещении лиц; может иметь значение и расположение мебели (стульев, кресел), свидетельствующее о том, что погибший сидел с кем-нибудь вдвоем, втроем и т. д.

Если труп обнаружен на открытой местности, то кроме некоторых из названных признаков (наличия, например, около трупа двух стаканов, а на одном из них или на бутылке свежих пальцевых отпечатков, не принадлежащих погибшему, различных окурков и т. п.) надлежит на почве (снегу) искать следы обуви, отличной от обуви погибшего, или хотя бы и плохо различимые следы ног двух (и более) человек. Следы транспортных средств также очень важны, хотя надо иметь в виду, что они могли быть оставлены транспортным средством самоубийцы, которое затем было кем-либо угнано.

Иногда на присутствие другого лица указывает само оружие, вызвавшее смерть погибшего. Так, обнаружение на месте происшествия около трупа или на трупе пистолета, ножа, шарфа, косынки, пояса или иного орудия, причинившего смерть погибшему, но ему не принадлежащего, вполне может быть вызвано тем, что соответствующий предмет был случайно оставлен преступником.

Важны признаки, указывающие, что смерти погибшего предшествовали борьба, сопротивление погибшего чьему-либо нападению или, напротив, его насильственные действия по отношению к лицу, лишившему затем его жизни. Чаще всего такие признаки обнаруживаются на самом трупе. Так, под ногтями погибшего могут быть обнаружены частицы крови преступника, если, защищаясь, потерпевший его оцарапал; в руках убитого иногда оказываются зажатые волосы убийцы и т. д. Особенно же часто обнаруживают

характерные следы
в теле потерпевшего
Как правило, пре
суды на трупе (р
суды как привести
пример опрокинутую
те, он обычно может
во время борьбы пре
разбитыми, а одежд
ить или хотя бы
зещи убийца не смо

На открытой ме
ны в виде участка
мятой травы или
очевидно, насколько
выявляться и фикс
при осмотре места

При определе
должен, в частно
терные для самоу

Если, по зако
тибший, после то
вавшие смерть, и
живых, то это о
ся это тем, что
изобличения его
вило, не уходи
жертвы.

Применение
например отра
говорит о сам
более поврежд
звать немедл
потерю им с
себе затем д

Если поги
поврежденно
ею закрытые
указывать на
нажимают тот
цы же этого

характерные следы борьбы в виде различных повреждений на теле потерпевшего.

Как правило, преступнику не удастся устранить признаки борьбы на трупе (раны, царапины, кровоподтеки и т. п.), тогда как привести в порядок окружающую обстановку, например опрокинутую мебель или расстегнутую одежду на трупе, он обычно может. Исключение составляют те случаи, когда во время борьбы предметы обстановки оказались сломанными, разбитыми, а одежда разорванной, причем исправить, починить или хотя бы удалить из помещения соответствующие вещи убийца не смог или не успел.

На открытой местности следы борьбы могут быть выражены в виде участка утоптанной или взрыхленной почвы, примятой травы или посевов, поломанных ветвей и т. п. Вполне очевидно, насколько тщательно такого рода признаки должны выявляться и фиксироваться (в частности путем фотосъемки) при осмотре места происшествия.

При определении рода насильственной смерти следователь должен, в частности, обращать внимание на признаки, характерные для самоубийства.

Если, по заключению судебно-медицинского эксперта, погибший, после того как ему были нанесены повреждения, вызвавшие смерть, на протяжении какого-то времени оставался в живых, то это обычно указывает на самоубийство. Объясняется это тем, что «свой» убийца, основательно опасаящийся изобличения его оставшимся в живых потерпевшим, как правило, не уходит с места происшествия, не добив своей жертвы.

Применение комбинированного способа лишения жизни, например отравления и нанесения колотых ран, чаще всего говорит о самоубийстве. В то же время наличие двух или более повреждений, каждое из которых должно было вызвать немедленную смерть погибшего или хотя бы полную потерю им сознания, исключающую возможность нанесения себе затем других повреждений, свидетельствует об убийстве.

Если погибший обнаружен одетым, и одежда осталась неповрежденной, хотя ранения нанесены в части тела, обычно ею закрытые, например в сердце, живот и т. п., то это может указывать на самоубийство, поскольку самоубийцы часто обнажают тот участок тела, куда наносят повреждение, убийцы же этого обычно не делают.

Обнаружение около трупа орудия лишения жизни, принадлежащего погибшему, или хотя бы такого, к которому он имел доступ, как правило, подтверждает версию о самоубийстве. Такая версия приобретает еще большую убедительность, если у погибшего хранились и другие средства лишения жизни, аналогичные использованному, например такое же ядовитое вещество или патроны того же калибра и т. д.

На руках самоубийцы нередко обнаруживаются следы орудия, причинившего смерть, например волокна веревки при самоповешении, или следы его действия в виде пятен крови, следов копоты и т. п.

Обнаружение орудия лишения жизни (ножа, пистолета) не на видном месте и поодаль от трупа скорее всего может быть объяснено бессознательным отбрасыванием его самоубийцей; если же смерть не была моментальной, то самоубийца мог сделать и несколько шагов в сторону от выпавшего из его рук орудия. То обстоятельство, что орудие обычно выпадает из руки самоубийцы, в какой-то мере помогает распознавать инсценировку, поскольку преступник для большей наглядности, как правило, вкладывает орудие убийства в правую руку потерпевшего или кладет его на самое видное место около трупа. Поэтому обнаружение орудия лишения жизни в таком месте, где оно могло остаться незамеченным (например под кроватью и т. п.), косвенно свидетельствует о самоубийстве.

Прежде чем изымать орудие (оружие), обнаруженное на месте происшествия, его следует тщательно осмотреть и опылить для выявления отпечатков пальцев на гладких поверхностях. Если последующая экспертиза установит, что все следы оставлены пальцами погибшего, это подтвердит версию о самоубийстве (хотя надо учитывать, что убийца мог быть в перчатках). И, напротив, наличие следов чужих пальцев будет указывать на возможное убийство, но также лишь косвенно, так как другое лицо могло брать орудие (оружие) еще до происшествия.

Разумеется, не все описанные выше признаки самоубийства, с одной стороны, и инсценировки его — с другой, в равной мере убедительны и постоянны. Здесь приводились лишь наиболее характерные общие признаки; однако в атипичных случаях (нередко встречающихся по делам анализируемой категории) вполне возможно, что данные признаки будут отсутствовать. Поэтому ни один из них не может оцениваться категорически и обособленно от совокупности остальных обстоятельств.

Наряду с внешними обстоятельствами, помогающими следователю правильно определить, произошло ли самоубийство или совершено тонко замаскированное убийство, большое значение при решении этого вопроса имеют и моменты субъективные.

Для дел, рассматриваемых в настоящей главе, особенно характерен вопрос, имелись ли у погибшего причины, мотивы, основания и поводы, чтобы лишиться себя жизни. Поскольку самоубийство — результат сознательных действий человека, постольку оно предполагает наличие у него соответствующего мотива. Безмотивные самоубийства, как правило, совершаются лишь лицами, психически неполноценными или находящимися в состоянии очень сильного опьянения и потому не осознающими значения совершаемых ими действий.

Таким образом, задача следователя — установить, находился ли погибший в момент смерти в здравом рассудке и, если да, то были ли у него мотивы к самоубийству. Но и этого еще недостаточно, так как наличие мотива (например желания прекратить мучения, вызываемые тяжелой болезнью) далеко не всегда приводит человека к самоубийству. Чтобы совершить его, должно быть еще решение покончить с собой. Важно, следовательно, выяснить также, было ли у погибшего такое намерение. Вполне очевидно, что отсутствие у погибшего каких-либо мотивов, оснований, не говоря уже о намерении лишиться себя жизни, послужит немаловажным негативным обстоятельством по отношению к версии о самоубийстве.

Собирать данные, необходимые для ответа на названные выше вопросы, следователь, естественно, может одновременно. В этих целях ему надлежит глубоко изучить жизнь погибшего. Так, обязательно надо выяснить, какие у него были заболевания, в частности не болел ли он венерическими и психическими болезнями, лечился ли от них и каковы были результаты лечения. Кроме проверок в лечебных учреждениях, ответы на данные вопросы могут быть получены и путем изучения переписки и дневников погибшего, а также при допросах его близких и других лиц, хорошо его знавших. В особенности подробно выясняется состояние здоровья погибшего в период, непосредственно предшествовавший его смерти.

При допросе названных лиц выясняется также, не было ли у погибшего обостренных или враждебных отношений с кем-либо из близких или окружающих; не проявлял ли к нему кто-нибудь жестокого, издевательского или бездушного отношения, не был ли погибший объектом травли или шантажа

со стороны каких-нибудь лиц, по службе или лично с ним связанных; не участвовал ли он в каких-нибудь сомнительных или явно преступных действиях, комбинациях и сделках, не мог ли кто-нибудь из его соучастников грозить ему разоблачением и т. д. Детально следует интересоваться и тем, какое настроение было в последнее время у погибшего, и если оно было подавленным, то чем это вызывалось; не было ли у него каких-либо неприятностей, разочарований, не перенес ли он тяжелых потрясений на личной или служебной почве и т. п.

Кроме выяснения таким путем возможных причин и мотива самоубийства, необходимо также установить, не проявлял ли погибший (и если проявлял, то когда, как и каким способом) намерения покончить с собой, не предпринимал ли он и ранее, в частности в последний период жизни, попыток к самоубийству. Если такие попытки имели место, то важно уточнить, в чем они заключались и почему остались безрезультатными. Источниками сведений и по этому вопросу могут служить письма, дневники, записки погибшего и показания лиц, его знавших.

В то же время следует учитывать, что преступники нередко используют известную окружающим предрасположенность потерпевшего к самоубийству, которая проявлялась либо в соответствующих его высказываниях, либо в письмах, дневниках и тому подобных документах. Особенно «ценными» для преступников оказываются ранее написанные потерпевшими предсмертные записки, оставшиеся неиспользованными, поскольку потерпевший тогда отказался от своего намерения покончить жизнь самоубийством. По ряду дел об убийстве фигурировали такие записки, представленные преступниками как «бесспорное» доказательство желания погибшего покончить с собой¹.

Вместе с тем очень важны проявления погибшим в последнее перед смертью время и намерений противоположного характера, связанных с конкретными планами на ближайшее будущее. Такие планы, как правило, делают версию о самоубийстве явно сомнительной. Трудно себе представить, например, что человек, получивший путевку в дом отдыха, оформивший отпуск и уже купивший билет, вдруг, без всякого нового внешнего повода мог покончить с собой. Поэтому обязательно следует выяснять, не делился ли погибший с окру-

¹ Ниже будут подробно освещены методы распознавания таких старых и сохраненных преступником записок.

жающими своими планами на ближайшее будущее и на что конкретно эти планы были направлены.

По уже описанному выше делу об убийстве Седова его соседом Головинным следствие с самого начала установило, что за несколько часов до смерти Седов был в гостях и просил хозяев помочь ему написать жалобы на Головина в Верховный Совет и Верховный Суд, отвезти которые в Москву он собирался через четыре дня. Уже одного этого факта было достаточно, чтобы версию о самоубийстве, выдвинутую, кстати, самим же Головинным, воспринять как явно неправдоподобную.

Еще более веским доводом против того, что погибший покончил с собой, служит тот факт, если он непосредственно перед смертью занимался каким-либо конкретным, практически целесообразным делом. Иногда обстановка места происшествия говорит об этом предельно ясно и выразительно.

Еще теплый труп женщины, висящей в петле, был «обнаружен» ее мужем на кухне, где топилась плита, на столе лежало раскатанное тесто и стояла кастрюля, наполовину наполненная очищенным картофелем. Руки трупа оказались запачканными в тесте. Даже если на месте происшествия не были бы обнаружены следы борьбы в виде беспорядка в обстановке и повреждений на лице потерпевшей, сомнительность предположения о самоубийстве хозяйки, занятой приготовлением обеда, была бы очевидной.

Наиболее убедительным доказательством желания погибшего лишить себя жизни справедливо считается оставленная им предсмертная записка. Однако из этого не следует, что отсутствие такой записки означает факт убийства, поскольку оставляет записки меньшинство самоубийц. Вместе с тем, как уже отмечалось, наличие записки еще вовсе не обязательно свидетельствует о самоубийстве погибшего. Следователи должны очень осторожно подходить к оценке доказательственного значения такого рода документов.

В первую очередь, естественно, следует проверить, самим ли погибшим написан текст записки. Во всех сколько-нибудь сомнительных случаях необходимо назначать почерковедческую экспертизу. Учитывая, что предсмертные записки обычно пишутся в исключительном состоянии, которое может сказаться на признаках почерка пишущего, следует обеспечить эксперта максимально возможным количеством свободных образцов почерка погибшего.

Если у следователя к моменту назначения экспертизы уже появятся подозрения о причастности кого-либо к смерти погибшего, эксперту надлежит поставить и дополнительный вопрос: если записка выполнена не погибшим, то не написана ли она подозреваемым. Понятно, что в таких случаях образцы почерка последнего также должны быть направлены на

экспертизу. Практике известны случаи, когда преступники искусно подделывали почерк потерпевшего; в то же время встречаются и такие факты, когда убийца даже не пытается изменять свой почерк¹.

Однако положительное заключение эксперта о подлинности предсмертной записки не исключает еще возможности того, что обстановка самоубийства была инсценирована убийцей. Во-первых, записка могла быть написана погибшим сознательно и добровольно, но значительно ранее в связи с предпологавшимся, а затем оставленным намерением покончить с собой. Во-вторых, записка могла быть написана вынужденно, под угрозой. Кроме того, преступники иногда специально добиваются или просто используют случаи написания намеренным в качестве жертвы лицом записки такого содержания, смысл которого может быть понят двояко.

Так, в одном случае убивший жену муж предъявил следователю написанную ею записку: «Не сердись, но я не могла поступить иначе. Во всем виновата я одна». Фактически данная записка не имела никакого отношения к смерти погибшей и была написана ею после очередной ссоры с мужем еще задолго до ее убийства. Инсценировав картину самоубийства, муж использовал для большей убедительности и сохранившуюся записку.

Однако следователь обратил внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, муж нечаянно проговорился, что сразу после обнаружения трупа жены он нашел записку в сумочке, лежавшей в шкафу. Во-вторых, оказалось, что записка была написана копировальным («химическим») карандашом на листке, вырванном из блокнота, а при осмотре комнаты, где вдвоем жили потерпевшая и ее муж, не нашли ни такого карандаша, ни блокнота. Отсюда, естественно, следовал вывод: записка была написана погибшей не в день смерти, а гораздо раньше, после чего лежала в ее сумочке; об этом знал и убийца, так как иначе он, естественно, не стал бы сразу после обнаружения трупа жены рыться в шкафу, искать там сумочку, а в ней записку, о существовании которой он к тому же не мог знать.

Из данного примера отчетливо видно, в чем заключаются задачи следователя по проверке обстоятельств, при которых была написана, а также обнаружена предсмертная записка, даже в тех случаях, когда ее подлинность не вызывает сомнений или подтверждена экспертизой.

§ 3. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ИНСЦЕНИРОВОК САМОУБИЙСТВА ПРИ РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБАХ ЛИШЕНИЯ ЖИЗНИ

Как уже отмечалось, убийца инсценирует определенный способ самоубийства применительно к характеру поврежде-

¹ См. Э. Кноблох, Медицинская криминалистика, Прага, 1959, стр. 61—62.

ний, имеющих на трупе потерпевшего. Следовательно необходимо уметь распознать, было ли совершено убийство или самоубийство, при самых различных способах лишения жизни погибшего. Ниже рассматриваются особенности расследования, характерные для нескольких таких способов.

а) Инсценировка самоповешения

Чаще всего решать вопрос, что произошло — убийство или самоубийство, приходится при обнаружении трупа, висящего в петле. Объясняется это тем, что самоповешение — наиболее частый способ самоубийства.

Учитывая это обстоятельство, убийцы соответственно чаще маскируют свое преступление инсценировкой самоповешения, тем более, что при данном способе им не приходится заботиться о том, чтобы около трупа было найдено оружие или орудие, принадлежащее потерпевшему: веревка, шнур или провод могут найтись в любом доме и не имеют к тому же явно выраженных индивидуальных признаков, по которым можно было бы установить их принадлежность определенному лицу.

К подвешиванию трупа преступники прибегают обычно, если потерпевший был удушен петлей или задушен руками. Как тот, так и другой способ убийства оставляет характерные следы, обнаружение которых помогает установить факт преступления.

Так, при удушении странгуляционная борозда, образовавшаяся от давления петли на шее, располагается горизонтально по отношению к продольной оси шеи, причем обычно ниже щитовидного хряща, и носит замкнутый характер (отсутствует перерыв, характерный для случаев повешения).

При повешении же странгуляционная борозда расположена обычно выше щитовидного хряща, имеет косовосходящее направление и не замкнута. Борозда прерывается в том месте, где затянута петля, поскольку веревка (шнур и т. п.) под силой тяжести висящего в петле тела оттягивается кверху.

Что касается ширины и глубины борозды, то и при удушении, и при повешении оба эти признака в первую очередь зависят от материала петли: чем она уже и тверже, тем уже и глубже будет борозда. Так, борозда, образованная петлей из проволоки, будет безусловно значительно уже и глубже, чем борозда от петли из мягкого и широкого материала, например косынки, полотенца и т. п.

При удавлении петлей кожа лица резко синюшна с множественными точечными кровоизлияниями (экхимозами). Последние образуются и в соединительной оболочке глаз. Значительно чаще, чем при повешении, обнаруживаются при удавлении петлей переломы рожков подъязычной кости, щитовидного хряща и хрящей гортани¹.

При смерти от задушения руками можно обнаружить на шее следы давления пальцами в виде ссадин линейной или полулунной формы, образуемых на боковых и передней поверхностях шеи ногтями преступника, а также в виде кровоподтеков округлой формы, диаметром около сантиметра. По количеству и расположению ссадин и кровоподтеков иногда удается определить, какой рукой они оставлены². Если задушение сопровождалось закрытием дыхательных отверстий, то повреждения иногда обнаруживаются и вокруг носа и рта. Цианоз кожи лица и наличие мелких и крупных кровоизлияний в соединительной оболочке глаз выражены менее резко, чем при удавлении петлей.

Иногда следы пальцев на шее бывают недостаточно ясно выражены и могут даже отсутствовать, если потерпевший не оказал сопротивления в связи с бессознательным состоянием (например сильным опьянением). Если на шее был шарф, платок или другой мягкий предмет, то следов от давления пальцами на коже также может не оказаться.

При вскрытии трупа следы давления пальцами могут быть дополнительно обнаружены в виде кровоизлияний в мягких тканях шеи, переломов рожков подъязычной кости и хрящей гортани.

Задушение руками—всегда убийство, поскольку задушить себя собственной рукой невозможно.

Удавление петлей как способ самоубийства встречается очень редко, причем для закручивания вокруг шеи петли в нее вставляют какой-нибудь предмет (например карандаш). Повешение же, напротив, характерно для самоубийства и крайне редко применяется убийцами. Это может быть лишь при участии в преступлении нескольких лиц, способных преодолеть сопротивление потерпевшего, или если последний не мог оказать сопротивление из-за болезни, сильного опьянения, глубокого сна и, разумеется, малолетнего возраста.

¹ Подробнее см. М. И. Авдеев, назв. работа, стр. 272—283; Э. Кноблех, назв. работа, стр. 308—327.

² См. Н. И. Гуковская и В. А. Свешников, назв. работа, стр. 157.

Инсценировки самоповешения встречаются иногда и при убийстве, совершенном путем отравления или нанесения ударов тяжелым тупым предметом и т. п. Чаще все же инсценировкой самоповешения скрывают убийство путем удушения петлей, задушения руками, закрытия дыхательных отверстий, т. е. способов, вызывающих смерть от кислородного голодания.

В этих условиях особенно важное значение приобретает исследование судебно-медицинским экспертом странгуляционной борозды, в частности гистологическое (микроскопическое), для определения ее прижизненного или посмертного происхождения.

Установление прижизненного происхождения странгуляционной борозды, правда, еще не решает вопроса. Погибший мог повеситься сам, но мог быть и повешен убийцей, если, например, предварительно был лишен возможности сопротивляться. Установление же посмертного характера борозды сразу разоблачает инсценировку самоубийства. На вероятность посмертного происхождения борозды от повешения может указывать наличие на шее погибшего еще другой, прижизненной борозды от удушения петлей, а также следов давления пальцами.

Распознать прижизненную борозду не всегда легко, однако в случае, когда для удушения использовался более узкий и твердый предмет (например проволока), чем для подвешивания трупа (например полотенце), несоответствие первоначальной борозды по своей ширине и глубине использованному преступником для подвешивания предмету облегчит установление наличия двух борозд, а отсюда и факта инсценировки.

Кроме всего сказанного, очень важно обращать внимание и на позу трупа, способ крепления петли на опоре, характер вязки узла и на окружающую обстановку.

Так, обнаружение трупа в атипичном для повешения положении (т. е. когда тело касается ногами земли или пола) обычно свидетельствует о самоповешении. При самоповешении довольно часто встречаются самые причудливые позы (например сидя, полусидя или стоя на коленях). Убийцы же обычно, инсценируя самоубийство, заботятся, чтобы положение подвешенного трупа не вызывало никаких сомнений в том, что причиной смерти было самоповешение. Поэтому обнаружение трупа висящим в петле может указывать как на самоубийство, так и на инсценировку его, обнаружение же трупа в необычной позе скорее всего указывает на самоубийство.

При обнаружении трупа висящим в петле следует обязательно уяснить, каким путем погибший мог оказаться в таком положении, в частности проверить, находится ли вблизи трупа стул, табурет или другой предмет, который мог быть использован погибшим в качестве подставки при надевании петли на шею.

Исходя из высоты этого предмета, роста погибшего, расстояния от шеи трупа до места прикрепления веревки к опоре, а также общей длины веревки и ширины головы погибшего, надо определить, мог ли он сам, стоя на стуле (или иной подставке), привязать веревку с петлей к опоре и затем просунуть голову в петлю. В практике известны случаи, когда преступник, предварительно надев петлю на шею трупа и подтянув последний, привязывает веревку к опоре на таком коротком от шеи трупа расстоянии, что в сделанную из этого куса веревки петлю не могла бы даже пройти голова потерпевшего.

При осмотре деревянной опоры надо уточнить наличие на ней борозды, т. е. вдавления от веревки, на которой висел труп, а также направление в такой борозде волокон дерева, смещенных веревкой. Волокна, смещенные вниз, могли принять такое положение при опускании веревки под тяжестью тела самоубийцы. Поднятые же вверх волокна могут означать, что веревка, перекинутая преступником через опору, подтягивалась им наверх вместе с трупом. Кроме того, если для самоповешения типична единичная борозда на опоре, то при подтягивании трупа веревка обычно перемещается по опоре вправо или влево, в результате чего там образуется несколько борозд.

Полное отсутствие борозды (вдавления) от веревки на деревянной опоре может опровергнуть версию преступника о самоубийстве погибшего в тех случаях, когда, по словам подозреваемого, труп был им найден лежащим на полу (земле) с петлей на шее, а на опоре сохранилась другая часть веревки, якобы оборвавшейся под грузом тела повесившегося.

В одном таком случае следователь для проверки показаний подозреваемого произвел следственный эксперимент: на той же опоре, с помощью той же веревки был подвешен груз, равный по весу телу погибшей. Эксперимент проводился несколько раз, причем груз то опускали постепенно и медленно, то сбрасывали резко, то подтягивали. Во всех случаях на опоре (деревянной балке в сенях дома) образовывались отчетливые следы давления груза в виде борозд, отсутствовавшие на опоре при первоначальном ее осмотре.

Тщательный осмотр рук погибшего позволяет обнаружить на них мельчайшие частицы веревки, шнура и т. п., а иногда и следы пыли, сажки или копоти, имевшихся на опоре. Вполне

очевидно, что отсутствие на руках погибшего частиц таких наслоений, имевшихся на опоре, явится негативным обстоятельством, идущим вразрез с версией о самоубийстве.

Иногда очень существенное значение имеет способ вязки узлов на опоре и на петле, отражающий профессиональные или индивидуальные навыки лица, завязывающего узел. Отсюда очевидно, что, освобождая тело погибшего от петли, недопустимо развязывать или разрезать узлы как на петле, так и на опоре. Разрезать веревку можно лишь в свободных от узлов отрезках, после чего надо соединить образовавшиеся части, слегка пришив их друг к другу в местах разрезов.

Сразу же при появлении подозрений в отношении определенного лица следователю необходимо проверить, не занимался ли подозреваемый той профессией, навыки которой отразились в способе вязки узлов. Кроме того, при обыске у него следует искать предметы, завязанные узлами. При их обнаружении надо назначать криминалистическую экспертизу для проверки однородности обнаруженных у подозреваемого узлов с узлами на веревке (или на ином предмете, на котором висел труп) с места происшествия. Одновременно эксперту надлежит поставить вопрос, не характерны ли эти узлы для какой-нибудь или для определенной профессии. Ответ эксперта на этот вопрос иногда помогает уже в начале следствия выдвинуть версию о виновности лица, имеющего (или имевшего в прошлом) отношение к соответствующей профессии, а иногда — проверить версию о причастности к преступлению уже определенного лица.

Важно также уточнить, принадлежал ли погибшему предмет, использованный в качестве петли, в которой был обнаружен висящим его труп. Выяснить это обычно возможно, особенно, когда петля была сделана из шарфа, ремня, галстука, подтяжек, полотенца и др.

6) Инсценировка при утоплении

Утопление — также довольно распространенный способ самоубийства. Однако гораздо чаще утопление — результат несчастного случая. Поэтому в процессе расследования приходится учитывать обе эти возможности и, разумеется, факт убийства, замаскированного самоубийством или случайным утоплением.

Во избежание ненужных повторений здесь будут рассмотрены основные вопросы, подлежащие разрешению следовате-

лем во всех случаях обнаружения трупа в водоеме. Это тем более целесообразно, что обычно в подобных ситуациях вначале бывают неясны не только род смерти, но и причина ее.

Как известно, далеко не во всех случаях смерть человека, труп которого извлечен из водоема, наступила от утопления, т. е. от закрытия дыхательных путей водой. Так, смерть в воде может наступить от внезапного прекращения сердечной деятельности и других естественных причин¹. Купающийся может получить смертельный удар от движущейся с большой скоростью моторной лодки, с силой опущенного в воду весла, удара головой о камень при нырянии и т. п. Наконец, смерть погибшего могла наступить и до попадания его тела в водоем в результате убийства, а в воду был брошен уже труп.

Отсюда следует, что первый вопрос, подлежащий разрешению в таких случаях, это — было ли причиной смерти утопление. Ответ на указанный вопрос может быть получен лишь на основании данных вскрытия трупа и дополнительных методов исследования крови, тканей и содержимого внутренних органов погибшего.

На смерть от утопления, кроме общих признаков смерти от кислородного голодания, указывают следующие обстоятельства: наличие воды в кишечнике, а в легких — инородных частиц, содержащихся в воде; сами легкие резко раздуты и, что особенно важно, при микроскопическом исследовании костного мозга, тканей внутренних органов и крови из левой половины сердца погибшего в них обнаруживаются элементы планктона и диатомей².

Что же касается таких признаков, как мелкопузырчатая пена вокруг носа и рта, частицы планктона и водорослей в дыхательных путях погибшего, не говоря уже о «гусиной коже» и мацерации³, то чаще всего они указывают лишь на более или менее длительное нахождение тела в воде и могут наблюдаться как при утоплении, так и в случаях, когда в водоем попал уже труп⁴.

¹ См. М. И. Авдеев, назв. работа, стр. 295.

² Планктоном называются мелкие животные и растительные организмы, встречающиеся в водоемах; диатомей — разновидность водорослей.

³ Мацерация — набухание и отслойка эпидермиса кожи кистей рук и стоп ног.

⁴ Подробнее об этом см. М. И. Авдеев, назв. работа, стр. 296—302, а также Н. И. Гуковская и В. А. Свешников, назв. работа, стр. 158—164; И. В. Виноградов и А. С. Гуреев, Лабораторные исследования в практике судебно-медицинской экспертизы, М., 1966, стр. 193—202.

Изучение практики показывает, что к инсценировке самоубийства путем утопления убийцы чаще всего прибегают в случаях, когда убийство было совершено путем задушения руками. Поэтому особенно важно при осмотре и вскрытии трупа обращать тщательное внимание на признаки этого способа лишения жизни. Игнорирование же таких следов, как кровоподтеки на шее от сдавливания пальцами и переломы рожков подъязычной кости или хрящей гортани, зачастую приводит к серьезной ошибке.

На страницах «Следственной практики» описаны такие случаи. В одном из них эксперт при вскрытии трупа не обратил внимания, что при первоначальном осмотре трупа Судоргиной, извлеченного из реки, язык погибшей оказался прикушенным, на шее были два небольших, а на правом предплечье два больших багровых кровоподтека.

Из акта вскрытия нельзя было установить, вскрывалась ли шея трупа, ничего не было там сказано и о наличии или отсутствии кровоизлияний, переломов костей и хрящей. Эксперт указал в акте вскрытия, что «никаких следов борьбы или насилия на теле не обнаружено» и пришел к заключению, что смерть произошла от утопления. Грубая небрежность эксперта привела к тому, что дело дважды прекращалось в связи с «самоубийством» потерпевшей. В дальнейшем пришлось провести четыре (!) повторные судебно-медицинские экспертизы, и лишь спустя два с лишним года удалось установить и осудить двух преступников, убивших Судоргину, которую они сначала душили руками, а затем в бессознательном состоянии опустили в реку у самого берега¹.

В другом случае судебно-медицинский эксперт сразу же дал правильное заключение о том, что смерть Солдатовой, труп которой был извлечен из колодца, последовала от удушения руками. Такое заключение вытекало из наличия обнаруженных при вскрытии подкожных кровоизлияний в области шеи и перелома подъязычной кости. Тем не менее проводившие дознание работники милиции остановились лишь на версии о самоубийстве Солдатовой, якобы бросившейся в колодец. Лишь после тщательно проведенного предварительного следствия было установлено убийство Солдатовой ее квартирохозяином, пытавшимся затем инсценировать самоубийство потерпевшей².

Из данных по делу об убийстве Судоргиной видно, что и в тех случаях, когда непосредственной причиной смерти послужило утопление, оно могло быть вызвано убийством с предварительным приведением жертвы в бессознательное состояние посредством удушения ее руками. Подобное сочетание двух способов лишения жизни существенно усложняет задачи судебно-медицинского эксперта и следователя. При выяснении обстоятельств смерти погибшего важно уточнить, нет ли на трупе следов борьбы в виде повреждений, кровоподтеков и др. Необходимо, однако, иметь в виду, что повреждения могут

¹ «Следственная практика», вып. 13, М., 1953, стр. 124.

² «Следственная практика», вып. 33, М., 1958, стр. 177.

образоваться и при ударах труп о находящиеся под водой камни, бревна, коряги или при извлечении трупа из воды с помощью багров, «кошек», тралов и других приспособлений. Поэтому следователь обязательно должен поставить эксперту вопрос о прижизненном или посмертном происхождении повреждений.

В то же время убийство может быть совершено и без предварительной борьбы (например при умышленном опрокидывании лодки на глубоком месте, при утоплении ребенка или взрослого, находящегося в бессознательном состоянии).

Интересны в этом отношении два дела: по обвинению Харитоновой в убийстве своих детей — 10-летних близнецов, которых она неожиданно для них одновременно сбросила с моста в реку Пажу¹, и об убийстве Сориным своей жены. Выехав с женой за город на прогулку в байдарке по озеру, Сорин уговорил ее выпить перед ночевкой ликера и дал большую дозу снотворного. Затем он перенес спящую жену в байдарку, привязал к ней тесьмой, после чего вывел байдарку на глубокое место и, разрезав ее дно, опрокинул, а сам выплыл на берег.

Тот факт, что преступники, прежде чем совершить убийство взрослого человека путем утопления, стремятся привести жертву в бессознательное состояние, легко объясним. С одной стороны, они парализуют этим потерпевшего и предотвращают возможность его спасения, даже если он хорошо плавает. С другой стороны, они тем самым избегают необходимости преодолевать сопротивление жертвы, а следовательно, и причинять ей повреждения, которые могли бы затем пролить свет на истинные обстоятельства смерти потерпевшего. Наконец, шум борьбы, крики потерпевшего, призывы его о помощи легко могли бы привлечь нежелательных для убийцы свидетелей.

Большое значение для выяснения того, когда наступила смерть погибшего, имеет уточнение времени, в течение которого его труп находился в воде. Эксперт определяет этот срок исходя из изменений трупа, в частности из степени развития мацерации. При этом учитывается температура воды и воздуха. Уточнение времени попадания тела в воду возможно лишь в случае, если труп пробыл в воде недолго, в противном случае определение данного срока носит лишь приблизительный характер.

Известно, что труп человека вначале погружается в воду, а затем, обычно вследствие газообразования при гниении, поднимается на поверхность воды.

¹ «Расследование убийств», стр. 230—232.

Нередко убийцы стремятся предотвратить всплытие трупа, привязывая к нему груз в виде камней, железных предметов и др. Иногда и самоубийцы привязывают к себе или кладут в карманы одежды камни и другие тяжелые предметы. Выяснение возможности для погибшего одному перемещать такие предметы или вместе с ними передвигаться может помочь установить истинную картину его смерти.

Если труп обнаружен в реке и известно место, где он мог быть в нее брошен, то исходя из скорости течения и расстояния между этим местом и местом обнаружения трупа также может быть определено (разумеется, лишь примерно) время, в течение которого труп находился в воде.

Осмотр места происшествия, а также прилегающей к нему местности зачастую существенно помогает следователю в установлении истинной причины, а иногда и виновников смерти погибшего, чей труп был извлечен из водоема. Так, обнаружение на берегу следов волочения может означать, что к водоему подтаскивали труп убитого или тело потерпевшего, находившегося в бессознательном состоянии. Выявление на этом же участке берега следов ног может, естественно, помочь изобличить виновных.

Немалое значение может иметь и обнаружение одежды погибшего. Оставленные на берегу водоема в теплое время года белье, обувь прежде всего наводят на мысль, что погибший купался и мог при этом утонуть вследствие несчастного случая или умереть от другой причины (шок, инфаркт и т. д.). Но при этом нельзя исключить и попытку преступника, бросившего труп убитого в водоем, ввести следствие в заблуждение путем предварительного раздевания трупа.

Встречаются и такие случаи, когда одежду и документы убитого преступник кладет на берегу, а труп скрывает, закапывая совершенно на другом участке местности. К этому убийцы прибегают, в частности, в случаях, когда характер причиненных потерпевшему повреждений (например рубленые раны) прямо указывает на убийство, которое убийца заинтересован скрыть. В таких случаях расследование проводится по методике, разработанной для дел об убийстве «без трупа»¹.

Обнаружение одежды погибшего на берегу или в том же водоеме, но отдельно от трупа, скорее всего опровергает версию о самоубийстве, поскольку лишаящий себя жизни человек обычно не раздевается. Однако встречаются и исключения, в

¹ См. Г. Н. Мудьюгин, назв. работа.

частности в тех случаях, когда самоубийца хочет скрыть причину своей смерти и придает ей вид смерти от несчастного случая при купании.

Если одежду погибшего находят далеко от места обнаружения трупа или в таком месте, куда сам погибший не мог ее положить, это чаще всего указывает на убийство. Вот характерный пример из практики органов прокуратуры Армянской ССР.

В речке Тары на выступавшем из воды пне утром 4 мая был обнаружен обнаженный труп Джалиловой, жительницы села Саран, расположенного в 800 метрах выше по течению реки. Под трупом на пне лежала часть одежды, а на берегу в 2 метрах от пня в грязи нашли галошу и носок погибшей.

Осмотром трупа были обнаружены ссадины и кровоподтеки на груди, правом виске и коленях. По заключению судебного медика, смерть Джалиловой наступила от утопления, а повреждения носили посмертный характер.

Муж покойной, его родные, соседи и другие свидетели утверждали, что накануне супруги Джалиловы поссорились и муж нанес жене удар по голове. Будучи этим оскорблена, Джалилова выбежала из дому и поблизости от него бросилась с высокого берега в речку. Исходя из всех этих данных следователь прекратил дело, считая, что Джалилова утопилась.

В результате изучения материалов дела в следственном отделе прокуратуры Армянской ССР и в связи с неполнотой следствия дело было возобновлено производством.

В процессе исследования ни муж, ни другие свидетели не смогли правдоподобно объяснить ни того, почему труп Джалиловой оказался обнаженным, ни того, как ее одежда оказалась на пне под трупом, а галоша и носок — на берегу, причем в 800 метрах от того места, где Джалилова будто бы бросилась в реку. Вскоре райпрокурор установил важного свидетеля Агаджаняна (ночного сторожа гаража дорстройучастка), дежурившего в ночь на 4 мая в 100 метрах от места обнаружения трупа. Агаджанян показал, что около 2 часов ночи он заметил стоявшую на шоссе автомашину ГАЗ-51 местного совхоза и запомнил ее номер — 32—68. В то же время он увидел на берегу речки группу людей, которые там что-то делали, а затем уехали на машине, не включая фар. Среди группы Агаджанян узнал Джалилова и его мать — Арзат Алиеву. Рано утром Агаджанян увидел лежащий на пне среди речки труп Джалиловой. Показания Агаджаняна были подтверждены сторожем гаража совхоза Наджафовым. Он показал, что в ночь на 4 мая Джалилов и его дядя Юсуб Алиев упросили дать им автомашину ГАЗ-51 № 32—68, которую вернули спустя 2 часа, потребовав от Наджафова никому об этом не говорить.

Располагая такими данными, райпрокурор приступил к допросам членов семьи Джалилова, начав с 7-летней дочери Севиль. Та вскоре подробно рассказала, что отец в ссоре жестоко избил мать, а когда та потеряла сознание, завернул ее в одеяло и вместе с родственниками куда-то унес, сказав, что отвезет мать в больницу.

Заключение повторной судебно-медицинской экспертизы установило, что повреждения на теле Джалиловой были прижизненными и не могли образоваться от ударов о камни в речке.

Полностью изобличенный материалами дела Джалилов, так же, как и его соучастники, был осужден.

Приведенный пример не только ярко иллюстрирует значение соотношения местонахождений трупа и одежды погибшего, но и еще раз подчеркивает важность решения вопроса о прижизненном или посмертном происхождении повреждений на трупе, извлеченном из водоема. Кроме того, ход следствия по данному делу наглядно показывает, как важно своевременно принять меры к выявлению свидетелей в районе места обнаружения трупа. И, наконец, данное дело еще раз напоминает о том, что смерть от утопления может последовать и от умышленных действий преступников, в частности от погружения в воду тела человека, ранее приведенного в бессознательное состояние.

В заключение приведем вопросы, обязательно задаваемые судебному медику по делам анализируемой здесь категории:

- последовала ли смерть погибшего от утопления или от иной и какой именно причины;

- был ли в воду брошен труп или туда попал живой человек;

- сколько времени труп находился в воде;

- имеются ли и какие именно повреждения на трупе, являются ли они прижизненными или посмертными и чем они были причинены;

- могли ли эти повреждения привести к бессознательному состоянию погибшего;

- нет ли данных о наличии в организме погибшего следов алкоголя, снотворных и наркотиков, которые могли вызвать бессознательное или беспомощное состояние погибшего и предотвратить сопротивление с его стороны.

Надлежащее разрешение перечисленных (а при необходимости и других) вопросов экспертом позволит следователю правильно определить род и вид смерти погибшего, а исходя из них наметить обоснованные версии об ее обстоятельствах.

в) Инсценировка самоубийства, совершенного путем выстрела из огнестрельного оружия

Данная разновидность инсценировок встречается во много (10—20) раз реже инсценировок самоубийства путем повешения. Это объясняется прежде всего тем, что в нашей стране огнестрельное оружие мало распространено, в особенности короткоствольное. Кроме того, преступнику приходится остав-

лять оружие около трупа убитого, так как иначе сразу возникнут подозрения об убийстве; при этом оставить свое оружие означает, с одной стороны, наверняка его лишиться, а, с другой — навлечь на себя этим подозрения. Чтобы этого избежать, преступник вынужден либо завладеть оружием потерпевшего (если, конечно, оно у того имеется), либо взять оружие у третьего лица, что тоже может в конечном счете привести к изобличению убийцы. Наконец, произвести выстрел в упор или на близком расстоянии преступник, естественно, может далеко не всегда, в противном же случае инсценировка самоубийства будет сразу разоблачена.

Все эти причины и приводят к тому, что инсценировки данного вида в нашей стране, где незаконное хранение оружия уголовно наказуемо, становятся все более и более редким явлением. Однако, поскольку они все же встречаются в практике, следовательно необходимо уметь распознавать и такого рода инсценировки.

Для этого ему надлежит обращать внимание на следующие обстоятельства.

При самоубийстве оружие обычно обнаруживается на месте происшествия. Если труп найден на открытой местности или в помещении, доступ в которое был свободным, то отсутствие оружия на месте происшествия может быть вызвано тем, что кто-либо его нашел и унес. Но если труп обнаружен в жилом помещении и тем более запертом изнутри, то отсутствие там оружия — серьезный довод против версии о самоубийстве.

Принадлежность оружия, если оно обнаружено, обязательно должна проверяться. Хотя застрелиться можно и из чужого оружия, а убить человека — из оружия, ему принадлежащего, но в большинстве случаев самоубийцы стреляются из своего оружия. Наличие же около трупа чужого оружия требует выяснения, каким образом оно попало либо к потерпевшему, либо на место происшествия.

Нельзя забывать и о том, что убийство могло быть совершено из оружия преступника, а около трупа затем подложено оружие потерпевшего. Отсюда ясна необходимость проверки соответствия ранения (или ранений) виду и калибру обнаруженного при трупе оружия.

Как и всегда, при решении вопроса о самоубийстве необходимо учитывать местонахождение оружия относительно трупа погибшего, что, как уже подчеркивалось в § 2, имеет весьма существенное значение.

См. в покрове ч.
2 Назв.
3 При
судить и
М. И. Авде

Решающим же признаком убийства считается отсутствие на одежде и теле погибшего признаков близкого выстрела. И, напротив, следы выстрела в упор, особенно произведенного в характерные для самоубийства части тела (в правый висок, область сердца или рот), чаще встречаются при самоубийстве.

Дополнительные следы выстрела, произведенного на близком расстоянии, образуются на одежде или коже трупа от воздействия пламени в виде опаления, от оседания копоти — в виде налета от черного до светло-серого цвета, а также в результате внедрения в одежду или кожу сгоревших и несгоревших порошинок.

Для фиксации (а иногда и для выявления) слабозаметных порошинок и следов копоти целесообразно организовать съемку участка вокруг входного отверстия на трупе (или на одежде) в инфракрасных лучах, выявляющих даже незначительные элементы копоти и пороха, хорошо видимые на снимке. При этом существенно то, что фотографирование не нарушает сохранности важного доказательства по делу.

В последние годы в институтах судебной экспертизы применяется метод эмиссионно-спектрального анализа металлических частиц, остающихся на коже вокруг входного отверстия и переносимых на подложку путем оттиска или при помощи электрографии. Качественные и количественные показатели спектрального анализа позволяют, наряду с определением химического состава капсюля патрона, устанавливать дистанцию близкого выстрела с точностью до нескольких сантиметров¹.

Понятие «близкого» выстрела — условное. М. И. Авдеев определяет его как «дистанция выстрела, когда на преграду оказывают действие такие дополнительные факторы, как газы, копоть, частицы металлов, порошинки»². Величина этой дистанции может значительно колебаться в зависимости от рода оружия, его калибра, системы, конструктивных особенностей, а также от рода и величины снаряда. Так, для винтовки и карабина близкое расстояние исчисляется в пределах до одного метра, для охотничьих дробовых ружей — до полутора метров³, а для пистолетов или револьверов оно ограничивается 30—

¹ См. В. С. Сорокин, Определение следов металла на кожных покровах человека, «Вопросы криминалистики», вып. 11, М., 1964.

² Назв. работа, стр. 190.

³ При стрельбе дробью о расстоянии выстрела можно дополнительно судить и по степени рассеяния дробин (см. таблицы в названной книге М. И. Авдеева на стр. 223—224).

50 сантиметрами. В то же время имеются пистолеты, для которых «близкое» расстояние составляет не более 10 сантиметров¹. Возможность такого минимально «близкого» расстояния для некоторых видов оружия следовательно всегда должен иметь в виду. В противном случае могут произойти серьезные ошибки.

Интересный в этом отношении случай из зарубежной практики (Турция) был описан в 1964 году в журнальной статье.

Две соседки супругов Е. услышали в доме последних выстрел и сразу же вслед за ним крик жены Е., которая, выбежав из дома, сказала соседкам, что ее муж только что застрелился.

На месте происшествия — в супружеской спальне, был обнаружен труп Е., лежащий на полу рядом со своей кроватью, ногами к прикроватному столику, стоявшему около окна между двумя кроватями. Под другой кроватью был найден автоматический пистолет, а в нескольких сантиметрах от него стреляная гильза. Пуля вошла в череп Е. над правым ухом и вышла чуть выше левой брови, вызвав моментальную смерть. При осмотре трупа врач не нашел вокруг входного отверстия и в ране ни следов опаления, ни порошинок. На основании этого комиссия судебно-медицинских экспертов пришла к заключению, что выстрел был сделан не с близкого расстояния и, следовательно, не мог быть произведен погибшим.

Одна из соседок слышала, как за несколько минут до выстрела супруги ссорились из-за какого-то браслета. Это ее показание в сочетании с заключением экспертизы послужило основанием для обвинения жены погибшего в убийстве и ее немедленного ареста.

Однако суд нашел необходимым получить заключение эксперта-специалиста по баллистике. Было осмотрено место происшествия в доме Е., опечатанном с момента смерти Е. При осмотре было замечено на стене несколько выше кровати продолговатое углубление от рикошетирующей пули. Если Е. сидел на своей кровати, опершись правой рукой на прикроватный столик, раневой канал как раз оказался бы направленным на углубление от пули в стене. После выстрела в такой позе тело Е. вполне могло оказаться на полу на том месте и в том положении, где и как оно было обнаружено. Для жены же Е., чтобы произвести в мужа выстрел, необходимо было оказаться в согнутом положении на прикроватном столике или на подоконнике, т. е. принять крайне неудобную позу, если ей вообще удалось бы там поместиться. Чтобы окончательно восстановить картину происшествия, на кровать погибшего был посажен мужчина одинакового роста с Е. Когда он облокотился правым локтем на прикроватный столик и направил пистолет себе в правую часть головы, оказалось, что ствол пистолета, голова мужчины и след пули в стене находятся на одной прямой линии, а конец ствола — примерно в 20 сантиметрах от того места над ухом, где было входное отверстие.

Чтобы проверить, с какого расстояния был произведен выстрел, эксперт произвел ряд выстрелов в бумажную мишень из обнаруженного на месте происшествия пистолета и патронами того типа, к которому относилась найденная под кроватью гильза. Эксперимент показал, что даже на расстоянии 15 сантиметров на бумаге не появилось ни порошинок, ни признаков опа-

¹ Ем. Н. И. Гуковская и В. А. Свешников, назв. работа, стр. 65.

лении. Это окончательно подтвердило вызов о самоубийстве Е. и невинность его жены, почти год содержавшейся под стражей¹.

Из этого примера ясно, как обманчивы могут быть обстоятельства смерти от огнестрельного ранения и почему недопустимо делать выводы о расстоянии выстрела исходя лишь из обычно принятых нормативов, безотносительно к особенностям конкретного оружия, направления выстрела и возможного местоположения стрелявшего. Для проверки дальности расстояния необходимо произвести (желательно с участием эксперта по баллистике) экспериментальную стрельбу с различных расстояний.

Проведение следственного эксперимента для определения направления выстрела нередко оказывается едва ли не единственным способом распознать самоубийство от убийства.

На страницах «Следственной практики» не раз освещались дела, судьба которых определялась именно результатами следственного эксперимента, проводившегося, в частности, с целью выяснить направление выстрела или возможность его произвести для погибшего или для постороннего лица².

Как уже отмечалось, выстрелы в упор из короткоствольного оружия наиболее характерны для самоубийства³. Следы такого выстрела зависят от того, плотно ли приставлен ствол оружия к телу или не совсем плотно, близко ли под кожей находится кость (как, например, в области виска) и т. д. При плотном («герметическом») упоре пороховые газы, не имея свободного выхода, полностью устремляются вслед за пулей, разрывают кожу вокруг входного отверстия и прижимают ее к дульному срезу. В результате на коже образуется четкий след дульного среза, так называемая штанцмарка. В ствол оружия при этом нередко вовлекаются частицы кожи, мышеч-

¹ E. G ü v e n, «Crime or suicide?» International criminal police review, November 1964, № 182, pp. 272—273.

² См. «Следственная практика», вып. 24, М., 1955, стр. 103.

³ Исключением могут явиться случаи убийства путем выстрела в упор в спящего, тяжело больного или сильно пьяного человека. Любопытные цифры по этому вопросу приводил К. И. Татнеев в статье «К вопросу о судебно-медицинской оценке признаков выстрела на близком расстоянии и в упор», опубликованной в 1926 году в журнале теоретической и практической медицины, т. II, книги 1—3, стр. 71—86. По данным одного его исследования, из 25 выстрелов в упор лишь один был произведен убийцей, остальные же 24 — самоубийцами. В другом случае было исследовано 47 такого же типа выстрелов, и все они оказались результатами самоубийства. Из общего количества учтенных Татнеевым самоубийств, совершенных с помощью огнестрельного оружия, в 80% случаев выстрелы были произведены в упор.

ной ткани и кровь, а при выстреле в голову также мелкие отломки костей черепа и частицы мозгового вещества. Копоть и порошинки при выстреле с плотным упором вовлекаются в раневой канал и потому отсутствуют на коже вокруг входного отверстия¹.

При неплотном упоре дула часть газов вырывается наружу, поэтому следы их подкожного действия выражены слабее, копоть же и порошинки на коже, напротив, встречаются значительно чаще.

При выстреле в упор в голову из длинноствольного оружия наблюдается иногда полное разрушение костей черепа и вещества мозга. Такие же последствия нередко наблюдаются и при выстреле в рот².

При первоначальном осмотре трупа надлежит выяснить, нет ли на руках погибшего следов копоти; иногда такие следы наблюдаются при выстрелах из некоторых систем оружия. При выстреле в упор брызги крови, мелкие частицы мышечной ткани и костей могут попадать на тыльную часть кисти. При стрельбе из некоторых автоматических пистолетов в результате отхода кожуха ствола после выстрела на руке стрелявшего (также на тыльной стороне кисти между большим и указательным пальцами) появляются небольшие ссадины. Но и при наличии таких повреждений нельзя полностью исключить возможность убийства, так как погибший мог стрелять не в себя, а в человека, потом его застрелившего.

Для определения направления выстрела при осмотре необходимо точно зафиксировать местоположение и позу трупа, соотношение входного и выходного отверстий, т. е. направление раневого канала, местонахождение гильзы или пыжа, а также все следы попадания пули или дробы (пробонны, вмятины, отщепы, вызванные попаданием снаряда в те или иные твердые предметы, и т. п.).

Определив направление выстрела, следовательно с помощью эксперта-криминалиста сможет в некоторых случаях, исходя из местонахождения гильзы и системы оружия, определить место, откуда был произведен выстрел.

Большое значение сопоставления пули и гильзы с оружием для решения вопроса о том, из данного ли оружия они были выстрелены, общеизвестно. Поэтому, как бы утомительны ни

¹ По данным Татиева, во всех исследованных им 72 случаях выстрела в упор окружность входного отверстия оставалась чистой от копоти.

² См. М. И. Авдеев, назв. работа, стр. 186—192; Н. И. Гуконская и В. А. Свешников, назв. работа, стр. 62—69.

были поиски этих предметов, их необходимо обнаружить. В частности, местонахождение пули (или дробинок) в стене или потолке может быть определено по осыпавшейся на пол штукатурке, а пулю, застрявшую в полу, можно найти по отщепам древесины¹.

Изымать пулю надо особенно осторожно во избежание ее случайного повреждения. Разумеется, перед изъятием пули, дробинок или гильзы местонахождение их должно быть отмечено на плане (если надо, то на развернутом) места происшествия.

Для проверки версии о самоубийстве, как уже говорилось, очень существенно установить, принадлежало ли погибшему обнаруженное на месте происшествия оружие. Решается эта задача путем допросов близких, сослуживцев погибшего и последующего предъявления им оружия для опознания. Если же оружие не было обнаружено, то при допросах тех же лиц необходимо выяснить, было ли у погибшего оружие и, если да, то каковы были вид, система, марка, калибр оружия и где, когда и откуда оно было приобретено или получено погибшим. Кроме того, важно произвести выемку имевшихся у погибшего боеприпасов для последующего их экспертного сопоставления с обнаруженными на месте происшествия.

Проводя обыск у подозреваемого, обязательно следует искать боеприпасы, а также оружие, если его не оказалось на месте происшествия. Если же на месте происшествия обнаружено оружие, не принадлежавшее погибшему, то после допросов лиц, видевших у подозреваемого оружие, о всех признаках последнего им надлежит предъявить найденное оружие для опознания.

Для решения следователем вопроса о том, имело ли место самоубийство или убийство из огнестрельного оружия, судебномедицинскому эксперту задаются вопросы, связанные с данными, обнаруженными при осмотре и вскрытии трупа, а криминалисту (специалисту по баллистике) — связанные с оружием, его снарядами и следами их действия на любых предметах, кроме самого трупа, в частности на одежде трупа.

Из вопросов, предлагаемых на разрешение судебному ме-

¹ В сборнике «Следственная практика», вып. 92 (М., 1971) опубликована статья начальника Хабаровской научно-исследовательской криминалистической лаборатории Гусарова, содержащая рекомендацию, как пользоваться для поисков пули, застрявшей в твердой среде, специальным электрозондом, переделанным из электрощупа, имеющегося в магазинах электропринадлежностей.

дику, наиболее необходимы следующие (помимо общих вопросов, освещенных в § 2 главы II настоящего пособия):

- является ли ранение огнестрельным;
- если ранение огнестрельное, то является ли оно сквозным или слепым;
- каково направление раневого канала, судя по расположению входного и выходного отверстий (или по местоположению пули в трупе);
- каково было направление выстрела;
- каково было расстояние выстрела;
- из какого вида, системы и калибра оружия были нанесены ранения;
- если ранений было несколько, то какие из них были прижизненными и какие нанесены посмертно; какие из них смертельны и какие нет;
- если ни одно из огнестрельных ранений не было смертельным, то от чего наступила смерть;
- как быстро наступила смерть после ранения; если погибший имел возможность передвигаться, совершать те или иные действия (указать, какие именно, например кричать, говорить), то на протяжении какого времени;
- в каком месте и в какой позе находился погибший в момент выстрела;
- мог ли погибший сам нанести себе смертельное (смертельные) повреждение (повреждения);
- если погибший не мог этого сделать, то где относительно него находился стрелявший.

Перед баллистической экспертизой могут быть поставлены следующие вопросы:

- какого вида, системы и калибра оружие было применено стрелявшим, исходя из данных о стреляных пуле, гильзе, дроби или пыже, обнаруженных на месте происшествия;
- относятся ли найденные пуля и гильза к одному патрону;
- были ли выстрелены найденные на месте происшествия пуля и гильза или извлеченная из трупа пуля из оружия, обнаруженного на месте происшествия или изъятого у подозреваемого, или хотя бы соответствуют ли они этому оружию;
- с какого расстояния был произведен выстрел, исходя из наличия или отсутствия дополнительных следов выстрела на той или иной преграде, в частности на одежде, надетой на трупе, а также из местоположения (или следов попадания) пули, гильзы и других данных осмотра места происшествия;

— в каком направлении был произведен выстрел и где находился стрелявший, судя по данным осмотра места происшествия, в частности по следам выстрела;

— однородны ли пуля, гильза, дробинки или пыж с места происшествия с патронами, дробью и пыжами, найденными по местожительству погибшего или изъятыми у подозреваемого;

— пригодно ли к стрельбе оружие, обнаруженное на месте происшествия или изъятое у подозреваемого;

— как давно из данного оружия был произведен выстрел; подвергалось ли оно затем чистке и, если да, то как давно и каким способом производилась чистка.

В тех случаях, когда следователю необходимо получить ответы на вопросы, относящиеся как к судебному медику, так и к криминалисту, наиболее целесообразно назначать не две самостоятельные экспертизы, а одну — комплексную, включив в состав экспертной комиссии судебного медика и специалиста по баллистике.

г) Инсценировка самоубийства, совершенного острым оружием

Такого рода самоубийства встречаются значительно чаще совершаемых с помощью огнестрельного оружия. Это, естественно, объясняется тем, что такие бытовые предметы, как ножи, бритвы и т. п., имеются практически в каждом хозяйстве. Соответственно и инсценировки таких самоубийств чаще применяются преступниками, тем более, что установить принадлежность бытового острого оружия труднее, чем огнестрельного, а поэтому, оставляя такое оружие на месте происшествия, убийца по существу ничем не рискует. Если же свободный доступ к острому оружию, имевшемуся в доме, имели в равной мере и погибший, и подозреваемый, установление принадлежности оружия мало помогает следствию.

Если около трупа не будет найдено оружие, причинившее смерть, а в дальнейшем выяснится, что оно было убрано с места происшествия как раз тем лицом, на которого пали подозрения, то данное обстоятельство должно рассматриваться как противоулика поведения. Это вытекает из того, что в случае инсценировки самоубийства преступник заинтересован в обратном, т. е. чтобы оружие лишения жизни было обнаружено около трупа и тем подтверждало, что ранения этим оружием нанесены самим погибшим. Отсюда следует, что человек, убивающий по тем или иным причинам оружие с места происшест-

вия, возможно не заинтересован в подтверждении версии о самоубийстве, а следовательно, не является автором его инсценировки и убийцей погибшего.

Разбирая обстоятельства дела о смерти Дудникова, известный русский юрист проф. Спасович писал: «...если предполагать, что Дудников зарезан женою..., то в интересах подсудимой было не прятать орудие смерти, но выставить его сколь можно более напоказ, чтобы всем с первого же разу пришла мысль о самоубийстве»¹. Соккрытие же ножа, как утверждал Спасович, «могло послужить только против нее и не могло быть в ее интересах, потому что соккрытие орудия, притом из комнаты, в которую, по ее показаниям, никто, кроме нее, не входил, сделалось первою уликою против нее...»².

Если убийство было совершено лицом, не проживающим совместно с потерпевшим, и с помощью орудия, принадлежащего убийце и имеющего четкие индивидуальные признаки, по которым может быть установлена его принадлежность преступнику, то последний вполне может унести с собой изобличающее его орудие. Однако тем самым он поставит под сомнение вероятность самоубийства, особенно, если труп находится в помещении, недоступном для случайных, посторонних лиц.

Самоубийства острыми орудиями совершаются обычно путем нанесения резаных ран, значительно реже — колото-резаных, и очень редко встречаются рубленые раны, которые наносят себе лишь психически больные люди³.

При помощи острых орудий раны наносятся обычно в положении стоя, реже — сидя и очень редко — лежа. Потeki крови обнаруживаются на передней поверхности одежды или тела идущими обычно в вертикальном (сверху вниз) направлении. Нередко самоубийцы наносят себе повреждения перед зеркалом, что не наблюдается при инсценировках самоубийства.

Типичны для самоубийства множественные, поверхностные, так называемые «пробные» надрезы в виде царапин; самоубийца, не решаясь сразу нанести себе смертельный удар, как бы пробует сначала избранное им орудие, нанося себе иногда более десяти поверхностных повреждений.

Характерен для самоубийц выбор для ранений области тела, где повреждение определено и быстро приводит к смерти, а также применение очень острого орудия. Таким же призна-

¹ «Русские уголовные процессы»; СПб., 1866; стр. 37.

² Там же, стр. 42.

³ Заметим попутно, что возможность самоубийства путем нанесения ударов тупыми орудиями следует считать крайне маловероятной.

наком служит и расположение многих повреждений в одной и той же области тела.

Обнаружение пятен крови на правой (у левши — на левой) руке погибшего, особенно в виде брызг и потеков на тыльной ее стороне, наблюдается при причинении повреждений собственной рукой. Использование в качестве орудия случайных, явно не приспособленных для нанесения ранений предметов, например осколков стеклянной или фарфоровой посуды, жестяных обрезков и т. п., обычно свидетельствует о самоубийстве психически больного.

Нанесение смертельного удара в часть тела, куда сам погибший не мог бы (во всяком случае с достаточной силой) нанести ранение, указывает на причинение его посторонней рукой. Об этом же свидетельствуют и повреждения на руках погибшего, которыми он, защищаясь, пытался предотвратить нанесение преступником смертельного удара. Такие признаки самозащиты оказываются обычно на ладонях или на пальцах рук погибшего в виде резаных ран.

Типичные места при самоубийстве путем нанесения резаных ран — шея, передняя поверхность груди, лучезапястные и локтевые суставы. Рана на шее обычно начинается на ее левой (для левши — на правой) стороне и идет углубляясь иногда до позвоночника вправо, чаще всего книзу, но иногда и вверх (если голова в момент нанесения ранения была наклонена влево).

Нередко встречаются резаные раны в области шеи и при убийстве; однако помимо других признаков они отличаются направлением: преступник (если он не левша) не может нанести рану, идущую справа налево, обращенному к нему лицом потерпевшему; резаная рана при таком соотношении положения преступника и его жертвы будет начинаться на правой стороне шеи последнего и идти к левой, т. е. в обратном направлении по сравнению с ранением шеи при самоубийстве.

О направлении резаной раны можно судить по постепенному ее углублению иногда от царапины в начале, а при самоубийстве и по наличию там же «пробных» надрезов, обычно расположенных параллельно основному ранению. Характерные для самоубийства ранения на запястье направлены поперек оси предплечья, достигают иногда значительной глубины и перерезают крупные кровеносные сосуды. Для ускорения кровотечения из них самоубийцы иногда вскрывают себе артерии, находясь в теплой ванне. Перерезание артерий на запястье возможно и при убийстве, но лишь в случаях

бессознательного состояния потерпевшего или полного лишения его возможности сопротивляться.

Колющими орудиями — шилом, ножницами, гвоздем и другими бытовыми предметами самоубийства, как правило, не совершаются. Преступники же изредка применяют подобные предметы, в особенности в случаях непредумышленного убийства.

Значительно чаще убийцы используют колюще-режущие орудия, например кинжалы, финские и подобные им ножи, имеющие острый конец и заточенные лезвия с одной или с обеих сторон (обоюдоострые орудия). При самоубийстве колото-резаные раны наносятся чаще всего в область сердца. В случаях убийства удары наносятся в разные части тела, в том числе и в область сердца, нередко со стороны спины (особенно при неожиданном нападении), а также в область шеи и живота. Глубину и направление удара при таких ранениях эксперт может выявить лишь при вскрытии трупа. При наружном же осмотре трупа локализация, форма, характер и размеры ранения, а также наличие или отсутствие вокруг него следов рукоятки или ограничителя орудия должны быть точно зафиксированы в протоколе и сфотографированы по правилам крупномасштабной съемки.

Нанесение ранений рубящими орудиями — топором, косарем и т. п. при самоубийствах встречается крайне редко, преимущественно у душевнобольных лиц. При убийстве же такие орудия применяются довольно часто. Правда, при использовании топора удары чаще наносятся обухом, а не лезвием, в результате чего образуются повреждения, характерные для тяжелого тупого предмета. Поэтому преступники, убившие свою жертву топором, обычно не прибегают к инсценировке самоубийства (поскольку характер ранений сразу же опровергнул бы такую версию).

По делам, где ранения наносились острыми орудиями, судебно-медицинскому эксперту, помимо общих, чаще всего надлежит ставить следующие вопросы:

- каковы характер и направление ранений, нанесенных погибшему;
- орудием (орудиями) какого рода и вида они были нанесены;
- каковы признаки, в частности размеры, орудия, причинившего ранения;
- могли ли ранения, обнаруженные на трупе, быть нане-

сены орудием, найденным на месте происшествия (или изъятым у подозреваемого);

— имеются ли на руках погибшего повреждения, указывающие на самооборону, и если да, то какого рода орудием они нанесены;

— каково было положение погибшего в момент нанесения ему смертельного ранения;

— могло ли это ранение (ранения) быть нанесено рукой погибшего;

— если ранение не могло быть нанесено самим погибшим, то каково было взаимоположение последнего и лица, нанесшего ранение.

*
*   *
*

Кроме рассмотренных выше способов, самоубийства иногда совершаются и иным путем. Соответственно преступниками могут применяться и другие способы инсценировки. Однако некоторые из оставшихся здесь не освещенными способов лишения жизни, такие, в частности, как падение с высоты и транспортная травма, значительно чаще, чем при самоубийстве, встречаются в результате несчастного случая. Именно по этой причине, если при убийстве нанесены повреждения, которые могут быть объяснены одним из двух здесь названных способов лишения жизни, то преступники обычно и инсценируют обстановку несчастного случая. В случае же убийства путем отравления смерть потерпевшего, как правило, объясняется следствием заболевания, а не самоубийством.

В связи со сказанным методы раскрытия убийства при перечисленных способах лишения жизни будут во избежание повторений рассмотрены в тех параграфах главы V, где речь пойдет об инсценировках несчастного случая и ненасильственной смерти.

ГЛАВА V

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИНСЦЕНИРОВКАХ ДРУГИХ ВИДОВ СМЕРТИ

§ 1. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРИ ИНСЦЕНИРОВКАХ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ

а) Общие вопросы

Под смертью от несчастного случая в криминалистике и судебной медицине принято понимать род насильственной смерти, вызванной неосторожностью самого погибшего или других лиц, нарушениями правил движения работниками транспорта или техники безопасности на производстве, а также силами природы, в частности при стихийных бедствиях. Из сказанного следует, что далеко не всегда несчастный случай оказывается результатом чьих-то преступных действий или бездействия, а потому и не всегда смерть от несчастного случая влечет за собой привлечение кого-либо к уголовной ответственности. Более того, по некоторым смертельным несчастным случаям бытового характера (если, например, человек утонул, купаясь, или был поражен молнией) даже не возбуждается уголовное дело.

Вместе с тем нельзя не учитывать и того, что убийцы иногда пытаются замаскировать совершенное ими преступление, инсценируя обстановку несчастного случая. Наряду с этим неясные ситуации нередко возникают и независимо от мер, принимаемых убийцей. Поэтому ниже пойдет речь как об инсценировках несчастного случая, так и о тех сомнительных ситуациях, когда, судя по обстановке на месте происшествия, убийство можно принять за несчастный случай и наоборот.

Инсценировки несчастного случая встречаются среди замаскированных убийств довольно часто (по данным нашего

исследования в 30%). К таким инсценировкам и выдвижению соответствующей версии убийцы прибегают чаще всего тогда, когда характер повреждений, нанесенных потерпевшему, может быть объяснен обстоятельствами того или иного несчастного случая. Поэтому среди способов лишения жизни на первом месте (по 27% дел с инсценировкой несчастного случая) стоит нанесение ударов тяжелыми тупыми предметами (камнем, колом, железной палкой или трубой, гаечным ключом и т. д.), на втором — выстрел из огнестрельного оружия (по 15%), на третьем — утопление и задушение руками (по 9%). Еще реже встречаются случаи отравления, взрывов и поражения электротоком (по 5—6%).

Встречаются и такие, наиболее сложные для расследования случаи, когда способ совершения убийства одновременно служит и способом сокрытия преступления, например человека, находящегося в беспомощном состоянии (пьяного, больного, до бесчувствия избитого), кладут на рельсы или даже бросают под колеса проходящего поезда. Вместе с тем по 12% дел преступники пытались представить смерть потерпевшего как последовавшую от несчастного случая даже тогда, когда совершали убийство топором или ножом. В подобных ситуациях, правда, они прибегали к таким способам сокрытия, которые, по их расчету, должны были помешать установлению истинной причины смерти потерпевшего (например к сожжению трупа, выбрасыванию его в водоем и т. д.).

Все дела рассматриваемой категории можно подразделить на две группы по признаку содержания инсценировки несчастного случая (или версии о нем), а именно: а) несчастные случаи бытового характера и б) несчастные случаи на транспорте. Возможны еще и инсценировки несчастного случая на производстве (строительстве), однако они встречаются лишь в виде исключения, а среди изученных дел их не оказалось вообще.

б) Инсценировки несчастных случаев бытового характера

Среди инсценировок несчастных случаев бытового характера на первом месте стоит версия об утоплении в результате собственной неосторожности (33%); далее идут: неосторожное обращение погибшего с огнестрельным оружием, удар головой при падении (в частности при падении с высоты) и гибель от огня при пожаре (все по 17%). Остальные объяс-

нения — замерзание в состоянии опьянения и некоторые другие — встречаются лишь изредка.

В отдельных случаях инсценировки носят очень сложный и даже причудливый характер, иногда же, наоборот, действия убийцы, направленные на инсценировку несчастного случая, кажутся чересчур уж наивными.

Например, в одном случае труп убитого выстрелом из охотничьего ружья был преступником брошен с моста в реку, а плащ положен на перила моста, чтобы создать впечатление будто потерпевший по неосторожности свалился в воду.

Как правило, однако, установить истинные обстоятельства и причину смерти оказывается нелегкой задачей, поскольку преступники стараются согласовать содержание версии о несчастном случае с примененным ими способом лишения жизни.

Проверка такой версии затрудняется и тем, что преступник иногда успевает подговорить свидетелей из числа близких ему лиц подтвердить его показания. Для разоблачения сговора необходимо максимально подробно допросить всех лиц, как присутствовавших при смерти погибшего, так и что-либо знающих об ее обстоятельствах.

Разумеется, далеко не всегда оказывается возможным проверить версию о несчастном случае путем допроса свидетелей, поскольку чаще всего при смерти потерпевшего никто не присутствует. Как правило, преступники при этом ссылаются на алиби.

Так, при инсценировке или выдвижении версии о смерти от утопления в результате несчастного случая все убийцы утверждали, что при этом их не было.

Например, Корнилова, бросившая 6-летнего сына в колодец, показала, что он один пошел в кино, а она была дома и не знала, что с ним затем произошло.

Сорин заявил, что жена уехала в байдарке, пока он спал, и поэтому он не видел, как она якобы перевернула лодку и утонула.

Утопивший свою 6-летнюю дочь в кадке с водой Захаров пошел с ведрами к колонке, предварительно захлопнув наружную дверь так, чтобы внутренний дверной крючок упал в петлю и тем самым создалось впечатление, будто бы дочь находилась дома одна¹.

Аналогично обстояло дело и в других случаях такого рода инсценировок.

В дополнение к сказанному в § 3 главы IV об инсценировках утопления здесь следует остановиться на особенностях

¹ «Следственная практика», вып. 2, М., 1950, стр. 97.

установления факта убийства, когда утопление будто бы произошло в результате несчастного случая. Иногда проверить, было ли утопление вызвано несчастным случаем, удастся путем эксперимента — следственного или экспертного, в зависимости от того, требуется ли он для разрешения бытовых или специальных вопросов.

Так, по приведенному выше в качестве примера делу Захарова следователь путем эксперимента выяснил, что при сильном толчке дверью ее крючок падает в петлю. Этим была объяснена противоулика, созданная преступником. По тому же делу следственным экспериментом было установлено, что девочка такого же роста, как потерпевшая, легко могла достать кружкой воду из кадки, стоя на полу, поэтому не было никакой надобности в табурете, который преступник подставил к кадке, чтобы тем объяснить, как, встав на него, потерпевшая будто бы упала в кадку с водой.

Чтобы выяснить, могла ли сама опрокинуться лодка с женой Сориной, был проведен эксперимент уже с участием экспертов по водному спорту, в результате чего было установлено, что даже при сильном ее раскачивании этого произойти не могло.

Многое может почерпнуть следователь и из сопоставления данных осмотра с версией, выдвинутой лицом, заподозренным в убийстве, в первую очередь тем, кто последним оставался с погибшим.

Так, при осмотре лодки с трупом Сориной оказалось, что дно лодки разрезано, а труп привязан к лодке, что опровергало версию о несчастном случае.

Колодец, из которого извлекли труп сына Корниловой, не только находился в стороне от дороги, по которой ребенок якобы пошел в кино, но и был закрыт крышкой и окружен со всех сторон сугробами снега. Все это, вместе взятое, противоречило версии о неосторожном падении ребенка в колодец.

В случае убийства выстрелом из огнестрельного оружия преступники обычно объясняют смерть потерпевшего неосторожным обращением с оружием, результатом чего был будто бы произвольный выстрел. Кроме допросов свидетелей и подозреваемого (если тот уже появился в поле зрения следователя) по такого рода делам практически всегда необходима баллистическая экспертиза, в процессе которой обычно проводится эксперимент. Если разрешить интересующие следствия вопросы может лишь совместное заключение экспертов — криминалиста и медика, следует назначить комплексную судебно-медицинскую и криминалистическую (баллистическую) экспертизу.

Кроме вопросов к экспертам, общих для случаев наступления смерти от огнестрельного ранения (освещенных в § 3

главы IV), для произвольных выстрелов специфичны следующие вопросы:

— возможен ли из данного оружия произвольный выстрел при определенных (указать — каких именно) условиях;

— соответствует ли объективным данным, полученным при осмотре трупа, места происшествия, оружия и следов выстрела, содержание показаний того или иного лица об обстоятельствах смерти погибшего.

Естественно, что в зависимости от конкретных обстоятельств дела путем экспертизы могут быть разрешены и иные вопросы, как это видно, в частности, из следующего примера.

В г. Махач-Кала, в доме, где жили супруги Олейниковы, их сын Александр и его жена Лидия, последняя была смертельно ранена выстрелом в грудь из охотничьего ружья. Сбежавшимся на звук выстрела соседям Олейников-отец объяснил, что выстрел произошел из-за случайного падения ружья. Лидию Олейникову доставили в больницу, где она умерла, ничего не сказав о том, как произошел выстрел.

Александр Олейников и его родители дали противоречивые показания. Так, Александр объяснил, что отец наставил ружье на мать, тогда он выхватил у отца ружье и ударил им об пол; от удара произошел выстрел, которым и была ранена Лидия. Олейников-отец показал, что Лидия была ранена выстрелом, когда ружье почему-то упало с оленьих рогов, на которых оно висело.

По словам же матери Александра, она лежала, накрывшись простыней, когда увидела, что сын разбивает об пол ружье отца. Едва она вскочила, как раздался выстрел, который ранил Лидию и чуть было не поразил и ее: накинутая на нее простыня оказалась в трех местах пробитой дробью.

Сопоставление приведенных противоречивых объяснений, естественно, привело к выводу об их ложности; напрашивалась версия об умышленном убийстве Лидии, которое Олейниковы пытались скрыть.

Перед криминалистической экспертизой следователь поставил такие вопросы:

— могла ли вмятина, обнаруженная на полу комнаты, образоваться от удара прикладом ружья;

— могли ли три разрыва на простыне образоваться в результате выстрела (или выстрелов) из ружья и, если да, то с какого расстояния этот выстрел (или выстрелы) произведены;

— каково было направление стволов ружья исходя из направления раневого канала на трупе Лидии Олейниковой и расположения разрывов на простыне (если последние были образованы выстрелом);

— мог ли выстрел произойти от удара прикладом ружья об пол;

— мог ли заряд, пробив простыню, не задеть человека, на которого она была накинута.

При исследовании простыни эксперт установил, что все три разрыва образованы одним выстрелом, причем ружье было направлено горизонтально, а дуло его находилось в 5—10 сантиметрах от простыни.

По-разнес
эксперимента
пройдя через
была распола
Экспертиза
в прикладе
которого Але
об пол, выяс
мог быть гор
примерно в 4
ность произ
Дальнейш
установило,
в жену, на
несчастливого

Привед
насколько
ный допро
который п
зания, и, в
ка перед к
текающих
свидетелей

При см
с высоты,
экспертизы
смерти.

Данны
ным для
тренних о
ограничив
ми (кром
могут обр
органов,

В тех
например
или с вы
ние смерт
тельства
ку при в
от падени

В бла
в зависим

По-разному набрасывая простыню на плечи женщины — участницы эксперимента и совместив все три разрыва, эксперт установил, что заряд, пройдя через простыню, не мог не ранить человека. Причем рана должна была располагаться в области груди.

Экспертиза подтвердила, что вмятины на полу образовались от ударов прикладом ружья. Однако при проведении эксперимента, в процессе которого Александр показывал, как он держал ружье, когда ударял им об пол, выяснилось, что при таком положении ружья раневой канал не мог быть горизонтальным, а должен был идти снизу — вверх под углом примерно в 45 градусов. Наконец, эксперт категорически отверг возможность непроизвольного выстрела от удара прикладом об пол.

Дальнейшее расследование подтвердило все выводы экспертизы и установило, что Александр Олейников умышленно, из ревности стрелял в жену, на которую была накинута простыня. Затем для инсценировки несчастного случая он разбил приклад ружья об пол¹.

Приведенный пример убедительно показывает, во-первых, насколько важен для установления истины детализированный допрос всех присутствовавших на месте происшествия, который помогает изобличению лиц, дающих ложные показания, и, во-вторых, какое огромное значение имеет постановка перед криминалистической экспертизой всех вопросов, вытекающих из обстоятельств дела и, в частности, из показаний свидетелей.

При смерти, вызванной, судя по обстановке, падением с высоты, прежде всего надо с помощью судебно-медицинской экспертизы установить, действительно ли это было причиной смерти.

Данный факт устанавливается экспертизой по характерным для падения с высоты повреждениям (трещинам) внутренних органов, переломам костей. Наружные повреждения ограничиваются поверхностными ссадинами и кровоподтеками (кроме случаев падения с очень большой высоты, когда могут образоваться разрывы кожи с выпадением внутренних органов, а череп может оказаться полностью разрушенным).

В тех случаях, когда труп человека, только что убитого, например, ударами тупого предмета, сбрасывают с обрыва или с высокой стены, башни и т. д., чтобы создать впечатление смерти от падения с высоты, установить истинные обстоятельства смерти оказывается иногда крайне сложно, поскольку при вскрытии находят признаки, характерные для смерти от падения с высоты.

В благоприятных ситуациях судебно-медицинский эксперт, в зависимости от наличия и характера повреждений головно-

¹ «Следственная практика», вып. 19, М., 1954, стр. 127.

го мозга, может отличить удар головой о твердую поверхность (при падении) от удара твердым предметом по голове¹.

Особенное внимание следует обращать и на, казалось бы, незначительные следы и повреждения на теле.

Так, в одном случае, наряду с явными признаками повреждений от падения с высоты, на шее трупа были обнаружены небольшие ссадины полулунной формы — следы удушения руками.

В другом случае на голених, под коленями погибшей, удалось заметить кровоподтеки, характерные для сильного сдавления рукой, которые не могли возникнуть при падении. Расследованием в обоих случаях было установлено убийство: в первом — муж сдавил жене горло и выбросил ее в бессознательном состоянии из окна; во втором — муж схватил стоявшую у окна жену за ноги и выбросил ее из окна².

Кроме тщательного судебно-медицинского исследования трупа для установления рода смерти погибшего необходимо, разумеется, выяснение всех, до мельчайших включительно, обстоятельств смерти погибшего, а также его местопребывания непосредственно перед ней. Иногда решающее значение приобретает уточнение времени смерти, что позволяет исключить ту или иную версию.

В практике автора был случай, когда судебно-медицинская экспертиза установила, что непосредственной причиной смерти С., труп которого рано утром обнаружили на дне глубокого оврага, явилось повреждение печени с обильным кровоизлиянием. На теле погибшего имелись также множественные кровоподтеки и ссадины. Эксперт в заключении указал, что смерть С. могла наступить как вследствие падения с высоты, так и от ударов тяжелым тупым предметом, например каблуком сапога, нанесенных в область печени.

Лишь после того, как удалось уточнить, что смерть С. наступила в 3—4 часа дня, была опровергнута версия лиц, заподозренных в его убийстве, которые утверждали, что погибший ушел из их дома поздно вечером и в пьяном виде упал в овраг.

Когда же установили, что С. весь день находился в доме подозреваемых, где около трех часов дня его сильно избили, то стало ясно, что труп убитого ими в драке С. преступники сбросили в овраг, инсценировав несчастный случай.

В ситуациях, где возможно падение с высоты, крайне важно точно фиксировать местонахождение трупа. По расстоянию между ним и стеной, скалой и т. д., откуда погибший мог упасть или оказаться сброшенным, иногда удается выяснить, произошло ли свободное падение тела, как это бывает при несчастном случае, или человек сам прыгнул с целью само-

¹ См. по этому вопросу Н. А. Сингур, Ушибы мозга, М., 1970, стр. 177—214.

² Э. Кноблех, назв. работа, стр. 243.

убийства, или, наконец, он (либо его труп) был сброшен другим лицом. При свободном падении тело падает отвесно и поэтому, как правило, оказывается лежащим почти вплотную у основания стены здания или поверхности обрыва. При прыжке с высоты, а также при сбрасывании тела (или трупа) падающий груз приобретает движение по кривой и падает на землю тем дальше от плоскости стены (обрыва), чем большее усилие в горизонтальном направлении ему было придано при прыжке или сбрасывании¹.

Для проверки того, упал ли человек сам или был сброшен (живым или мертвым), целесообразно произвести следственный эксперимент (если, разумеется, известно — откуда упал погибший), используя для этого груз, по размерам и весу равный телу погибшего. Наиболее ценным явится результат опыта со свободным, без размаха, падением груза. Такой опыт, несколько раз повторенный, поможет определить примерные границы участка, на который погибший мог упасть, если он падал, а не прыгал и не был сброшен. Что же касается данных о положении груза при его сбрасывании, то значение результатов такого опыта намного меньше, поскольку неизвестно, какое усилие по горизонтали было приложено при сбрасывании тела или прыжке погибшего.

При решении вопроса, чем было вызвано падение погибшего, следует также иметь в виду, что, желая покончить с собой, человек старается прыгнуть с очень большой высоты, чтобы обеспечить моментальную смерть. Убийца, сбрасывающий с высоты свою жертву, как правило, действует так же, поскольку опасается разоблачения, если сброшенный останется в живых. Поэтому при падении тела сравнительно с небольшой высоты наиболее вероятен несчастный случай, но возможно и сбрасывание трупа с целью инсценировки.

При проведении осмотра места происшествия осматривать необходимо не только место, где было обнаружено тело погибшего, но обязательно и то, откуда он упал (или мог упасть). Там можно найти важные следы, например признаки борьбы, а также ценные вещественные доказательства вплоть до орудия убийства. Если речь идет о комнате, то, судя по обстановке и состоянию запоров, можно также опре-

---

¹ Необходимо, однако, учитывать возможность изменения погибшим своего местоположения после падения. Поэтому судебно-медицинскому эксперту обязательно должен быть поставлен вопрос — мог ли погибший передвигаться, хотя бы ползком, после падения.

делить, находился там погибший один или нет. В случаях проведения осмотра места, откуда упал, спрыгнул или был сброшен погибший, сразу после падения там могут быть даже застигнуты убийцы или хотя бы выявлены очевидцы случившегося.

Версию о том, что тело погибшего было выброшено из окна дома, возле которого обнаружен труп, целесообразно проверять даже в тех случаях, когда, судя по повреждениям на трупе, причиной смерти погибшего безусловно было не падение с высоты. Выше уже отмечалось, что преступники иногда выбрасывают труп убитого из окна дома, где произошло убийство. К такому способу сокрытия прибегают, в частности, убийцы, ничем не связанные с потерпевшим и потому не опасющиеся, что обнаружение трупа убитого на улице или во дворе приведет к их разоблачению. Выбросив труп через окно в темное время суток, преступники считают свою цель — удалить основную улику — достигнутой. Иногда они оттаскивают труп от стены дома, чтобы не навести следователя на мысль о выбрасывании трупа из окна и тем ввести его в заблуждение.

Осмотр места, откуда было сброшено тело погибшего или откуда, по словам его близких, он упал, необходимо проводить тщательно и как можно скорее. При этом важно проверять все без исключения обстоятельства, о которых упоминается в объяснениях очевидцев происшедшего или членов семьи погибшего.

Жестоко избивший свою трехлетнюю дочь Светлану и затем убивший ее ударом головой об пол Петров так объяснил в больнице перелом костей черепа и кровоизлияние в мозг у дочери. По его словам, он полез на чердак хлева за кормом для скота. Вслед за ним туда же полезла и Светлана. Не заметив дыры в полу чердака, девочка провалилась в нее и упала на дрова, лежавшие в хлеву. Проверая эту версию, следователь при осмотре хлева установил, что там не было лестницы, ведущей на чердак, а в полу чердака — дыры или большой щели. Не оказалось на чердаке и корма для скота, за которым будто бы полез Петров.

При допросе Петрова следователь умело использовал все эти противоречия. Петров признал себя виновным и объяснил свое преступление тем, что он давно подозревал, будто бы Светлана не его дочь, и потому плохо к ней относился¹.

Если к инсценировкам смерти от утопления, произвольного огнестрельного ранения и падения с высоты преступники, как было показано, прибегают обычно тогда, когда способ

¹ «Следственная практика», вып. 80, М., 1968, стр. 38.

убийства позволяет им выдвинуть версию о смерти от соответствующего несчастного случая, то инсценировать смерть при пожаре убийцы считают возможным даже в тех случаях, когда убийство было совершено способом, по своим признакам явно не имеющим ничего общего с картиной смерти от воздействия огня.

Убив человека, например, ударами ножа или топора, преступник, если он не живет вместе с потерпевшим, иногда поджигает помещение, где совершено преступление и находится труп. Рассчитывая, что во время пожара труп полностью сгорит или хотя бы обгорит настолько, что повреждения на нем станут неразличимыми, убийца надеется, что смерть потерпевшего будет объяснена воздействием пламени. Отсюда следует, что даже в условиях, казалось бы, совершенно очевидно указывающих на смерть от несчастного случая в результате пожара, необходима тщательная проверка того, не был ли пожар вызван поджогом, не был ли погибший уже мертв к моменту пожара и если так, то какова была действительная причина его смерти.

Установление причин пожара требует привлечения к осмотру места происшествия специалиста по противопожарной охране, а в случае необходимости и назначения соответствующей экспертизы. Центральный вопрос к ней — нет ли на месте происшествия признаков, указывающих на поджог. Наиболее распространены из них следующие обстоятельства: одновременное возникновение пожара в нескольких местах, обнаружение в районе пожарища поджигательного приспособления и следов применения легковоспламеняющихся веществ, отсутствие условий для самовозгорания, а также расположение очага пожара в месте, исключающем возможность его возникновения по чьей-либо неосторожности.

Так, по делу об убийстве супругов Подобед, по заключению пожарно-технической экспертизы, пожар возник внутри дома, недалеко от трупов. Установить причину возгорания эксперту не удалось, но в заключении он указал, что возможность возникновения пожара вследствие неисправностей печей, ламп и других аналогичных причин исключена. Такое заключение давало основание предположить поджог. Поэтому следователь вполне обоснованно усомнился в правильности первоначального заключения судебно-медицинского эксперта о том, что супруги умерли от обширных ожогов тела с последующим обугливанием. После эксгумации и повторного судебно-медицинского вскрытия трупов выяснилось, что смерть супругов наступила не от воздействия пламени, а от ударов по черепу осторубящим орудием. Наличие же незначительных следов копоти в верхних дыхательных путях Мартына Подобеда объяснялось тем, что

пожар начался, когда смертельно раненный топором Подобед, находясь в агонии, еще мог дышать¹.

Подробные рекомендации по установлению причины пожара можно найти в методических пособиях, специально посвященных вопросам расследования пожаров².

После установления факта поджога следствие должно еще установить, пытался ли преступник добиться смерти потерпевшего от воздействия пламени или хотел сжечь труп человека, ранее им убитого иным способом. Для выяснения того, последовала ли смерть погибшего при пожаре от воздействия пламени и угарного газа, внимание судебно-медицинского эксперта следует обратить на обнаружение следов прижизненного воздействия огня и продуктов сгорания. При наружном осмотре выясняется, есть ли на трупe ожоги I или II степени (т. е. воспалительная реакция тканей на действие пламени в виде покраснения кожи и образования пузырей, наполненных желтоватой жидкостью или студенистой массой). Отсутствие таких прижизненных ожогов может указывать на воздействие пламени на труп (если не произошло его обугливания).

При вскрытии трупа необходимо выяснять, есть ли следы копоти на слизистой оболочке дыхательных путей. Их наличие свидетельствует о том, что человек вдыхал продукты сгорания, а, следовательно, был жив во время пожара³. Участки необгоревшей кожи вокруг глаз означают, что человек зажмуривал глаза от огня, т. е. был еще жив.

Спектральное исследование крови из сердца и крупных сосудов позволяет обнаружить там карбоксигемоглобин (соединение окиси углерода с гемоглобином крови), указывающий на вдыхание погибшим продуктов горения (окиси углерода). Об этом же свидетельствуют ярко-алый цвет крови и ярко-красно-розовые трупные пятна⁴.

¹ «Следственная практика», вып. 52, М., 1961, стр. 45.

² См., например, М. С. Брайнин, Методика расследования пожаров, М., 1956.

³ Однако, если пожар начался в момент, когда потерпевший, находясь в агонии, еще дышал, незначительные следы копоти в верхних дыхательных путях у него могут быть обнаружены. Иногда это даже приводит к ошибочному заключению судебно-медицинского эксперта, как было показано на примере дела об убийстве супругов Подобед.

⁴ Подробнее о признаках смерти от воздействия пламени см. М. И. Авдеев, назв. работа, стр. 315—324; Н. И. Гуковская и В. А. Свешников, назв. работа, стр. 168—174.

Убийство путем сожжения встречается редко. Это объясняется, естественно, тем, что намеченная жертва может спаданному способу убийцы прибегают, либо предварительно приведя жертву в бессознательное состояние, либо используя такое ее состояние, как сильное опьянение или сон.

При этом преступник старается принять меры, чтобы жертва, даже придя в сознание, уже не могла спастись. Поскольку такого рода убийства совершаются в закрытых помещениях, то запертые снаружи входные двери, а иногда с помощью ставней и окна служат прямым указанием на цель поджога и опровергают версию о смерти погибшего от несчастного случая.

В тех местностях, где в качестве одного из способов самоубийства применяется (в особенности женщинами) самосожжение, преступники иногда инсценируют смерть от сожжения, якобы вызванную не только несчастным случаем, но и самоубийством. В таких случаях жертву неожиданно для нее обливают, чаще со стороны спины, горючей жидкостью, которую сразу же и поджигают. Разоблачается подобного рода инсценировка самоубийства методами, подробно изложенными в предыдущей главе, а также выяснением того, с какой стороны жертва была облита горючей жидкостью и начала гореть ее одежда.

Если поджог производится после совершения убийства, то цель его — скрыть следы преступления. Посредством инсценировки смерти потерпевшего во время пожара преступник либо скрывает сам факт убийства, либо лишь уничтожает свои следы на месте происшествия, пытаясь, в частности, помешать применению служебно-розыскной собаки, и т. д. Распознать цель поджога весьма существенно, поскольку это позволяет выдвинуть версию о круге лиц, среди которых надлежит искать виновного.

Так, посторонний преступник ограничивается обычно уничтожением с помощью поджога своих следов, тогда как «свой» убийца стремится, как правило, объяснить смерть близкого ему потерпевшего как следствие пожара. Поэтому не случайно, что при убийстве, сопряженном с ограблением квартиры потерпевшего, «посторонние» преступники ограничиваются «местным» пожаром, когда очаг пожара находится непосредственно возле убитого, и поэтому труп и окружающая его обстановка оказываются наиболее пострадавшими от действия огня.

«Свои» же преступники, желающие пожаром объяснить причину насильственной смерти убитого ими лица, как правило, создают такой очаг пожара, который можно было бы объяснить неосторожным обращением с огнем, неисправностью электропроводки или самовозгоранием. Поэтому очаг пожара в такой ситуации оказывается внутри помещения. Если же установлено, что жилое помещение было подожжено без всяких попыток скрыть факт поджога и к тому же не изнутри, а снаружи дома, можно с значительной определенностью допустить, что поджог совершен посторонним лицом. Правда, встречаются случаи, когда таким путем «свой» преступник стремится создать впечатление, будто поджог совершен посторонним потерпевшему лицом.

Изредка применяется и такой способ убийства, как поражение электротоком. Наряду с инсценировкой смерти от удара током вследствие неосторожности погибшего или нарушения правил техники безопасности на производстве преступники в отдельных случаях пытаются скрыть действительный способ лишения жизни потерпевшего и пытаются, убив его с помощью электротока, объяснить смерть какой-либо иной причиной.

Вот характерный пример такого убийства.

В с. Капланы Молдавской ССР у себя дома неожиданно умер некто Буруянэ. Придя на место происшествия, работник милиции обнаружил труп лежащим на детской кровати, причем ноги были просунуты между прутьями спинки кровати, а тело наполовину свисало с кровати: вокруг щиколоток обеих ног кожа была содрана.

Жена и старшая дочь погибшего Евгения пояснили, что накануне он напился пьяным, выгнал семью из дома, а утром его нашли мертвым. Считая, что смерть Буруянэ наступила от злоупотребления алкоголем, а кожу на ногах он в пьяном виде ободрал о металлические стойки кровати, работник милиции составил о случившемся протокол, направил труп в морг и этим ограничился. При вскрытии трупа, однако, выяснилось, что смерть Буруянэ вызвана поражением электротоком, а ссадины на ногах оказались электрометками («знаками тока»).

В связи с этим было возбуждено уголовное дело. После того как стало ясно, что, находясь на кровати, погибший не мог дотронуться ни до электропроводки, ни до выключателя или штепселя, версия о несчастном случае практически отпала, и возникло предположение об убийстве Буруянэ с помощью электротока кем-либо из членов семьи. После недолгого записательства старшая дочь погибшего призналась в том, что вместе с матерью убила отца, который систематически издевался над женой и детьми. Взяв кусок двужильного провода и зачистив его концы, мать и дочь концы провода с одной стороны привязали к ногам пьяного Буруянэ, когда тот заснул в детской кровати, а с другой — включили в штепсель. Утром они сняли провод с трупа и сожгли в печи, а несгоревшие остат-

и спрятати
шим о «ско
Устано
током не
троем ки
краями, с
далеко не
с электро
установле
рых прои
нение тог
его тело
жительно
далее уст
том собст
других ли
татом чь
убийство.

в) И

Такие
же часто
случая, в
вок (по
становку
реже (по
машины
вызванны
порта.

Распр
мы объа
на котор
нуемо до
временно
удаётся,
(или тру
ноте зам
вторых,

1 Е. Л
«Вопросы
2 Под
Н. И. Гу

ки спрятали в стоге сена. Сразу же после этого они сообщили окружающим о «скоропостижной» смерти Буруянэ¹.

Установление факта наступления смерти от поражения током нередко вызывает серьезные трудности, так как «электрометки» (углубления кожи с уплотненными в виде валиков краями, содержащие иногда частицы металла проводника) далеко не всегда остаются на частях тела, соприкасавшихся с электропроводником². Понятно поэтому, насколько важно установление следственным путем обстоятельств, при которых произошла смерть погибшего, и в первую очередь выяснение того, соприкасалось ли (или могло ли соприкоснуться) его тело с проводником, находившимся под током. При положительном решении этого вопроса следователю надлежит далее установить, было ли такое соприкосновение результатом собственной неосторожности погибшего, небрежности других лиц или (как в случае с убийством Буруянэ) результатом чьих-либо умышленных действий, т. е. имело место убийство.

в) Инсценировки несчастного случая на транспорте

Такие инсценировки встречаются в практике почти столь же часто, как все виды инсценировок бытового несчастного случая, вместе взятые. В большинстве подобных инсценировок (по изученным делам — по 56%) преступник создает обстановку смерти от железнодорожной травмы, значительно реже (по 31% дел) встречается инсценировка наезда автомашины и совсем редко инсценируются несчастные случаи, вызванные другими причинами, связанными с работой транспорта.

Распространенность инсценировок железнодорожной травмы объясняется прежде всего тем, что, двигаясь по рельсам, на которых находится потерпевший или его труп, поезд неминуемо должен на него наехать, если только машинист своевременно не остановит поезд. Сделать же это ему обычно не удается, во-первых, потому, что преступники кладут жертву (или труп) на рельсы в темное время суток и издалека в темноте заметить лежащее на рельсах тело невозможно, а, во-вторых, тормозной путь поезда, как правило, превышает рас-

¹ Е. Л. Гершензон, Редко встречающийся способ убийства, Сб. «Вопросы предварительного следствия», Кишинев, 1970, стр. 63.
² Подробнее об этом см. М. И. Авдеев, назв. работа, стр. 332—346; Н. И. Гуковская и В. А. Свешников, назв. работа, стр. 175—180.

стояние, с которого машинист может разглядеть потерпевшего, поэтому даже немедленное и резкое торможение оказывается при этом уже безрезультатным.

Бывают случаи, когда преступники кладут на рельсы потерпевшего еще живым, приведя его сначала в бессознательное состояние (обычно сдавив горло руками или оглушив ударами тяжелым предметом по голове) либо, гораздо реже, непосредственно бросая его под колеса вагонов движущегося поезда. Однако значительно чаще преступники предварительно убивают свою жертву и помещают на рельсы уже труп.

Иногда лица, желающие покончить с собой, ложатся на рельсы или бросаются под поезд (или вагон метро). Характерным признаком самоубийства служит в таких случаях отделение головы, поскольку самоубийцы во избежание напрасных мучений обычно кладут шею на рельс. Нередко самоубийца держится за рельс обеими руками, что приводит к отчленению кистей.

Наибольшие затруднения для следствия представляют те случаи, когда помещенный преступниками на рельсы потерпевший бывает задавлен живым. В такой ситуации судебно-медицинский эксперт, разумеется, даст заключение о том, что причиной смерти явились повреждения, характерные для транспортной травмы. Поэтому крайне важно, чтобы эксперт отграничил повреждения, ранее нанесенные преступником потерпевшему с целью лишить его сознания, от причиненных наездом транспортного средства.

Значительно легче разоблачить инсценировку, если на рельсы был положен труп. В таких случаях эксперту достаточно различить прижизненные повреждения, явившиеся причиной смерти потерпевшего, и посмертные повреждения, характерные для железнодорожной травмы. Однако если наезд на труп произошел спустя 10—30 минут после смерти потерпевшего, то могут наблюдаться некоторые признаки прижизненности повреждений, в частности кровоизлияния. В таких случаях требуется применение специальных методов исследования повреждений (гистологического, гистохимического).

При осмотре места происшествия необходимо, не ограничиваясь обследованием железнодорожного полотна, тщательно осмотреть прилегающую с обеих сторон местность. В ряде случаев при этом удавалось обнаружить следы волочения (если преступник был один и не имел никакого транспортного

средства, чтобы перевезти на нем труп), дорожку пятен крови, выпавшие из карманов потерпевшего мелкие вещи, а иногда и предметы его одежды, обувь или головной убор.

При расследовании дела об убийстве стрелочника Абдукаримова, труп которого с явными признаками наезда (обе ноги и левая рука были отрезаны, голова размозжена) обнаружили на железнодорожном полотне, осмотром прилегающего участка удалось установить следующее. В нескольких метрах от полотна в сторону степи оказалась лужа крови диаметром около полуметра, а в луже — два больших булыжника, на одном из которых оказались два черных волоса, похожих на волосы Абдукаримова. Рядом с лужей лежал его сигнальный фонарь с разбитым стеклом. От лужи к рельсам вела дорожка пятен крови. Так были установлены точное место и орудие убийства, а отсутствие следов волочения указывало на то, что преступник был не один и труп от места убийства до железнодорожного полотна несли на руках. Дальнейшее расследование подтвердило эти выводы. В убийстве были изобличены стрелочник и дежурный ближайшей станции, которые отомстили Абдукаримову за систематическую критику в стенгазете их незаконных действий.

Характерно, что, несмотря на ночное время, машинист локомотива примерно за 100 метров увидел какой-то предмет, лежавший поперек рельсов и сразу затормозил, но из-за большой скорости поезд все же переехал труп Абдукаримова. При вскрытии трупа эксперту удалось распознать повреждения на голове, нанесенные булыжником и повлекшие за собой смерть от травм, вызванных наездом, хотя последний произошел всего несколько минут спустя после убийства Абдукаримова¹.

Когда преступник кладет на рельсы труп убитого им человека, преступление чаще всего оказывается совершенным тяжелым тупым орудием, следы действия которого лишь отчасти похожи на железнодорожную травму. Распознать поэтому такого рода повреждения для эксперта обычно не столь уж сложно, поскольку железнодорожные повреждения весьма характерны: как правило, они влекут за собой грубые и обширные разрушения костей и внутренних органов. Кроме того, тело погибшего оказывается размятым и расчлененным на части, а на коже трупа в местах переезда колесами поезда остается след в виде широкой полосы осаднения буровато-коричневого цвета².

Обычно, совершив наезд на человека или труп, машинисты сразу останавливают поезд. Однако иногда они этого не делают, и тогда следователю приходится останавливать поезд, который переехал потерпевшего или его труп. В этих случаях необходимо, с одной стороны, выяснить, когда и где в последний раз потерпевшего видели живым, когда в по-

¹ «Следственная практика», вып. 29, М., 1957, стр. 57.

² См. Н. И. Гуковская и В. А. Свешников, назв. работа, стр. 137—138.

следний раз данный участок железнодорожного полотна осматривался путевым обходчиком (или иными работниками железной дороги), когда был обнаружен труп, а отсюда — в какой промежуток времени могла наступить смерть потерпевшего. В то же время надо уточнить, какие железнодорожные составы, тепло- и электровозы, а также дрезины проходили по интересующему следствие участку пути за время, истекшее с момента, когда потерпевшего в последний раз видели живым, до обнаружения его трупа. После того как будет установлено, какой железнодорожный состав, тепловоз и т. д. мог переехать потерпевшего, все колеса и другие низкорасположенные части тепло- и электровоза (а если нужно, то и вагонов) должны быть осмотрены для выяснения, не сохранились ли на них следы наезда в виде пятен, в частности брызг крови, прилипших волос, частиц мышечной ткани и т. п.

При инсценировках наезда автомашины, равно как и в случаях выдвижения версии о смерти убитого от такого наезда, преступники всегда помещают на шоссе, автостраду и т. п. труп ранее убитого потерпевшего.

Тем самым определяются и способы убийства, скрываемого версией о наезде автомашины. Это (почти всегда) — нанесение многочисленных ударов самыми разнообразными тяжелыми тупыми предметами (гаечным ключом, костыльным молотом, камнем, отрезками труб, кольями и т. д.). Лишь в единичных случаях преступники оказываются настолько наивными, что пытаются объяснить автомобильным наездом смерть потерпевшего, убитого ими, например, путем удушения¹.

Труп убитого преступниками доставляется на шоссе, автостраду и т. д. в ночное время, причем нередко с помощью различных транспортных средств². Иногда, однако, убийство совершается непосредственно на шоссе, где преступник и оставляет труп жертвы.

Вот несколько примеров из практики расследования по делам этой категории.

¹ См. «Следственная практика», вып. 19, М., 1954, стр. 148—149.

² Поэтому при проверке версии о виновности определенного лица необходимо выяснить, имеется ли у него или его близких какое-нибудь транспортное средство (хотя бы ручная тележка или санки), и в положительном случае тщательно его осмотреть; при обнаружении около трупа следов колес или полозьев их отпечатки надо сопоставить со следами транспортного средства, обнаруженного у подозреваемого.

Шофер Волчек, убив изнасилованную им 14-летнюю девочку гаечным ключом, отвез в своей машине ее труп за город и там бросил в придорожный кювет¹.

Гончаров, убив молотком жену, положил ее труп, упакованный в мешок, на раму велосипеда и ночью отвез на шоссе².

Имре Сарка был убит своим шурином Иштваном Капашем непосредственно на шоссе, когда Сарка поехал на велосипеде к омету за соломой, куда его, по сговору с братом, послала жена. Напав из засады на Сарка, Капаш нанес ему по голове два удара киркой, после чего труп убитого оставил вместе с велосипедом на шоссе. Удары были настолько сильны, что судебно-медицинский эксперт вначале пришел к ошибочному заключению, найдя, что удары «превосходят человеческую силу» и предположив поэтому, что «Сарка Имре сбит каким-то тяжелым транспортом». В связи с таким заключением дело прекратили и лишь поспешный выход замуж вдовы погибшего возбудил подозрение следственных органов, дело было возобновлено, и виновность Капаша и его сестры установлена³.

Интересный по обстоятельствам дела случай произошел в Армении. Труп водителя автобуса Оганесяна был обнаружен на шоссе около г. Кировокана в 7 метрах от его автобуса. На трупе были видны явные следы протектора колеса автомашины. Поэтому и учитывая, что смерть Оганесяна была вызвана повреждениями, нанесенными тяжелым тупым орудием, следователь пришел к заключению, что Оганесян был задавлен автомашиной, и вел расследование лишь в соответствии с этой версией.

После истечения двухмесячного срока дело было приостановлено ввиду необнаружения виновных.

Лишь спустя полтора года жена погибшего получила два анонимных письма, в которых сообщалось, что Оганесян был убит тремя жителями Кировокана. Возобновленным в связи с этим расследованием удалось установить, что названные в письме лица, поссорившись с Оганесяном (из-за отказа везти их на автобусе по неполюженному маршруту), действительно убили его, избив разными тяжелыми предметами тут же на шоссе. С целью инсценировать смерть Оганесяна от автомобильного наезда они подтащили труп к автобусу, положили голову под колесо и, втроем двигая автобус, раздавили его колесом голову убитого.

Повторная судебно-медицинская экспертиза подтвердила правильность показаний признавших свою виновность обвиняемых.

Из этого примера следует, что даже такой, казалось бы, бесспорный след автонаезда, как отпечаток протектора колеса на коже или одежде трупа, нельзя воспринимать некритически и изолированно от остальных признаков, свидетельствующих об обстоятельствах смерти погибшего.

К числу признаков, указывающих на то, что человек был сбит или задавлен автомашиной, относятся и следующие следы. Поскольку труп сбитого человека обычно протаскивается автомашиной на некоторое расстояние по шоссе, на коже погибшего образуются множественные ссадины, на поверх-

¹ «Следственная практика», вып. 77, М., 1968, стр. 43.

² «Следственная практика», вып. 63, М., 1963, стр. 21.

³ «Следственная практика», вып. 76, М., 1967, стр. 46.

ности же шоссе — следы волочения, а иногда и дорожка пятен крови. Кровоподтеки, ссадины, раны и другие последствия ударов обычно располагаются на нижней половине тела, куда чаще всего наносятся повреждения бампером, радиатором и колесами автомашины. Для автотравм характерны многочисленные переломы костей (таза, ребер, бедренной, берцовых и др.) и повреждения (в частности раздавливание) внутренних органов и мышечной ткани.

Из сказанного ясно, насколько важно по делам, где возникает вопрос о том, произошел или нет автонаезд, правильно и исчерпывающе поставить вопросы эксперту-медику. В частности, помимо обычных, чаще всего приходится ставить такие вопросы:

— имеются ли среди повреждений, обнаруженных на трупе, характерные для автотранспортной травмы;

— если такие повреждения имеются, носят ли они прижизненный или посмертный характер;

— каков механизм возникновения автотравм, обнаруженных на трупе;

— наступила ли смерть погибшего вследствие повреждений, полученных им при наезде на него автомашины, а если они не явились причиной смерти, то чем она была вызвана;

— чем были нанесены повреждения, которые не были вызваны наездом автомашины;

— с какой стороны потерпевшему были нанесены удары, вызвавшие его смерть; в каком положении он в этот момент находился.

Приведенные здесь вопросы с редакционными изменениями могут быть поставлены судебному медику и в случаях обнаружения трупа на полотне железной дороги или вблизи от него, если имеются основания предполагать, что погибший мог быть задавлен поездом (тепло- или электровозом и т. д.).

Если следствие установит, что смерть погибшего действительно была вызвана несчастным случаем в результате наезда автомашины или поезда, то дальнейшее расследование проводится в соответствии с методикой, разработанной для ведения следствия по делам об автомобильных или железнодорожных авариях¹.

¹ См., например, С. Я. Розенблит, Расследование автотранспортных происшествий, М., 1952; А. П. Егоров, Методика расследования по делам о нарушении правил техники безопасности на железнодорожном транспорте, М., 1953.

§ 2. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРИ ИНСЦЕНИРОВКЕ ОБСТАНОВКИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ТРЕТЬИМ ЛИЦОМ

а) Общие вопросы

Как правило, к такому виду инсценировки прибегают преступники, совместно проживающие с потерпевшим, чаще всего — члены его семьи (по изученным делам — в 60% случаев). Лишь изредка (около 15% случаев) они ограничиваются выдвижением версии о совершении убийства другими, как правило, посторонними потерпевшему лицами, ничего не изменяя в обстановке на месте происшествия.

Поскольку при данном виде инсценировок преступники не скрывают сам факт убийства, то прибегают они к такой инсценировке чаще всего в тех случаях, когда повреждения, нанесенные потерпевшему, не могут быть объяснены ни самоубийством, ни несчастным случаем и прямо указывают на умышленное убийство, как, например, удары топором по голове. Другой фактор, обуславливающий выбор данной инсценировки, — возможность для преступника утверждать, что он присутствовал при смерти потерпевшего, что было бы практически невозможно, например, при версии о самоубийстве. Так, убийца иногда заявляет, что вместе с потерпевшим явился объектом нападения посторонних преступников, причем потерпевшему не удалось спастись, а он (убийца) «чудом остался жив».

Правда, и при данном виде инсценировки преступники предпочитают ссылку на алиби (по изученным делам этой категории она встречалась в 72% случаев). В такой ситуации версия ими строится по общей для инсценировок схеме: «Я оставил потерпевшего дома одного, а когда вернулся, обнаружил его мертвым».

Описывая обстоятельства совершения убийства посторонними лицами, преступники чаще всего ссылаются на разбойное нападение, во время которого будто бы и произошло убийство. Для подтверждения данной версии, если согласно ей нападение произошло на дому, преступник (часто теряя при этом чувство меры) инсценирует обстановку ограбленной квартиры: открывает дверцы шкафов, отпирает сундуки, выдвигает ящики комодов и столов, в преувеличенном беспорядке разбрасывает по полу белье, посуду и другие малоценные вещи, якобы выброшенные грабителями из хранилищ, и т. д. При этом, чтобы было ясно, как проникли грабители в квар-

тиру, убийца иногда взламывает (чаще всего изнутри) запоры на двери или разбивает стекла в окне. Факт ограбления он старается подтвердить и тем, что либо прячет те или иные вещи, как будто бы похищенные, либо просто заявляет, что «грабители» похитили крупную сумму денег.

Если преступник утверждает, что присутствовал при разбойном нападении, то нередко он либо сам, либо с помощью соучастника связывает себя, чтобы этим объяснить, почему он не смог защитить от «грабителей» потерпевшего. Встречаются ссылки автора инсценировки и на то, что от удара, полученного от «грабителей», он потерял сознание, а когда очнулся, то оказалось, что потерпевший убит. Для максимального правдоподобия подобного рода объяснений убийца иногда наносит сам себе удары и незначительные ранения, повреждает одежду.

Версии о столкновении с «грабителями» выдвигаются, в частности, и в тех случаях, когда убийство произошло на открытой местности, причем в отличие от потерпевшего преступнику будто бы удалось убежать от «нападавших» на них «бандитов».

Значительно реже «свои» преступники выдвигают версию о совершении посторонним лицом убийства, сопряженного с изнасилованием. Такая версия, естественно, выдвигается лишь для маскировки убийства молодых женщин или девушек-подростков, поскольку в иных случаях, с позиции убийцы, подобная версия была бы мало правдоподобной. Как правило, свою версию об убийстве на почве изнасилования преступники подкрепляют инсценировкой соответствующей обстановки на месте происшествия. Если убийство совершено дома, а создать искусственные доказательства проникновения туда постороннего преступника оказывается для виновного слишком сложно, то труп иногда вывозят (или выносят) на открытую местность, на дорогу, в поле и т. д. Однако чаще убийство совершается где-либо в глухой, безлюдной местности, обычно в лесу, куда жертву специально заманивают.

Для большей убедительности преступники создают вокруг трупа и на его одежде признаки борьбы, придают телу специфическую для изнасилования позу, заворачивают кверху платье или юбку, трусы снимают или разрывают, а иногда даже наносят на тело убитой, в частности в области бедер, ссадины, царапины и т. д.

При производстве некой Г. криминального аборта она потеряла сознание. Тогда делавшая аборт женщина, боясь ответственности, задуши-

Г. рукам
столкно
овали убий
шествия с
ноги ее
тежное пла
лая рубашк
до к

К подо
теру свои
не смогут
и в убийс
а иногда
более или

Как п
«обнаруж
оставлен
покойств
шей, если
ли и т. д.

Так, С
кова, с цел
Веру, котор
су, куда з
Симаков о
сень 18 ин
с утра на
вернулась,
соседнем с
ли чего-ни
шу принят

Через
было, меж
талонны ра
виде мешо
Таким
на почве
заявлении
бе Веры, с
к ее смер

Опис
ния уби
как видн
убийств

ла Г. руками, затем с помощью подруги потерпевшей перенесла труп на колхозный огород. Чтобы отвести от себя подозрения, виновные инсценировали убийство, сопряженное с изнасилованием. При осмотре места происшествия следователь зафиксировал такую картину: «Г. лежала на спине, ноги ее были согнуты и несколько разведены в стороны. Ситцевое цветное платье изорвано и держалось лишь на ее левом плече. Нижняя рубашка высоко поднята, две пары трикотажных трусов спущены почти до колен и в нижней части разорваны по шву»¹.

К подобным инсценировкам прибегают убийцы, по характеру своих отношений с потерпевшей уверенные в том, что их не смогут заподозрить в ее изнасиловании, а следовательно, и в убийстве, например мужа, сожители или братья убитой, а иногда (как в приведенном примере) и женщины из числа более или менее близко с ней связанных.

Как правило, преступник в такой ситуации не торопится «обнаружить» труп потерпевшей (если, разумеется, труп не оставлен в их общем жилище), хотя и проявляет иногда беспокойство в связи с «непонятным исчезновением» потерпевшей, если оба они являлись членами одной семьи, вместе жили и т. д.

Так, Симаков, проживая в доме длительно отсутствовавшего Кашкова, с целью завладеть его имуществом убил 15-летнюю дочь Кашкова Веру, которую тот оставил на его попечение. Убийство он совершил в лесу, куда завел Веру под предлогом сбора шишек. На следующий день Симаков обратился в отделение милиции с таким заявлением: «В воскресенье 18 июля дочь хозяина моего дома Вера Кашкова, в возрасте 15 лет, с утра направилась в лес за еловыми шишками. Вечером она домой не вернулась, и ее нет до сих пор. Как должно быть милиции известно, в соседнем с нашим городом лесу бродит много хулиганов, и не случилось чего-нибудь с Верой. Вера оставлена отцом на мое попечение, и прошу принять серьезные меры к розыску Веры. Симаков».

Через 5 дней в лесу был обнаружен труп Веры. В протоколе осмотра было, между прочим, отмечено, что «...труп лежит на спине; юбка и панталоны разорваны, ноги раздвинуты; под трупом обнаружен в сложенном виде мешок...».

Таким образом, Симаков не только инсценировал картину убийства на почве изнасилования, но и подсказал следственным органам в своем заявлении соответствующую версию; проявляя же беспокойство о судьбе Веры, Симаков тем самым подчеркивал свою будто бы непричастность к ее смерти².

Описанными выше особенностями инсценировка совершения убийства посторонним лицом на почве изнасилования, как видно, довольно существенно отличается от инсценировок убийства при разбойном нападении.

¹ «Следственная практика», вып. 32, М., 1958, стр. 97.

² «Следственная практика», вып. 10, М., 1952, стр. 28.

Другая разновидность инсценировок рассматриваемой в настоящем параграфе категории связана с версией преступника о совершении убийства определенным лицом. Преступник при этом либо только называет в своих показаниях лицо, будто бы совершившее убийство, либо подкрепляет свою версию инсценировкой или хотя бы отдельными искусственными доказательствами, указывающими на это лицо.

Рабочий маслозавода Куприянов при попытке ограбить кассу конторы завода убил сторожа Плаксина. Чтобы отвлечь подозрение от себя, он сфабриковал дорожку каплей крови (из своей пораненной руки) от конторы до дома моториста того же завода Филиппова, где оставил несколько мазков крови на калитке забора. Кроме того, он бросил на месте происшествия рукоятку, отвалившуюся от орудия преступления, — большой отвертки, а окровавленную отвертку (взятую им накануне для преступления из инструментального ящика того же Филиппова) бросил во дворе Филиппова. В результате следователь вначале действительно заподозрил последнего, но нарочитый характер следов крови заставил его подумать об инсценировке; это в конечном счете и привело к разоблачению убийцы¹.

б) Проверка версии подозреваемого

Наиболее слабый, уязвимый и легче других обстоятельств поддающийся проверке момент в рассматриваемой здесь версии преступника (безразлично, выступает ли он в начале следствия в качестве подозреваемого или свидетеля) — это его утверждение о присутствии на месте происшествия третьего лица — постороннего убийцы. Поскольку вся версия сводится к описанию действий этого лица, фактически вымышленного, постольку подозреваемому по ходу следствия невольно приходится чем-то подтверждать присутствие этого третьего лица на месте происшествия. Как уже отмечалось, чаще всего преступник ссылается на алиби, а поэтому и не пытается утверждать, что видел «убийцу», ограничиваясь представлением косвенных доказательств его пребывания и деятельности в виде следов, изменений в обстановке и т. п. В тех же случаях, когда преступник утверждает, что сам видел «разбойника» или «бандита», тот факт, что, кроме него, никто этого «убийцы» не видел, становится особенно наглядным.

Если следователю удастся установить, что будь действительно на месте происшествия посторонний «убийца» в то время и при тех обстоятельствах, о которых говорит подо-

¹«Следственная практика», вып. 22, М., 1955, стр. 93.

зреваемый, то «убийцу» обязательно должен был видеть кто-либо из окружающих, чего фактически не произошло, то версия подозреваемого будет сильно поколеблена.

Но этого, конечно, еще недостаточно, чтобы считать утверждение подозреваемого опровергнутым. Необходимо еще тщательно изучить все следы, а также предметы, которых мог коснуться «убийца», или вещи, которые им могли быть оставлены. На открытой местности, в частности на снегу или на влажной почве, следует установить, скольким лицам принадлежат обнаруженные там следы ног. Так, если подозреваемый утверждает, например, что на него с женой напали в поле двое «бандитов», которые и убили жену, то обнаружение на указанном подозреваемым участке местности лишь двух следов обуви — мужской и женской — явится серьезным негативным обстоятельством, опровергающим версию подозреваемого.

В закрытом помещении надо выявлять пальцевые отпечатки на всех предметах, которых должен был (или хотя бы мог) коснуться убийца. В частности, следы пальцев надо искать: на оружии преступления (если оно обнаружено), замках и дверцах открытых хранилищ, дверных ручках и оконных стеклах, электролампочках и выключателях, стеклянных, фарфоровых и никелированных предметах, например на посуде, если она осталась не убранной со стола.

Вполне очевидно, что для проверки принадлежности выявленных следов рук необходимо взять пальцевые отпечатки у всех лиц, имевших доступ к тем предметам обстановки, на которых следы были найдены.

Из предметов, которые могли быть оставлены убийцей на месте происшествия, надо обращать внимание на окурки, в первую очередь свежие. Выявление окурков со слюной, относящейся к другой группе крови, или иных по манере гашения, чем у потерпевшего и подозреваемого (если они курили), а также у других курящих членов семьи или лиц, посещавших данную квартиру в день убийства, косвенно подтверждает версию подозреваемого¹. Однако обнаружение окурков лишь с совпадающей по группе крови слюной еще не может опровергать эту версию: посторонние убийцы могли не

¹ При этом, однако, следует иметь в виду, что член семьи мог совершить убийство с помощью соучастника, проживающего отдельно. Обнаружение оставленных этим соучастником окурков (равно как и пальцевых отпечатков), естественно, не будет подтверждать версию подозреваемого.

курить вообще или хотя бы на месте происшествия, к тому же их кровь могла быть однородной с кровью потерпевшего или подозреваемого.

Кроме следов и предметов, принадлежащих третьим лицам, на месте происшествия надо выявлять любые признаки и обстоятельства, которые либо подтверждают, либо опровергают объяснения подозреваемого о действиях, совершенных «убийцами». Обстоятельства, негативные по отношению к версии подозреваемого, при данном виде инсценировок имеют особо существенное значение. Наиболее четко это проявляется, когда «свой» преступник рассказывает о действиях, будто бы совершенных «убийцами» в его присутствии.

Отсутствие следов таких действий, т. е. очевидное негативное обстоятельство, явится веской уликой, изобличающей подозреваемого в заведомой лжи, а отсюда и возможной причастности к убийству.

Так, в случаях инсценировки изнасилования, будто бы предшествовавшего убийству, убедительным негативным обстоятельством, опровергающим версию преступника, может служить отсутствие признаков полового сношения с потерпевшей, в первую очередь — неповрежденная девственная плева, а также отсутствие спермы на трупе и белье.

Если же, помимо негативных обстоятельств, будут обнаружены и искусственно созданные доказательства, которые должны были бы подтвердить показания подозреваемого, убедительность таких улик станет намного очевиднее.

Практика знает случаи изобличения «своего» убийцы исключительно путем опровержения его версии о посторонних преступниках, будто бы убивших кого-либо из его близких. В связи с этим стоит вспомнить о деле, уже описанном нами ранее¹.

Ночью к жителю села Лиховка Днепропетровской области Жуку постучался его сосед Одижный. Одетый лишь в нижнее белье, он кричал: «Бандиты мать убили!» Вышедшему на улицу Жуку Одижный показал, в какую сторону скрылись двое неизвестных, только что убивших его мать. Попытки преследовать их ни к чему не привели. В единственной жилой комнате хаты Одижных на лежанке обнаружили труп матери Одижного с несколькими ранениями черепа, нанесенными, по-видимому, топором.

По словам Одижного, «бандиты» проникли в дом через оконце в кладовке, замурованное глиной. Услышав шум в сенях, Одижный залез в узкий промежуток между кроватью и сундуком, где и спрятался, присев на корточки. «Бандиты» прошли, не заметив его, к матери, спавшей на

¹ «Следственная практика», вып. 17, М., 1954, стр. 223—232.

печке, а он бросился бежать из дома, чтобы позвать на помощь. «Грабители», убив мать, погнались за ним и бросили в него топором, который ударил его в ногу. Испугавшись, что на крики Одижного сбежится народ, «бандиты» побежали к околице деревни.

Осматривая место происшествия, следователь выявил ряд негативных обстоятельств, опровергающих версию, выдвинутую Одижным. Так, никаких следов пребывания преступников в доме не оказалось, если не считать неизвестно почему опрокинутого шкафа и пролитого из кувшина молока. Из дома ничего не было похищено.

При осмотре спинки кровати и торцевой части сундука оказалось, что они покрыты ровным слоем пыли. Нетронутой осталась и паутина на верхней части окна кладовки, а вынутая из него глина лежала на земле ровными пластами, причем под глиной была обнаружена лопата. Ни на подоконнике, ни на земле под окном кладовки следов ног не оказалось.

Поверхность земли под окровавленным топором¹, лежавшим недалеко от входной двери в хату, была ровная, гладкая и никаких следов падения топора в виде вдавлен, углублений и т. п. ни под топором, ни вблизи его найдено не было. При освидетельствовании Одижного на его ногах повреждений, кровоизлияний и других следов удара не оказалось.

Это дело ярко показывает, как обнаружение ряда негативных по отношению к версии «своего» убийцы обстоятельств полностью ее опровергло и в конечном счете привело к разоблачению преступника.

Кроме того, из приведенного примера видно, что осмотр места происшествия по делам анализируемой категории должен проводиться не только тщательно, но и целеустремленно. Проверке подлежит каждая деталь объяснения лица, утверждающего, что он был очевидцем разбойного нападения и совершенного его участниками убийства. Только таким путем и мог быть выявлен в описанном выше случае целый ряд существенных негативных обстоятельств: куски глины из окна, выброшенные наружу, а не внутрь кладовки; лопата, лежащая под кучей глины, а не сверху ее; неповрежденные паутина на окне кладовки и слой пыли на кровати и сундуке, а также ровная поверхность земли под топором.

Большинство этих негативных обстоятельств, выявленных осмотром, для получения убедительного доказательственного значения требовало еще проведения следственного эксперимента. Так, необходимо было проверить: куда будет падать глина, если ее разбивать снаружи; сохранится ли целой паутина, если через оконце кладовки пролезет человек; может ли остаться ровной, неповрежденной поверхность земли, если на нее будет брошен топор, и, наконец, мог ли Одижный уме-

¹ Сразу же после осмотра было установлено, что этот топор Одижный за несколько дней до убийства взял у Жука, так как своего топора у него не было.

ститесь между кроватью и сундуком, не нарушив слоя пыли на их стенках.

Некоторые же негативные обстоятельства говорили сами за себя, например сразу же было ясно, что если глину в ок- не разбивали лопатой (как это следовало из показаний Одижного), то она должна была лежать не под кучей глины, а сверху.

Таким образом, версия Одижного практически была опро- вергнута уже осмотром. Окончательно же изобличить его мог- ли несложные следственные эксперименты, которые вполне можно было провести в тот же день. Но, как ни трудно этому поверить, материалы дела показали, что не только следствен- ных экспериментов, но даже само собой напрашивающихся выводов из всего выявленного следователем при осмотре сделано не было. За убийство Одижной вначале был привле- чен и даже осужден некто Дехтерь — односельчанин и быв- ший сожитель Одижной, которого сын убитой неожиданно, спустя три дня после убийства, назвал как одного из двух «неизвестных бандитов».

Лишь после возвращения дела на доследование област- ным судом и передачи его другому следователю последний, правильно оценив совокупность собранных по делу доказа- тельств, провел необходимые следственные эксперименты и буквально за несколько дней изобличил действительного убийцу — Одижного.

В случаях, когда, судя по данным осмотра, имеются осно- вания предполагать, что версия близких потерпевшего о по- сторонних убийцах ложна, сразу же после осмотра места происшествия необходимо произвести тщательный обыск. Только таким путем могут быть найдены спрятанные «свои- ми» преступниками окровавленные предметы их одежды, ору- дие убийства, будто бы похищенные «грабителями» вещи, а также переписка и другие данные, позволяющие установить личность отдельно проживающего соучастника (или соучаст- ников), либо даже фактического исполнителя преступления, если кто-нибудь из членов семьи потерпевшего выполнял лишь роль подстрекателя.

В ряде случаев преступники — авторы версии об убий- стве, будто бы совершенном посторонними лицами при раз- бойном нападении, были разоблачены именно в результате обыска, проведенного сразу же после осмотра места проис- шествия.

Известно
в истинно
шили дво
ли пыта
под тюф
«грабите
с еще не
среди п
которая

Это
обыска
успеха
дать с
все ве
сущест
орудия
В резу
лены

в)

В
следс
чальн
рить
быть
значе
дебн

С
ной
прес
ный
случ
лен
под
пев

подж
чил

мед
кров
ширн
шей

нема

Известен случай, когда осмотр места происшествия вызвал сомнения в истинности версии мужа убитой, утверждавшего, что убийство совершили двое грабителей, которые ночью проникли в дом и, связав его, убили пытавшуюся поднять шум жену. Сразу же произведенным обыском «грабителями» деньги и ценности, а в подполье орудие убийства — топорик с еще незамытыми пятнами крови, принадлежавшей убитой. Одновременно среди переписки и документов были найдены письма любовницы мужа, которая оказалась подстрекательницей убийства.

Этот случай отчетливо показывает решающее значение обыска по делам анализируемой здесь категории. Условием успеха обыска явился его неотложный характер: стоило опоздать с ним на сутки и женоубийца безусловно устранил бы все вещественные доказательства своей виновности. Очень существенно и то, что поиски не ограничились обнаружением орудия преступления и будто бы похищенных ценностей. В результате тщательного осмотра документов были установлены соучастница и мотив преступления.

в) Роль экспертиз в проверке версии подозреваемого

Выше освещалась роль осмотра места происшествия, следственного эксперимента и обыска в решении первоначальной задачи по делам анализируемой категории: проверить версию того из близких потерпевшего, который может быть заподозрен в причастности к убийству. Существенное значение в этом вопросе имеют и экспертизы, чаще всего судебно-медицинская и криминалистическая.

Судебно-медицинское исследование трупа по делам данной категории практически не имеет специфики, поскольку преступники, как правило, не пытаются скрыть действительный способ лишения жизни потерпевшего. Лишь в отдельных случаях «свой» преступник, инсценируя убийство при ограблении, прибегает к поджогу, цель которого отвести от себя подозрение (дескать, человек, проживающий вместе с потерпевшим, не будет поджигать свое жилище).

Марченко, убив молотком жену, полил пол около трупа соляркой и поджег, а сам ушел на электростанцию, где работал монтером, и включил свет в поселке, тем самым пытаясь создать себе алиби.

Решая вопрос о причине смерти сильно обгоревшей жертвы, судебно-медицинский эксперт ошибся, указав, что смерть последовала как от кровоизлияния в мозг, вызванного переломом костей черепа, так и от обширных ожогов. Лишь повторная экспертиза установила, что тело погибшей обгорело после смерти.

Характерно, что по этому же делу вначале была допущена и другая немаловажная ошибка: в результате неправильного определения очага

пожара следователь пришел к выводу, что причиной его явилась неисправность электропроводки.

Лишь после того как: а) пожарная экспертиза установила, что сначала загорелся пол около трупа, политый соляркой; б) техническая экспертиза установила однородность оставшихся следов солярки с соляркой, имевшейся на электростанции у Марченко; в) фляга с «похищенной» одеждой потерпевшей, спущенная преступником на дно пруда, была там случайно найдена и г) соседи Марченко показали при допросе, что вся его верхняя одежда и другие ценные вещи остались почему-то нетронутыми «грабителями», полностью изобличенный Марченко подробно рассказал о том, как он совершил и скрывал преступление¹.

Почти во всех случаях, когда очевидцы убийства описывают, как оно было совершено, следователю приходится спрашивать эксперта-медика, соответствуют ли этому описанию обнаруженные на трупе повреждения.

Аналогичный вопрос обязателен и при экспертизе живых лиц, в частности членов семьи убитого, якобы подвергшихся нападению «грабителей» и получивших при этом повреждения. При наличии же подозрений на саморанение надо поставить вопрос и о том, не были ли нанесены повреждения самим «потерпевшим».

Крайне важно выявление судебно-медицинской экспертизой пятен (в первую очередь брызг) крови на предметах одежды кого-либо из членов семьи убитого, ссылающихся на алиби, в особенности, если эта кровь однородна по группе с кровью потерпевшего и отличается от крови владельца одежды. Для определения следов крови надо направлять на экспертизу срезы с ногтей и соскобы из-под них, которые должны быть взяты у подозреваемого как можно раньше.

Хотя, казалось бы, при убийстве, совершенном «своим» преступником, роль пальцевых отпечатков и незначительна (ведь наличие их на любом предмете обстановки всегда может быть объяснено нейтрально), однако в ряде ситуаций обнаружение этих следов может оказаться весьма существенным. Особенно важно установить при дактилоскопической экспертизе, чьи следы обнаружены на оружии преступления и на предметах, которых убийца мог касаться на месте происшествия. В случае же, если подозрение падает на лицо, проживающее отдельно от потерпевшего, важная роль дактилоскопической экспертизы тем более очевидна.

Яркой иллюстрацией того, как благодаря судебно-медицинскому исследованию вещественных доказательств и дактило-

¹ «Следственная практика», вып. 57, М., 1962, стр. 55.

скопической экспертизе удалось изобличить убийцу, может служить дело об убийстве супругов Перегняк.

18 октября к Перегнякам, жившим в коммунальной квартире, пришли товарищ Перегняка по работе Логиненков и их общий знакомый шофер такси Седлецкий. Супругов они обнаружили мертвыми: у обоих были раздроблены черепа.

При проведении осмотра выяснилось, что все в комнате перерыто, по-видимому, в поисках денег, поскольку вещи оказались целы. На пробке графина обнаружили пальцевые отпечатки, не принадлежавшие убийцам. Была также найдена записка: «Если ты не успокоишь жену, то тебе будет плохо». Это дало вначале основание заподозрить соседа Перегняков Григорьева, бывшего с ними в плохих отношениях.

Из объяснений, сразу же взятых от Седleckого и Логиненкова, выяснилось, что пойти к Перегнякам Логиненкова уговорил Седлецкий, который, по его словам, в последний раз заходил к Перегнякам 15 октября между 18 и 19 часами, чтобы передать им бутылку с жидкостью для растирания. Поскольку же давность смерти была предварительно определена экспертом в трое суток (что потом подтвердило и вскрытие трупов) и после вечера 15-го Перегняков никто не видел, был заподозрен и Седлецкий, которого немедленно допросили и подвергли личному обыску. При нем нашли 400 рублей, а на плаще «болонья» несколько брызг, похожих на кровь. Из-под ногтей Седleckого взяли соскобы, затем ногти обрезают и все это вместе с плащом направили на судебно-медицинскую экспертизу. При допросе Седлецкий заявил, что был у Перегняков 15 октября не в плаще, а в пальто и что следы его пальцев могли остаться лишь на ручке двери, выключателе телевизора и бутылке с растиранием, поскольку он пробыл у Перегняков лишь несколько минут, включил по их просьбе телевизор и ушел.

Седлецкий после допроса был отпущен, но за ним установили наблюдение и стали собирать сведения о его связях и материальном положении. Вскоре Седлецкий сдал в химическую чистку коричневый костюм, а затем и серый пиджак. И тот и другой вместе с квитанциями были сразу же изъяты. Первоначальный осмотр не выявил на одежде видимых пятен крови, однако после опыления разведенным люминолом передняя часть костюма покрылась светящимися пятнами, на пиджаке же таких пятен не оказалось. Костюм также был послан на экспертизу.

В результате исследования всех объектов судебные медики обнаружили на них человеческую кровь, относящуюся к двум группам, одна из которых совпала с кровью убитой Перегняк и отличалась от крови Седleckого.

Следы пальцев на пробке графина оказались, по заключению дактилоскопической экспертизы, оставленными Седleckим. Им же, а не Григорьевым была, как установила почерковедческая экспертиза, написана записка, обнаруженная в комнате Перегняков.

Изобличенный данными различных экспертиз и некоторыми иными доказательствами¹ Седлецкий признал себя виновным, но заявил, что убийство он совершил будто бы «в беспамятстве», а потом инсценировал грабеж и стер свои пальцевые отпечатки с посуды (перед преступлением

---

¹ В частности, удалось установить, что еще накануне убийства Седлецкий не имел даже 10 рублей, а все его объяснения о происхождении 400 рублей, изъятых у него при обыске, были опровергнуты.

он выпивал с Перегняком), но забыл стереть их с пробки графина. Орудие убийства — молоток Седлецкий выбросил в канал Грибоедова, на дне которого он и был обнаружен с помощью магнитоподъемников.

Из криминалистических экспертиз чаще других применяются трасологические — для исследования следов ног на месте происшествия. Кроме того, экспертиза помогает определить, с какой стороны было разбито стекло, через которое якобы проникли в помещение «грабители»; с какой стороны, в открытом или закрытом состоянии и каким орудием были взломаны запоры на дверях, замки в хранилищах и т. п.

Видное место занимает и почерковедческая экспертиза, поскольку «свои» преступники иногда прибегают к подбрасыванию на месте происшествия записок, якобы исходящих от третьих лиц, или, что бывает чаще, посылают следственным органам (либо самим себе) анонимные письма, стараясь ими отвлечь от себя подозрения. Установление авторства в подобных случаях приводит к быстрому раскрытию преступления, так как дать сколько-нибудь правдоподобное объяснение такой веской улики поведения преступнику, как правило, не удается.

Именно таким путем была разоблачена Королева, которая, убив дома мужа, вытащила его труп на дорогу и инсценировала ограбление: часы потерпевшего спрятала в колодец, брюки бросила в уборную, а пиджак и кепку — на дорогу в 10 метрах от трупа, который перетащила туда из дома, а затем подожгла. В дальнейшем она стала посылать на имя следователя одно за другим анонимные письма, в которых последовательно высказывала подозрения против четырех односельчан. Все эти версии, естественно, не подтвердились. Последнее анонимное письмо было опущено Королевой в Ростове-на-Дону. После того как выяснилось, что в день, указанный на штампе, Королева ездила в Ростов, она была заподозрена, и следователь назначил почерковедческую экспертизу по всем семи письмам. Узнав, что авторство ее установлено экспертизой, Королева призналась в убийстве мужа¹.

г) Роль улик поведения

По делам анализируемой в настоящем параграфе категории роль улик поведения особенно велика, так как наблюдаются они почти по каждому делу, причем нередко в виде лжи, связанной с попыткой навлечь подозрения на конкретное лицо.

Так, Одижный через несколько дней после убийства матери вдруг «вспомнил», что в одном из «бандитов» он узнал Дехтеря. Куприянов до-

¹ «Следственная практика», вып. 65, М., 1964, стр. 59.

рожкой из пятен крови привел следователя к дому невинного Филиппова. Седлецкий подбросил записку, будто бы написанную соседом Перегняков Григорьевым. Королева в анонимных письмах назвала четверых односельчан в качестве вероятных убийц ее мужа.

Иногда улика поведения выражается в попытках преступника доказать свою ложную ссылку на алиби. Характерно, что именно эти его действия могут в некоторых случаях привлечь к нему внимание следственных работников.

Повышенная заинтересованность кого-либо из близких погибшего в ходе следствия, подчеркнуто проявленное желание «помочь» следователю в сочетании с ролью человека, первым обнаружившим преступника и сразу же сообщившим о нем следственным органам, также нередко вызывает обоснованные подозрения в причастности такого лица к убийству¹.

Так, в изобличении Седлецкого немаловажную роль сыграли его назойливые уговоры Логиненкова навестить Перегняков без всякой видимой причины, а также активно им проявленное стремление помогать при осмотре места происшествия работникам следствия, которых он первым же информировал об убийстве Перегняков.

Еще более ярко проявились старания преступника «помочь» следователю в деле об убийстве богатой старухи Арифелд. Убивший ее (и похитивший при этом драгоценности) племянник Аржанов первым «обнаружил» труп тетки и, конечно, сразу же сообщил об этом в прокуратуру. На правах единственного родственника убитой он всячески проявлял свою заинтересованность в раскрытии преступления. В частности, он подсказал версию о виновности одного своего знакомого. Для проведения обыска у последнего Аржанов даже сопровождал оперативных работников за город, чтобы там им показать дом «подозреваемого». Безрезультатность обыска натолкнула следователя на правильную версию².

Среди улик поведения по анализируемой категории дел нередко встречается и проявление виновной осведомленности. При этом особенно ценной уликой оказывается знание таких обстоятельств, о которых могло быть известно лишь преступнику или автору инсценировки.

Убийство Перегняков, как было установлено следствием, произошло около 21 часа 15 октября. Седлецкий же утверждал, что он был у них в этот день от 18 до 19 часов. Однако в своих показаниях он упомянул, что видел в коридоре одну из соседок Перегняков, разговаривавшую по телефону. Как выяснилось при допросе всех соседей, вечером 15 октября по телефону действительно разговаривала соседка, указанная Седлецким. Но она говорила около 21 часа, чего Седлецкий не мог бы знать, если его в это время не было в квартире Перегняков. Других же разговоров по телефону в тот вечер никто не вел.

¹ По 32% изученных дел анализируемой здесь категории преступник первым «обнаруживал» труп, а по 36% дел — первым сообщал об убийстве следственным органам.

² «Следственная практика», вып. 76, М., 1967, стр. 41.

Сознательное проявление виновной осведомленности весьма важно для проверки показаний сознавшегося подозреваемого, поскольку, рассказывая о деталях убийства, известных одному преступнику, подозреваемый тем самым объективно доказывает свою виновность.

Так, Королеву после того, как она призналась в убийстве мужа, спросили, в частности, что было написано в семи анонимных письмах, и она подробно пересказала их содержание. Кроме того, она рассказала, что часы мужа спрятала в колодце, а брюки бросила в уборную, где эти вещи и были обнаружены.

Убивший своих родственников Ершов после того, как был разоблачен, точно описал пассажиров грузовой автомашины, которую он встретил, убегая от подожженного им дома потерпевших; указал место, где бросил свою, найденную затем при осмотре, окровавленную перчатку и описал ее приметы, а также показал тропинку, по которой он бежал, где при осмотре на снегу были обнаружены свежие следы мужской обуви¹.

Наиболее показательны, конечно, те случаи сознательного проявления подозреваемым виновной осведомленности, когда при проверке показаний на месте там обнаруживаются предметы, имеющие значение вещественных доказательств по делу, которые ранее не были найдены следователем (как это и произошло при проверке показаний Королевой).

§ 3. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРИ ИНСЦЕНИРОВКАХ НЕНАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ

а) Общие вопросы

Как показало изучение практики, преступники сравнительно редко прибегают к инсценировкам скоростной смерти и смерти от болезни (по изученным делам они составили всего 6%). Это объясняется тем, что данный вид инсценировки убийцы выбирают, как правило, лишь при отсутствии на трупе убитого внешних признаков насилия, которые, естественно, противоречили бы версии о ненасильственной смерти потерпевшего. Правда, иногда преступники пытаются инсценировать ненасильственную смерть даже в тех случаях, когда убийство было совершено способом, причинившим более или менее заметные телесные повреждения. Но, разумеется, такие наивные попытки легко разоблачаются.

Так произошло в случаях убийства Иващук своего мужа, а Клепиковым и Беляевым — своих жен. На шее потерпевших при вскрытии были обнаружены кровоподтеки и ссадины, а у Иващука, кроме того, и две

¹ «Следственная практика», вып. 57, М., 1962, стр. 3.

слабо выраженные странгуляционные борозды. Одна, еле заметная борозда, оказалась и на шее Клепиковой. После же того как экспертиза установила смерть всех трех потерпевших от задушения, версии убийц о скоростной смерти потерпевших («на почве базедовой болезни», «от болезни печени», «от болезни сердца») были опровергнуты¹.

Обычно, однако, ненасильственную смерть потерпевшего преступники инсценируют в случаях, когда убийство совершено либо путем отравления, либо задушением мягким предметом.

К убийству путем отравления (редкому способу в условиях нашей страны) прибегают преимущественно члены семей потерпевшего и другие лица, совместно с ним проживающие. Именно эти лица имеют возможность незаметно, не возбуждая подозрений своей жертвы, иногда на протяжении длительного периода давать ей с пищей, питьем или под видом лекарства ядовитые вещества.

У лиц, живущих отдельно от потерпевшего, таких возможностей, естественно, значительно меньше. Однако изредка встречаются случаи отравления на квартире преступника во время посещения ее потерпевшим. Известны также случаи направления преступником своей жертве (по почте или с нарочным) отравленных лакомств, торта, вина и другого от вымышленного лица либо от имени кого-нибудь из родных, друзей или знакомых потерпевшего.

Члены семьи чаще всего прибегают к отравлению в тех случаях, когда потерпевший долго болеет и смерть его поэтому может быть воспринята окружающими как естественный исход болезни. Наряду с этим встречаются случаи, когда сама «болезнь» — результат постепенного, длящегося иногда месяцами введения малых доз ядовитого вещества в организм потерпевшего. Этот способ убийства, как требующий специальных познаний о действии и дозировке ядовитых и сильнодействующих веществ, чаще применяют лица, знакомые с медициной.

Встречаются случаи, когда преступник прибегает к отравлению, несмотря на то, что здоровье его жертвы, казалось бы, не внушает никаких опасений. В таких ситуациях убийство иногда приурочивается к обильной выпивке с участием потерпевшего, и его смерть объясняется острым алкогольным отравлением.

---

¹ См. «Следственная практика», вып. 19, М., 1954, стр. 147; вып. 32, М., 1958, стр. 187; вып. 55, М., 1962, стр. 172.

Неожиданную смерть отравленной им беременной женщины преступник нередко объясняет приемом ею каких-либо лекарственных средств для прерывания беременности. В практике были случаи, когда такую версию преступник выдвигал в отношении потерпевшей, которая и не была беременной.

б) Признаки смерти от отравления

Поскольку при смерти от отравления отсутствуют наружные повреждения, а убийца, естественно, всячески скрывает действительную причину смерти потерпевшего, следственные органы узнают о таких преступлениях, как правило, намного позже, чем о других случаях убийства. Значительно раньше узнает об этом врач, вызванный для констатации факта смерти и выдачи «врачебного свидетельства о смерти». Чаще всего это либо врач «скорой» или «неотложной помощи», либо участковый врач. Именно поэтому следователям необходимо заранее проинструктировать врачей этих категорий (в пределах своего следственного участка), предупредив их об обязательности немедленного оповещения следователя не только о случаях явно насильственной смерти, но и о сомнительных случаях, вызывающих подозрение на насильственную смерть.

Признаков, указывающих на возможность отравления, довольно много, и выявить их при внимательном наружном осмотре трупа, места происшествия и опросе окружающих может не только судебно-медицинский эксперт, но и врач «скорой помощи». Важно, чтобы в этих признаках разбирался и следователь.

Так, факт одновременного заболевания нескольких лиц, особенно при наличии у них тех же симптомов (хотя бы и в менее выраженной степени), какие наблюдались у умершего, дает основание заподозрить отравление. Из практики известны случаи, когда питье или еда, предназначенные преступником для своей жертвы, случайно попадали и к другому лицу или даже лицам.

Из клинических явлений, присущих отравлению многими веществами, наиболее часты: рвота, понос, судороги, острые боли по ходу пищеварительного тракта, потеря сознания, резкая бледность, «холодный пот» и т. д. Однако наличие этих признаков само по себе еще не доказывает отравления, так как они бывают и при некоторых заболеваниях.

Ожоги кожи вокруг рта и слизистой оболочки в полости рта указывают на отравление кислотами и щелочами. Запах горького миндаля изо рта бывает при отравлении производными от синильной кислоты (например цианистым калием), запах карболки — от отравления карболовой кислотой, лизолом. Суженные зрачки наблюдаются при отравлении морфином и т. д.

Однако при отравлении многими веществами (в частности люминалом, стрихнином, вероналом и др.) какие бы то ни было наружные признаки отсутствуют¹.

в) Установление смерти от отравления и определение вызвавшего отравление вещества

С достоверностью установить факт смерти от отравления и тем более определить вызвавший ее яд можно лишь произведя судебно-медицинское исследование (вскрытие) трупа и, как правило, судебно-химическую экспертизу.

В качестве дополнительного материала для этих экспертиз надлежит предоставить протоколы допросов: лечащего врача и врача, выдавшего «врачебное свидетельство о смерти», родных, родственников, соседей, знакомых и сослуживцев умершего. В этих протоколах особенно подробно должны быть освещены обстоятельства смерти, симптомы болезни и ее течение; по возможности там же надо отразить сведения о болезнях, ранее перенесенных погибшим. Необходимо также предоставить экспертам «врачебное свидетельство о смерти» и всю медицинскую документацию, имеющуюся на дому погибшего и хранящуюся в лечебном учреждении (в частности в поликлинике, в которой в последнее время лечился погибший), а именно: историю болезни, записи в книгах вызовов врачей на дом, анализы, справки, рецепты и др. Все эти документы экспертам рекомендуется предоставлять в подлинниках, а изымать их следователь должен обязательно лично.

Если на квартире умершего при осмотре или обыске (который при наличии к тому оснований должен производиться как можно раньше) будут изъяты какие-нибудь лекарства или хотя бы почему-либо вызвавшая сомнение пустая посу-

---

¹ Подробнее о признаках отравления см. М. И. Авдеев, назв. работа, стр. 376—378; Н. И. Гуковская и В. А. Свешников, назв. работа, стр. 183—186; Э. Кноблох, назв. работа, стр. 282—285.

да или другая упаковка от лекарств, — все это также должно быть предоставлено экспертам.

То же требование безусловно распространяется и на любые следы действия ядовитого вещества, если они почему-либо не были уничтожены преступником и их удалось обнаружить при осмотре и обыске. Если последние производятся сразу или вскоре после смерти погибшего, то можно рассчитывать на обнаружение свежих выделений больного на его белье, постельных принадлежностях, около кровати, в тазах и т. п., а также остатков отравленной пищи и питья. Засохшие же и малозаметные следы выделений, например рвотных масс, удавалось обнаружить на постельном белье и одеялах даже спустя много времени после смерти потерпевшего. Все обнаруженное при обыске и осмотре, что может содержать ядовитое вещество или его следы, должно быть на месте надлежаще упаковано, обязательно опечатано и в таком виде направлено на экспертизу.

Помимо общих вопросов, разрешаемых судебно-медицинским экспертом по делам об убийстве, в случаях, когда подозревается смерть от отравления, эксперту дополнительно ставятся такие вопросы:

— последовала ли смерть от отравления, а если нет, то чем она вызвана;

— если смерть была вызвана отравлением, то каким веществом;

— не могло ли обнаруженное в трупе ядовитое вещество попасть в него посмертно (например из почвы кладбища);

— соответствует ли действительности причина смерти, указанная во «врачебном свидетельстве о смерти»;

— если не соответствует, то может ли это объясняться добросовестным заблуждением врача;

— соответствует ли клиническая картина предсмертного периода, описанная в показаниях близких и окружающих погибшего, явлениям, присущим отравлению веществом, обнаруженным при судебно-медицинской и судебно-химической экспертизах.

г) Выявление обстоятельств и виновника отравления

Если будет установлено, что смерть погибшего была вызвана отравлением, следующая задача следователя — выяснить, каким образом ядовитое вещество попало в организм умершего. В случаях разового приема смертельной дозы та-

кого вещества должны быть проверены версии убийства, несчастного случая и самоубийства. Систематическое же введение его малыми дозами будет указывать либо на заранее обдуманное отравление, либо на врачебную ошибку, в результате которой лечение проводилось лекарствами в дозах, превышающих максимально допустимые.

В том и другом случае важно допросом экспертов и свидетелей выяснить, каким путем, какими дозами и вместе с чем (с пищей, питьем или лекарствами) ядовитое вещество вводилось в организм. Необходимо также установить, обладает ли вещество, вызвавшее отравление, специфическим вкусом или запахом, что важно для решения вопроса о том, можно ли было не заметить его присутствия в пище или питье. Наличие характерного вкуса или запаха отравляющего вещества скорее указывает на самоубийство, так как преступники обычно прибегают к веществам, не обладающим сколько-нибудь заметным вкусом, опасаясь возбудить подозрение со стороны жертвы; такое вещество погибший мог принять и по неосторожности.

Едва ли не решающее для успеха следствия значение имеет выяснение вопроса, кем, когда, в каком виде и зачем было доставлено ядовитое вещество в квартиру погибшего. Если будет установлено, что это — лекарство, которое использовалось при лечении, необходимо тщательно проверить, было ли оно изготовлено в соответствии с рецептурной прописью и не допускалось ли при его приеме отступлений, приведших в итоге к отравлению. Проверяется и правильность дозировки врачом сильнодействующих и ядовитых веществ, включенных им в рецепты.

Если окажется, что таких лекарств погибшему не назначали и не давали, следует выяснить, кем и как ядовитое вещество могло быть получено неофициальным путем. С этой целью должны быть проверены связи погибшего и его родных, близких, соседей по квартире для выявления, нет ли среди них или их знакомых кого-либо, связанного с медицинской или фармацевтической деятельностью. Чем шире будет круг свидетелей, допрошенных о том, как ядовитое вещество могло попасть к погибшему, тем больше шансов на выяснение этого важного вопроса.

Если будет установлено, что погибший сам доставал такое вещество, наиболее вероятными окажутся версии либо о самоубийстве, либо о несчастном случае (если это вещество понадобилось погибшему, например, для уничтожения гры-

зунов, вредителей огородных или садовых культур и т. п.). Проверка версии о самоубийстве проводится в соответствии с общими рекомендациями, изложенными в главе IV, а также с учетом описанных выше обстоятельств, характерных для смерти от отравления. Что же касается версии о несчастном случае, то при ее проверке, кроме выяснения уже названных обстоятельств, следует дополнительно восстановить всю картину того, как и в результате чьей неосторожности отравился погибший.

То обстоятельство, что погибший сам доставал ядовитое вещество, служит противоуликой относительно версии о его убийстве, но не исключает ее полностью, так как убийца мог воспользоваться этим веществом для осуществления своего преступного умысла.

Если ядовитое вещество было получено не погибшим, а кем-либо из членов семьи, близких или соседей, то следует особенно тщательно выяснить, не было ли это лицо заинтересовано в его смерти.

Далее, крайне важно проверить, каково было поведение подозреваемого в момент отравления погибшего, перед и непосредственно вслед за этим. В частности, надо установить, находился ли подозреваемый вместе с потерпевшим в то время, когда последний принял ядовитое вещество¹ и когда его действие приняло угрожающий для жизни характер; какие меры были приняты подозреваемым для спасения жизни потерпевшего, а именно: было ли больному дано что-либо в качестве противоядия, была ли вызвана «скорая помощь» или ближайший врач; если такие меры принимались, то своевременно или с значительным опозданием, когда они уже не могли помочь.

Должно быть также проверено, не принимал ли подозреваемый мер к уничтожению следов отравления: не выливал ли остатки лекарств, питья или пищи; не выбрасывал ли посуду, упаковку от лекарств, а также следы выделений погибшего. Из практики известно, что убийца старается сам или с помощью других лиц как можно скорее ликвидировать все следы отравления. Иногда именно это обстоятельство и заставляет следователя заподозрить убийцу.

В § 2 главы III приводилось в качестве примера дело об отравлении мужем своей жены с помощью раствора цианистого препарата, налитого

¹ Это время может быть определено с учетом показаний экспертов о времени действия ядовитого вещества после его попадания в организм человека.

в бутылочк
стоявшая в
затем вдру
внимание с
ступника.

Неред
с медици
дение спр
нительно
намерени
ружении
рена для
ваний, за
указыват
крыта, р
была об
том, как

Как п
щие (а е
следней)
и, главно
Разумеет
ков соот
быть объ
занное в
даться.

Второ
вреждени
душкой,
следов от
ки обычн
ношении
или бесс

Единс
причины
ское иссл
том, что
таким с
ружных
изойти,

в бутылочку из-под лекарства. То обстоятельство, что эта бутылочка, стоявшая в момент смерти потерпевшей на столике около ее кровати, затем вдруг непонятным образом исчезла, как раз и обратило на себя внимание следственных работников и способствовало изобличению преступника.

Нередко предварительное ознакомление подозреваемого с медицинской и фармакологической литературой либо наведение справок у врачей или фармацевтов оказывается дополнительной уликой, свидетельствующей о заранее обдуманном намерении и подготовке к преступлению. Поэтому при обнаружении такой литературы она должна быть изъята и осмотрена для выявления в книгах каких-либо отметок, подчеркиваний, загнутых страниц и т. п. В протоколе обыска следует указывать, где и в каком положении (в шкафу, на столе, закрыта, раскрыта на той или иной странице и т. п.) книга была обнаружена, так как по этим данным можно судить о том, как давно книгу читали.

Как подозреваемый, так и его близкие, соседи, окружающие (а если книга взята из библиотеки, то и работники последней) должны быть допрошены о том, где, у кого, когда и, главное, зачем была приобретена или взята данная книга. Разумеется, обнаружение указанной литературы у работников соответствующих специальностей, как правило, может быть объяснено нейтрально, однако и в этих случаях все сказанное выше об осмотре и изъятии книг должно соблюдаться.

д) Задушение мягким предметом

Второй способ убийства, не оставляющий наружных повреждений,—задушение мягким предметом (например подушкой, одеялом). Чтобы избежать сопротивления жертвы и следов от его преодоления на теле потерпевшего, преступники обычно прибегают к такому способу убийства лишь в отношении лиц, находящихся в беспомощном (дети, больные) или бессознательном (пьяные, сонные) состоянии.

Единственным путем к установлению в такой ситуации причины смерти потерпевшего может быть судебно-медицинское исследование трупа. Опасность, однако, заключается в том, что врач может пройти мимо случая смерти, вызванной таким способом убийства, будучи обманут отсутствием наружных повреждений на трупе. Так, в частности, может произойти, если был убит человек, непосредственно перед этим

серьезно болевший. Его смерть (равно как и смерть от отравления) может быть ошибочно воспринята не только окружающими, но иногда и врачом как вызванная болезнью, а потому и не требующая судебно-медицинского исследования трупа. Что же касается тех ситуаций, когда путем задушения мягким предметом был убит человек, непосредственно перед этим не болевший, то они подпадают под понятие скоропостижной смерти, которая, как известно, всегда требует проведения вскрытия трупа.

После того как факт убийства путем задушения мягким предметом установлен, первоочередной задачей дальнейшего расследования явится выявление возможного виновника, заинтересованного в смерти потерпевшего, и мотива убийства; затем все объяснения заподозренного об обстоятельствах и причине смерти убитого, а равно и о том, где в этот момент находился подозреваемый, должны быть тщательно проверены. Глубокой проверке подлежит также поведение заподозренного до и после смерти убитого.

§ 4. РАССЛЕДОВАНИЕ ИНСЦЕНИРОВОК УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ЯКОБЫ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ ИЛИ В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

а) Выбор преступниками данных разновидностей инсценировок и выдвижение ими соответствующих версий

Как показало изучение практики, выдвижение ложных версий о неосторожном убийстве наблюдается в случаях, когда лицо, совершившее умышленное убийство и изобличенное в лишении жизни потерпевшего, стремится уменьшить свою ответственность, а потому настаивает на отсутствии умысла.

По всем изученным делам данной категории преступники в начальной стадии следствия, будучи заподозрены, упорно отрицали всякую причастность к убийству, ссылаясь на алиби. Все они к тому же не были близко связаны с потерпевшими (в основном, это были их односельчане, товарищи по работе и т. д.) и потому надеялись, что подозрения на них не падут, тем более, что убийства ими, как правило, совершались на территории, не дававшей никаких указаний на личность преступника, в частности на открытой местности. Лишь после того, как их ссылки на алиби были убедительно опровергнуты, а совершение ими убийства полностью дока-

зано, они, вынужденно признаваясь в этом, объясняли свои действия неосторожностью.

Неслучайно и то, что почти все такие убийства были совершены огнестрельным оружием, обычно охотничьими ружьями. Именно характер действия огнестрельного оружия позволял преступникам объяснить совершенное убийство неосторожным выстрелом, который мог произойти непроизвольно либо случайно поразить человека даже на значительном расстоянии. Очевидно, что объяснить неосторожностью убийство, совершенное, например, ударами ножа или топора, значительно труднее.

Характерно и другое. Выдвигая версию о неосторожном убийстве, преступники довольствуются голыми утверждениями, не пытаясь создавать искусственные доказательства или инсценировать соответствующую обстановку. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, такая версия выдвигается ими не сразу по обнаружении преступления, а лишь после того, как на них пало подозрение, а их первоначальные объяснения (в частности ссылки на алиби) оказались опровергнутыми. Инсценировать же обстановку неосторожного убийства после того, как место происшествия уже осмотрено, труп убитого вскрыт, орудие преступления изъято и исследовано, практически невозможно. Во-вторых, обстановка неосторожного убийства выстрелом из огнестрельного оружия редко отличается от обстановки при убийстве, совершенном с помощью того же оружия, но умышленно.

Любопытно еще и такое обстоятельство. В случаях, когда убийства действительно были совершены по неосторожности, виновные, стремясь полностью отрицать свою причастность к происшедшему, выдвигали версии о смерти потерпевшего в результате самоубийства или несчастного случая.

Так, 17-летний Овчинников, по неосторожности застрелив по дороге на охоту своего одноклассника и приятеля Вшивцева, вначале утверждал, что тот застрелился¹.

Выдвижение преступниками версий о совершении ими умышленного убийства в состоянии необходимой обороны существенно отличается от их поведения при ссылках на неосторожный характер убийства.

Ссылаясь на насилие со стороны потерпевшего, приведшее к его убийству в состоянии необходимой обороны, пре-

¹ «Следственная практика», вып. 36, М., 1959, стр. 90.

ступник, во-первых, с самого начала не пытается отрицать совершение им убийства (иногда даже являясь с повинной). Такая линия поведения убийцы обычно обусловлена тем, что факт убийства и причастность убийцы к преступлению сразу же оказываются бесспорно установленными характером повреждений на трупе и либо показаниями очевидцев, либо вескими косвенными доказательствами (например обнаружением трупа потерпевшего в его или их совместном жилище).

Во-вторых, выдвигая ложную версию об убийстве, вызванном нападением со стороны потерпевшего, преступник предварительно создает искусственные доказательства такого нападения, чаще всего нанося себе повреждения, якобы причиненные ему потерпевшим. Характер этих повреждений практически тот же, что и наносимых себе преступниками для подтверждения версии об убийстве, совершенном посторонними лицами, будто бы нападшими на них с потерпевшим (см. § 2 главы IV).

Не довольствуясь нанесением себе повреждений, преступник старается подбросить на место происшествия и оружие (или орудие), которым будто бы потерпевший их нанес. Иначе поступать автор подобного рода инсценировки и не может. Поскольку, по его версии, потерпевший наносил ему повреждения каким-то оружием (орудием), а затем был убит, постольку на месте происшествия это оружие (орудие) неизбежно должно было остаться.

Нередко при этом преступник перемещает труп потерпевшего, если намеревается утверждать, что убийство будто бы произошло не там, где оно фактически было совершено. Например, убив кого-либо лежащим в постели, преступник для подтверждения своей ссылки на нападение на него потерпевшего кладет труп на пол или выносит во двор, в сад и т. д.

б) Особенности расследования убийств, совершенных якобы по неосторожности

Первоначальная стадия расследования по таким делам практически ничем не отличается от расследования большинства убийств, когда вначале отсутствуют какие-либо указания на личность преступника.

Специфичными дела анализируемой здесь категории становятся обычно лишь после выдвижения подозреваемым версии о неосторожном характере совершенного им убийства, когда возникает вопрос о форме его вины. В основном, реше-

ние э
(хотя
телю
напр
нахо
или
потер
П
бой в
ние т
шего.
Д
частн
как и
когда
он об
что п
дии
на де
тельс
убийс
ло ли
ли по
Ос
рых
этом
лал к
относ
По
детел
распо
указа
На
имени
тельно
как д
дозре
и поч
на не
с как
ти; з
устра
или х
10*

ние этого вопроса сводится к проверке версии подозреваемого (хотя не исключена возможность того, что и самому следователю надлежит выдвинуть версию о неосторожном убийстве, например, если виновный в момент совершения преступления находился в сильной степени опьянения и потому не помнит, или хотя бы заявляет, что не помнит, как и почему он убил потерпевшего).

Проверка версии о неосторожном убийстве охватывает собой выяснение объективных обстоятельств дела и установление того, имелся ли у виновного мотив к убийству потерпевшего.

Для выяснения первого вопроса следователь должен, в частности, установить, каков был механизм преступления, как и почему потерпевший оказался убитым. К тому моменту, когда виновный выдвигает версию о неосторожном убийстве, он обычно оказывается уже полностью изобличенным в том, что потерпевший убит именно им. Поэтому на данной стадии следствия основное внимание рекомендуется обращать на детали самого преступления: почему и при каких обстоятельствах подозреваемый встретился с потерпевшим в день убийства; с какой целью он взял ружье, что с ним делал; было ли оно заряжено, чем и когда, кто заряжал оружие; знал ли подозреваемый о том, что ружье заряжено, и т. д.

Особенно подробно выясняются обстоятельства, при которых был произведен выстрел: где это произошло, кто при этом присутствовал; где находился, и что в этот момент делал каждый из присутствующих; где и в каком положении по отношению к подозреваемому находился потерпевший и т. д.

Подозреваемому и допрашиваемым по этим вопросам свидетелям целесообразно предложить составить схему взаиморасположения лиц, находившихся на месте происшествия, указав на ней и направление выстрела.

Наконец, самым подробнейшим образом выясняется, как именно получился выстрел: стрелял ли подозреваемый сознательно и, если да, то с какой целью, куда, во что или в кого, как держал ружье, куда был направлен ствол; если же подозреваемый, по его словам, стрелять не собирался, то как и почему произошел выстрел. При ссылках подозреваемого на произвольный выстрел необходимо выяснить, в связи с какой неисправностью ружья такой выстрел мог произойти; знал ли о ней подозреваемый раньше, пытался ли ее устранить, показывал ли в связи с этим ружье другим лицам или хотя бы говорил ли им о его неисправности.

Далее следует уточнить, что предпринял подозреваемый, а также другие лица после того, как потерпевший был убит: кому и когда об этом сообщили, устраняли ли следы преступления, в частности замывали ли пятна крови, изменяли ли положение и позу трупа, перемещали ли его и т. д.

Разумеется, показания подозреваемого и его близких, поскольку они могут скрывать действительные обстоятельства убийства, необходимо проверять путем допроса незаинтересованных лиц. Однако показания подозреваемого важны еще и потому, что в них выражается его позиция, содержится его объяснение происшедшего. Сопоставление этих объяснений с показаниями свидетелей и в особенности с данными осмотра места происшествия, вскрытия трупа, а в нужных случаях и следственного эксперимента нередко позволяет быстро установить истину.

В результате судебномедицинского исследования трупа иногда выясняется, что у потерпевшего налицо не одно, а два (или даже три) ранения, нанесенные к тому же в разные части тела. Это обстоятельство чаще всего служит решающей уликой, доказывающей наличие умысла в действиях виновного, поскольку практически невозможно несколько раз стрелять в человека (и тем более наносить ему удары), не допуская при этом возможности наступления вредных последствий этих действий, т. е. неосторожно.

Именно этим обстоятельством были опровергнуты доводы Станкевичуса, что он убил Майжувене случайно, так как не заметил, что она сидела в канаве, и нечаянно ударил по голове топором. После того как Станкевичус ознакомился с заключением судебномедицинской экспертизы, где указывалось, что потерпевшей нанесены по крайней мере два удара и оба с большой силой, Станкевичус признал, что совершил убийство умышленно.

Если же виновный и пытается чем-либо объяснить нанесение им нескольких повреждений потерпевшему, то такие объяснения выглядят явно неправдоподобно («выстрелил в убитого во второй раз, не знаю зачем», «выстрелил в глаза, чтобы в них не сохранилось моего изображения» и т. п.).

Другим обстоятельством, опровергающим версию виновного о неосторожном убийстве, может служить заключение экспертизы о дальности выстрела. В частности, так бывает, когда убийство совершено на охоте, и подозреваемый ссылается на то, что он даже не заметил потерпевшего, который находился от него на расстоянии десятков метров и не был виден за кустами и деревьями. Заключение эксперта, что вы-

стрел произведен на расстоянии не больше двух-трех метров, естественно, опровергает подобные ложные объяснения виновного.

Потапов, сначала категорически отрицавший причастность к убийству Красновой, труп которой обнаружили в лесу с тремя огнестрельными ранениями в области головы, был изобличен заключениями экспертиз: дробь, извлеченная из трупа, оказалась однородной с дробью, найденной при обыске у Потапова; изъятые у него же куски газет совпадали с обрывками из пыжей с места происшествия.

Тогда Потапов выдвинул версию о неосторожном убийстве Красновой, заявив, что убил ее случайно, когда стрелял в птицу с расстояния 10—12 метров. Краснову же он якобы за деревьями даже не заметил. Увидев труп Красновой и «растерявшись, он перезарядил ружье, взвел курок» и побежал к дороге. Когда он споткнулся и упал, «ружье случайно выстрелило второй раз в воздух». Затем он вернулся к трупу и, «чтобы запутать следствие, с расстояния 3—4 метров выстрелил в глаза Красновой».

Экспертиза же установила, что первый выстрел был произведен сзади в шею Красновой с расстояния не более двух метров, второй выстрел сделан почти в упор в область между переносицей и левым глазом и третий выстрел произведен в труп, также почти в упор, в область левой скуловой кости¹.

Таким образом, в данном случае версия убийцы была опровергнута как тем, что он несколько раз стрелял в потерпевшую, так и тем, что выстрелы производились им на столь близком расстоянии, что не видеть ее в момент стрельбы преступник не мог.

Вместе с тем установление экспертизой того факта, что выстрел был лишь один, позволяет иногда устранить неосновательное предположение об умышленном убийстве. Ошибочное заключение о количестве выстрелов нередко вызывается тем, что в одежде потерпевшего обнаруживают несколько отверстий. В таких случаях, если на трупе имеется одно входное отверстие, создается впечатление, что остальные выстрелы (или второй выстрел), пробив одежду, лишь случайно не попали в тело потерпевшего. Поэтому для уточнения количества выстрелов обязательно исследование всех предметов одежды и белья, надетых на убитом. Кроме того, необходимо учитывать и позу потерпевшего в момент выстрела, поскольку в зависимости от нее одежда могла оказаться простреленной в нескольких местах одним выстрелом.

По уже упоминавшемуся делу об убийстве Вшивцева его одноклассником Овчинниковым возникло расхождение в вопросе количества выстрелов. Овчинников утверждал, что выстрел был лишь один, и это под-

¹ «Следственная практика», вып. 57, М., 1962, стр. 87.

тверждалось обнаружением одного ранения в области живота. В то же время на левом рукаве ватной фуфайки убитого эксперт нашел два входных отверстия: одно на задней, другое на заднебоковой поверхности. Исходя из этого межрайонный судебно-медицинский эксперт пришел к выводу, что выстрелов было два.

Для разрешения данного противоречия следователь назначил криминалистическую экспертизу, поставив перед ней, в частности, вопрос о количестве входных отверстий на одежде убитого. Положение осложнялось тем, что ватная фуфайка к этому времени была по недосмотру судебного медика уничтожена. Исследовав спортивную куртку и сатиновую рубашку, которые были надеты на потерпевшем, эксперт-криминалист установил, что на куртке было лишь одно входное отверстие, остальные же разрывы на куртке и рубашке были вызваны тем же единственным выстрелом вследствие полусогнутого положения левой руки потерпевшего (о чем как раз и говорил в своих показаниях Овчинников). Этот вывод был затем подтвержден следственным и судебным экспериментами: когда спортивную куртку расстелили на столе и левый рукав положили на ее переднюю часть, оказалось, что входное отверстие на рукаве точно совпадает с отверстием на передней части. В процессе судебного заседания была произведена экспериментальная стрельба в ватную фуфайку, одетую на манекен. В результате суд пришел к выводу, что второе отверстие в рукаве образовалось не от второго выстрела, а от выгорания ткани.

Из приведенного примера отчетливо видна важная роль осмотра одежды потерпевшего. Поэтому обеспечение сохранности всех ее предметов—обязательная задача следователя.

При оценке показаний лица, заподозренного в инсценировке неосторожного убийства, или при проверке соответствующей версии следует также иметь в виду, что от одного выстрела могут образоваться два входных отверстия в разных частях тела потерпевшего, если его поза в момент выстрела была такова, что обе они оказались на линии полета пули или дробы (например, когда потерпевший в момент выстрела бежит, сильно нагнувшись вперед, и поэтому, поднимая ноги, почти касается то одним, то другим бедром живота. Пуля, попавшая сзади в область таза, может затем пробить и поднятое в этот момент бедро).

Нередко приходится проверять ссылку виновного на то, что выстрел произошел непроизвольно, в частности от того, что либо по неосторожности был задет спусковой крючок или курок, либо оружие случайно выпало из рук и ударилось об пол или землю. В подобных ситуациях, разумеется, необходимо назначать баллистическую экспертизу, а иногда производить и следственный эксперимент, желательно с участием специалиста по оружию и обвиняемого.

Установление возможного мотива убийства производится путем глубокого исследования взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего и проверки того, не был ли обвиняемый за-

интересован в смерти потерпевшего. По этим вопросам необходимо допрашивать лиц, хорошо знавших историю и характер отношений обвиняемого и погибшего. При проведении обыска у обвиняемого следует искать письма, записки, дневники и другие документы, содержание которых может осветить взаимоотношения названных лиц.

В случаях, когда убитый был мало или вовсе незнаком с убийцей, мотивом умышленного преступления обычно оказывается корысть или хулиганские побуждения. Поэтому важно уточнить, имел ли при себе потерпевший деньги, ценности или вещи, которые могли стать объектом ограбления. Необходимо также выяснять, были ли обвиняемый и потерпевший в состоянии опьянения и, если да, то в какой степени, имели ли при себе и с какой целью оружие или бытовые предметы, используемые для нанесения повреждений (нож, отвертку, шило и т. п.). Обязательно должно быть проверено поведение обоих лиц в предшествовавшее убийству время, а также установлены обстоятельства их последней встречи.

в) Особенности расследования умышленных убийств, совершенных якобы в состоянии необходимой обороны

Центральный вопрос расследования убийств данной категории, это—имело ли место нападение потерпевшего, спровоцировавшее, по словам обвиняемого, совершение им убийства.

При осмотре места происшествия надлежит, не ограничиваясь очевидными следами убийства, тщательно обследовать все жилище (если преступление было совершено в жилом помещении) или всю окружающую местность. Особенное внимание при этом следует обращать на затертые или замываемые пятна крови и другие попытки замаскировать следы преступления. Такие попытки нередко предпринимают убийца и его близкие, если, согласно их версии, убийство, будто бы вызванное нападением потерпевшего, произошло на открытой местности, тогда как фактически потерпевший был неожиданно убит в своем или общем с виновником жилище.

Если обвиняемый указывает на ранения, нанесенные ему потерпевшим, то необходимо срочно путем освидетельствования с обязательным участием врача самым подробным образом зафиксировать характер, локализацию и состояние всех повреждений на теле обвиняемого. Если есть возможность безотлагательно провести судебно-медицинскую экспер-

тизу обвиняемого, то освидетельствовать его не обязательно. В противном же случае протокол освидетельствования послужит для судебно-медицинского эксперта основным источником сведений о происхождении обнаруженных у обвиняемого повреждений, поскольку последние за время, истекшее до экспертизы, могут существенно измениться или даже вовсе исчезнуть.

По поводу обнаруженных на теле обвиняемого повреждений эксперту следует, как минимум, поставить пять вопросов:

— какие повреждения имеются на теле освидетельствуемого;

— каким оружием или орудием они причинены;

— какова их давность;

— были ли они нанесены посторонней рукой или самим обвиняемым;

— соответствуют ли характер, локализация и направление повреждений (а при огнестрельных ранениях — и дальность выстрела) объяснениям обвиняемого об обстоятельствах, при которых они были нанесены.

Судебному медику обязательно надо предоставить одежду, которая была на обвиняемом в момент убийства. Предварительно все предметы одежды, а также обувь и головной убор обвиняемого должны быть осмотрены следователем, причем столь же тщательно, как и одежда потерпевшего. При наличии повреждений одежду надо направить на физико-техническую экспертизу.

В ряде случаев отсутствие на одежде обвиняемого каких бы то ни было повреждений опровергало его версию о нанесении ему ранений потерпевшим. Аналогичное значение может иметь и несовпадение локализации и формы повреждений на одежде и ранений на теле обвиняемого. Такое несовпадение будет означать, что повреждения одежды и ранения наносились разновременно, а, возможно, и различными орудиями.

В ряде случаев обвиняемый прямо указывает, а зачастую и предъявляет орудие, которым, по его словам, нанес ему ранения потерпевший. Помимо того, что такое орудие (оружие) должно быть тщательно осмотрено (в частности для выявления на нем пальцевых отпечатков), следователю необходимо выяснить его принадлежность, а также проверить, не находилось ли оно перед убийством у обвиняемого; установить с помощью судебно-медицинской экспертизы, имеются ли на холодном оружии (орудии) пятна крови и, если да,

то совпадает ли ее группа с группой крови обвиняемого или потерпевшего, а также могли ли повреждения, обнаруженные на теле обвиняемого, быть нанесены данным оружием.

Последний вопрос имеет иногда решающее значение, так как отрицательный ответ на него позволяет распознать инсценировку, а следовательно, и опровергнуть версию обвиняемого.

Именно так произошло при расследовании убийства Семкина, застреленного его односельчанином Захаровым. Спустя полчаса после того, как смертельно раненного Семкина доставили в местную больницу, туда же был доставлен и Захаров с резаными ранами в области головы, шеи, спины и на кисти правой руки. Он заявил, что Семкин неожиданно напал на него около колхозного птичника, который Захаров охранял, имея при себе охотничье ружье. По словам Захарова, выстрел, поразивший Семкина, произошел в упор, когда Семкин, нанеся Захарову ряд ударов ножом, схватил его ружье за ствол и потянул к себе. При осмотре места происшествия был обнаружен окровавленный нож, лежавший неподалеку от места, где было найдено тело Семкина. Осмотром одежды и белья, надетых на Захарове в момент убийства, следователь установил, что ни на одном из осматриваемых предметов не было повреждений, которые могли быть нанесены ножом.

Перед судебно-медицинским экспертом следователь поставил, в частности, такие вопросы: 1) с какого расстояния произведен выстрел в Семкина; 2) нанесены ли повреждения Захарову ножом, найденным на месте происшествия; 3) имеются ли на ноже пятна крови и, если да, то какова ее группа; 4) мог ли Захаров сам нанести себе ранения; 5) имеются ли на рубашке Захарова пятна крови.

На эти вопросы эксперт дал следующие ответы: выстрел в Семкина был произведен на расстоянии около метра; ранения Захарову нанесены не ножом, а, по всей вероятности, бритвой; кровь на ноже относится к той же группе, что и кровь Семкина (кровь же Захарова относилась к другой группе); повреждения на теле Захарова могли быть нанесены его собственной рукой; пятен крови на рубашке Захарова не оказалось.

Баллистическая экспертиза дала заключение, что непроизвольный выстрел из ружья Захарова при описанных им обстоятельствах был невозможен.

Таким образом, версия Захарова, которую он пытался подтвердить нанесением себе повреждений и подбрасыванием ножа, запачканного в крови потерпевшего, оказалась полностью опровергнутой и суд признал его виновным в умышленном убийстве Семкина¹.

Если убийство совершено кем-либо из членов семьи потерпевшего, подбрасывание орудия, которым последний будто бы нанес повреждение обвиняемому, практически лишено смысла (поскольку доступ к орудию в такой ситуации в равной мере имел и обвиняемый). Поэтому в подобных случаях преступник обычно утверждает, что потерпевший напал на

---

¹ «Следственная практика», вып. 36, М., 1959, стр. 83.

него, угрожая (или нанося повреждения) тем самым орудием, которым, вырвав его из рук потерпевшего, виновный затем и лишил последнего жизни. Такое объяснение может относиться как к холодному и огнестрельному оружию, так и к любому бытовому орудию.

Для проверки подобной ссылки необходимо установить, где перед убийством находилось данное оружие (орудие), видел ли его кто-нибудь в руках у потерпевшего, знал ли последний о его местонахождении, мог ли им воспользоваться и т. д.

При допросе подозреваемого, а затем и свидетелей подлежат выяснению все мельчайшие детали происшествия. Сопоставление этих показаний между собой и с результатами первоначальных следственных действий, а затем, если возникнет необходимость в криминалистической экспертизе, то и с ее заключением позволяет установить, правдива или ложна версия обвиняемого о нападении на него потерпевшего.

Вполне очевидно, что так же, как и при расследовании убийства, будто бы совершенного по неосторожности, следователь должен специально предусмотреть в плане расследования глубокое изучение характера взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего, чтобы решить важный вопрос, был ли виновник убийства заинтересован в смерти своей жертвы и, если да, то каковы были мотивы убийства; если же конкретного мотива и прямого умысла при совершении преступления установить не удастся, нельзя забывать о возможности убийства с косвенным умыслом, например совершенного в драке или из хулиганских побуждений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава I. Специфика дел об убийствах, замаскированных инсценировками	3
§ 1. Инсценировка как способ сокрытия убийства	3
а) «Сомнительные» случаи смерти и их причины	3
б) Инсценировка как способ сокрытия убийства и факторы, определяющие выбор этого способа преступником	6
в) Две разновидности версий преступника об обстоятельствах смерти потерпевшего	10
г) Схема поведения виновного, выдвинувшего версию о смерти потерпевшего в его присутствии	11
д) Схема поведения виновного, выдвинувшего версию о смерти потерпевшего в его отсутствие	12
§ 2. Основные особенности расследования убийств, замаскированных инсценировками	16
а) Выяснение причины и рода смерти потерпевшего — основное направление первоначальной стадии следствия	16
б) Выдвижение нескольких версий о роде смерти потерпевшего; обязательность версии об убийстве	17
в) Проверка версии об убийстве и версии подозреваемого, подтверждаемой инсценировкой, при проведении первоначальных следственных действий	18
г) Признаки инсценировки и особая роль негативных обстоятельств при ее разоблачении	19
д) Разоблачение инсценировки и ее автора — кратчайший путь к выявлению виновного	27
Глава II. Возбуждение уголовного дела и первоначальные следственные действия	32
§ 1. Особенности возбуждения уголовного дела	32
а) Возбуждение уголовного дела в сомнительных случаях смерти	32
б) Возбуждение уголовного дела при обнаружении трупа в обстановке, указывающей на возможность самоубийства	33

	Стр.
в) Возбуждение уголовного дела при обнаружении трупов в водоемах	34
г) Возбуждение уголовного дела в случае скоропостижной смерти и при иных обстоятельствах, указывающих на возможность отравления	35
§ 2. Первоначальные следственные действия	36
а) Задачи осмотра места происшествия и особенности тактики его проведения	36
б) Специфика осмотра трупа на месте происшествия	39
в) Обыск по месту предполагаемого убийства	42
г) Общие вопросы судебно-медицинской экспертизы	45
д) Допрос свидетелей, выявленных на месте происшествия	49
Глава III. Общие задачи и приемы расследования убийств, замаскированных инсценировками	53
§ 1. Выявление подозреваемого	53
§ 2. Проверка виновности подозреваемого	60
Глава IV. Особенности расследования при инсценировке самоубийства	68
§ 1. Причины преимущественного выбора преступником данного вида инсценировки	68
§ 2. Общие вопросы	71
§ 3. Особенности расследования инсценировок самоубийства при различных способах лишения жизни	80
а) Инсценировка самоповешения	81
б) Инсценировка при утоплении	85
в) Инсценировка самоубийства, совершенного путем выстрела из огнестрельного оружия	91
г) Инсценировка самоубийства, совершенного острым оружием	99
Глава V. Особенности расследования при инсценировках других видов смерти	104
§ 1. Расследование при инсценировках несчастного случая	104
а) Общие вопросы	104
б) Инсценировки несчастных случаев бытового характера	105
в) Инсценировки несчастного случая на транспорте	117
§ 2. Расследование при инсценировке обстановки убийства, совершенного третьим лицом	123
а) Общие вопросы	123
б) Проверка версии подозреваемого	126
в) Роль экспертиз в проверке версии подозреваемого	131

	Стр .
г) Роль улик поведения	134
§ 3. Расследование при инсценировках ненасильственной смерти	136
а) Общие вопросы	136
б) Признаки смерти от отравления	138
в) Установление смерти от отравления и определение вызвавшего отравление вещества	139
г) Выявление обстоятельств и виновника отравления	140
д) Задушение мягким предметом	143
§ 4. Расследование инсценировок убийств, совершенных якобы по неосторожности или в состоянии необходимой обороны	144
а) Выбор преступниками данных разновидностей инсценировок и выдвижение ими соответствующих версий	144
б) Особенности расследования убийств, совершенных якобы по неосторожности	146
в) Особенности расследования умышленных убийств, совершенных якобы в состоянии необходимой обороны	151

Мудьюгин Георгий Николаевич

«Расследование убийств, замаскированных инсценировками»

Редактор Шуракова Т. П.
Корректор Ширяева Н. С.

Сдано в набор 11/VII-72 г.	Подписано к печати 8/V-73 г.	Объем 10 п. л.
Формат бумаги 60×90 ^{1/16}		Заказ 3327
Тираж 8200		Цена 50 коп.

Типография ЦНИИТЭстроймаш
111141, Москва, 2-й проезд Перова поля, 5

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.